

Василий Гредель

ПЫТЛИВАЯ ЮНОСТЬ

КОМСОМОЛЬЦАМ АЛТАЯ
ПОСВЯЩАЮ ЭТУ ПОВЕСТЬ.

Автор

ВАСИЛИЙ ГРЕДЕЛЬ

ПЫТЛИВАЯ ЮНОСТЬ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ

АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1978

3 КСМ
Г 79

Г $\frac{10104-62}{М 138(03)-78}$ 1—77

I

Степа Грачев только что вернулся с поля и гудевшими от усталости руками вяло распрягал хозяйскую лошадь. Одно радовало — нынче можно будет пойти на берег Шумиловки, где обычно устраивались гулянья. Вдруг с улицы кто-то крикнул:

— Степ, тебе Прибытков в ревком велел.

Обернувшись, Степа увидел за пряслами Василия Шаброва.

— Ты что, сельисполнитель нынче?

— Да.

— Что это я Прибыткову потребовался? Не знаешь?

— Знал бы — сказал. Ты живей управляйся — долго он тебя ждать не будет.

С легкой душой Степа спешил в сельревком. Он и не предполагал, что от предстоящего разговора с Прибытковым резко изменится его жизнь, предопределится ее будущее.

В сборне, где размещался сельревком, стояли густые сумерки. Прибытков приник к окну и сосредоточенно

всматривался в догорающий закат. Когда Степа подошел к столу, Прибытков, словно очнувшись, шевельнулся. Багровые отблески заката скользнули по круглым складкам его лица.

— Садись, разговор будет.

Прибытков зажег висевшую над столом керосиновую лампу, достал из железного ящика тоненькую книжку, подал Степе:

— Пока читай, вникай, потом поговорим.

Книжка называлась «Программа и Устав Российского Коммунистического Союза Молодежи». Степа не замечал, как Прибытков время от времени из-за газеты пытливо вглядывался в его лицо. Читая, Степа то хмурился, пытаясь понять незнакомые слова, то улыбался, когда в книжке встречались такие строчки, какие были ему особенно по душе. От прочитанного голова слегка кружилась. Степа положил книжку перед собой, недоуменно уставился на Прибыткова.

— Интересная книжка.

— Чем же она тебе понравилась?

— Ну, так, — Степа пожал плечами. — Наверно, интересная жизнь у тех, кто в ячейке. Они такие дела могут заворачивать!

— А кто мешает создать такую ячейку в Шумиловке?

Степа простодушно рассмеялся.

— У на-ас?

Прибытков резко встал, подошел к Степе, взял его за плечи.

— Да, у нас. Вот об этом и разговор. Ты знаешь, мы, большевики, спаялись в один кулак. И вам, молодым, тоже так надо. Когда люди вместе одно дело делают, они могут горы свернуть. В одиночку и камень с места не сдвинешь. Вам нужно в ячейку объединяться. Иначе может быть худо. Нынче власть в наших руках, но это не мешает богатеям наживаться. За что мы кровь в революцию и гражданскую войну проливали? Чтобы мироеды на людской нужде наживались? Ты заметил, как они друг за дружку держатся? Дай им волю — они в момент всех ревкомовцев задавят. Молодые — наша подмога.

Прибытков долго и горячо говорил о борьбе за новую власть, о воспитании нового сознания, о взаимопомощи бедных. Его взволнованность передалась и Степе. Он

забыл обо всем на свете, только жадно слушал много повидавшего и испытавшего за свою жизнь старого большевика. Каждое его слово будоражило душу, наполняло ее гордостью, что такой уважаемый на селе человек, как Прибытков, по-взрослому, серьезно говорит с ним о важных делах.

Прибытков смолк и, выдержав паузу, спросил:

— Ну, теперь-то понял, зачем надо создавать в Шумиловке Коммунистический Союз Молодежи?

— Что уж там, все ясно, — кивнул Степа. — Только хороших ребят надо подобрать.

— Вот это я и хотел от тебя услышать, — сразу повеселев, сказал Прибытков. — Ты со своими товарищами оповести кого надо с утра. Девушек тоже не забудь. Завтра в полдень и соберемся в школе. День как раз подходящий — воскресенье, должны прийти.

— Прийти-то придут, а вот я... ну думаю, не испугаются они, что союз будет называться коммунистическим?

— Пусть боятся те, кому он не по нутру. А беднякам его бояться нечего — он же для их лучшей жизни создается. На собрании растолкуем, что и как — поймут. Кто не захочет — тех силком тянуть незачем. Нам скрывать нечего — правда, запомни, оружие сильнее пушки. Что у нас, то и у вас — в ячейке должны быть те, кто будет с душой делать то, что записано в этой книжке.

Степа Грачев был из белорусских беженцев. Несколько лет назад, перетерпев невероятные трудности, беженцы добрались до Шумиловки. Коренные жители встретили чужаков как родных. Постепенно все устроилось и забылось, кто свои, кто пришлые. Степа знал многих ребят, но по-настоящему дружил только с Горкой Суминым и Тишкой Дудиным. Дылда Горка горяч, ни за что ни про что лез в драку, потому часто ходил с синяками. Любил он прихвастнуть, когда рассказывал о своих подвигах. При этом его полное лицо делалось еще шире, а на веснушках вокруг носа даже выступал пот. Тишка, наоборот, приземист, широкоплеч, чересчур спокоен. У него большая голова, которая вечно занята какими-то мыслями, выдумками. Порой он такое скажет, что Степа с Горкой невольно хватались за животы.

Степа застенчив, боится высказаться, если какая-ни-

будь интересная мысль и появится. Зато его всегда слушаются, когда нужно что-нибудь сделать. Друзья до сих пор не могут забыть, как Степа подбил ребят проучить заносчивых кержаков, привыкших верховодить на гулянках.

Наутро Степа побежал к друзьям. Весть о ячейке они встретили одобрительно, но по-разному. Горка замахал кулаками, мечтательно закатил глаза.

— Ух, вот здорово. Тогда к нам не подходи. Скопом любым живодерам трепку зададим.

— Вот балабон, все по-своему перевернул. Ему лишь бы кулаками посучить, — добродушно заметил Степа. — Борьба, о которой говорится в Уставе, это не та, что ты думаешь. Ишь ты, взял да и пошел толстобрюхих честить. Тут головой больше надо соображать. Если потребуется, конечно, и руки наши пригодятся.

Тишка все это время морщил лоб, тер его пальцами, словно втискивал в мозги какую-то мысль.

— Больно меня сумнение берет — пойдут ли в союз? Как-никак он коммунистическим называется, почитай большевистским. Побоятся. Банды до сих пор в горах колобродят, да генералы разные все не унимаются.

— Вы ничего не говорите. Сказано, мол, собрание собрать, а там скажут все. Всех в союз и не надо, там надежная братва должна быть.

Класс гудел, как улей. Многие спрашивали друг у друга, о чем будут говорить. Те, кто знал, помалкивал.

Когда в класс вошел Прибытков с незнакомой девушкой, одетой по-городскому, все притихли, стали перешептываться. Кто-то пустил слух, что городская — новая учительница и собрание будет о ликбезе. Степа на днях слышал, что приехала новая учительница, но не ожидал ее увидеть такой молоденькой.

Костяшками пальцев Прибытков постучал по столу — класс затих. Объявив собрание открытым, он достал из кармана знакомую Степе книжку. Подняв ее над головой, Прибытков сказал, как она называется.

— Я прочту ее вам, а вы соображайте что к чему.

Читая книжку, председатель партячейки часто пояснял смысл отдельных слов и фраз, приводил примеры из жизни села. Слушали его внимательно, только некоторые на задних партах иногда перешептывались.

— Теперь можно и вопросы. Только не все сразу — по одному. — Прибытков пытливо оглядел класс.

— Мне все ясно — пишите в ячейку, — поднялся Василий Шабров.

— Нас троих тоже! — выкрикнул Степа.

Прибытков кивнул учительнице. Та встала, подошла к столу.

— Если не возражаете, я буду записывать. Я учительствовать у вас буду, уже состою членом РКСМ.

— А винтовки нам дадут? — спросил из задних рядов кержак Сенька Чуркин.

— Думаю, до этого дело не дойдет, — ответил Прибытков.

— Ваше главное оружие, ребята, книжки, учение, помощь большевикам.

— Учиться можно и без ячейки, — возразил Чуркин.

Прибытков мотнул головой.

— Не-ет. Видно, ты не тем ухом слушал, что я говорил. И в школе, и в ячейке будут учить не только грамоте, но и как новую жизнь строить. Да и книжки у вас будут советские, не те, что при царе. Вместо закона божьего будете учиться законам революции.

Дружок Чуркина Колька Рябчук выкрикнул:

— А ну как старая власть придет — она по головке за Коммунистический Союз не погладит, нет!

— Выметайтесь отседова! — закричали ребята. — Кулачье!

Учительница коснулась локтя Прибыткова, на что тот шепнул: «Не надо вмешиваться, пусть ребята сами».

— Небось ждете не дождетесь царя-батюшку или Колчака проклятого.

— Чалдоны лопоухие! В ячейку прутся — штаны там дадут!

Чуркин, Рябчук и несколько кержаков, огрызаясь, пробирались к выходу. Под свист они скрылись за дверью.

«Ну и гад этот Прыщ, — подумал Степа о Чуркине. — Не зря его Прыщем дразнят. Прыщ он и есть». Учительница встала, подняла тетрадь.

— Я записала в ячейку Шаброва, Грачева, Сумина и Дудина. Есть еще желающие?

— Меня! Меня! — дружно закричали ребята, подняв руки. За ними, робея, потянулись и девушки.

Когда список был составлен, Прибытков сказал:

— В каждой ячейке должен быть председатель и секретарь. Секретарь должен быть обязательно грамотным.

— У нас Грачев грамотный, пусть он будет секретарем, — предложила одна девушка.

— Ну нет, я предлагаю Грачева председателем, — высказался Шабров.

— Правильно, пусть Степа верховодит, — поддержали его.

За Степу проголосовали единодушно.

— А секретарем я предлагаю Виноградову, — сказал Прибытков. — Она грамотнее вас, ребята, и знает, как работают коммунистические молодежные ячейки в городе. Как?

— Что там, учительшу секретарем! — крикнул Тимка Дронов. И поднял руку. Ребята дружно проголосовали за Виноградову. Они окружили ее, стали расспрашивать о городских ячейках. Виноградова охотно рассказывала.

Когда все разошлись, она подошла к Степе.

— Ну, товарищ председатель, будем знакомы.

Степа только теперь заметил, какие необычные у Виноградовой глаза: издали они кажутся синими, а на самом деле голубые, с дымчатым налетом. Она заметила взгляд Степы, но не смутилась.

— Вы здешний? Вы чем-то отличаетесь от других.

— Я из беженцев.

Разговаривая, они незаметно вышли за школьную ограду и остановились.

— Как вас величают? — спросил Степа.

— Зовите просто Шурой, а величать, если уж вам так нравится, Павловной.

— Вы были у нас на обрыве?

— Еще не успела.

— Тогда пойдемте. Такое покажу вам... Девчата с ребятами там любят играть.

Степа сам поразился своей смелости.

Шура стояла в нерешительности.

— Пойдемте, не пожалеете.

— Вообще-то я не против. Только удобно ли? Как-никак учительница.

— Ну и что же? Не со старухами же вам хороводы водить.

Шура рассмеялась, и ее смех был приятен.

Они подошли к крутому берегу Шумиловки. На вер-

шине небольшой горы, сползающей в речку, торчал изъеденный дождями камень. Отсюда открывались широкие дали Алтая. Цепь гор, точно гигантская крепостная стена, увенчанная башнями, выступами и шпилями, тянулась на многие километры.

— Какой простор, лететь хочется! — воскликнула Шура.

Она присела на обломок камня, заговорила:

— Случилось все неожиданно. Вызвали меня в отдел народного образования и предложили ехать учительницей в Шумиловку. И вот я здесь. А вообще-то я никогда не жила в деревне.

— Ничего, вам у нас понравится, — ободряюще проговорил Степа.

II

Село Шумиловка ничем особенным в округе не выделялось. Раскинулось оно на высоком мысу, в излучине рек Шумиловки и Сосновки.

Вырвавшись из ущелья, Шумиловка, словно поразившись неоглядным просторам приобских степей, замедлила свой бег и разлилась вширь. Сосновка же была тихой и мирной речушкой. Текла она откуда-то из предгорий и, прежде чем влиться в Шумиловку, долго петляла меж степных холмов.

В селе две улицы: Подгорная и Речная. Первая начиналась у паромной переправы и убегала в гору двумя рядами больших, срубленных на века изб. Вторая тянулась по берегу Сосновки. Подгорную улицу заселяли старожилы — кержаки и чалдоны, другую — переселенцы из Рязанской губернии. В Шумиловке их дразнили лапотниками.

Слепая вражда, как застарелая болезнь, давно разъедала Шумиловку. Враждовали не потому, что жили на разных улицах, и не потому, что одни ходили в православную церковь, а другие в старообрядческую молельню. Враждовали потому, что у одних было все, у других — ничего. Однолошадные лапотники, работающие не разгибая спины, не могли спокойно смотреть на сытых и довольных кержаков, когда те с гиком загоняли в свои просторные дворы косяки лошадей и целые стада овец.

В Шумиловку Степа приехал с матерью не по своей воле.

В 1915 году война подкатила к знаменитым Беловежским лесам, где находилось родное село Степы. Царь не позаботился эвакуировать население, и оно ходило в постоянном страхе, что вот-вот нагрянут пруссаки — грабители и убийцы. А по большакам с запада круглые сутки двигалась бесконечная вереница беженцев, и те, кто не успел оторваться от надвигающегося, как лавина, фронта, погибали от снарядов немецких батарей. Люди бросали весь скарб и бежали на восток. Родители Степы сдали корову нашим военным и налегке, день и ночь погоняя лошадь, сумели вырваться из кромешного ада.

Чего только не видел Степа на обочинах дороги: раздавленных людей, отбившихся в суматохе детей и стариков, разное добро, обезумевших коров и овец.

Постоянное пристанище семья Степы нашла в Сибири. Отца похоронили в Пензенской губернии, где он надорвался, работая по найму у помещика.

Степа помнит, как осенью 1917 года две теплушки, набитые беженцами, отцепили на полустанке Алтайской железной дороги. Выгружались прямо на снег...

Беженцы уже понаслышались о Сибири. И земли-то там неоглядные, хлеба-то много и каральки чуть ли не на березах висят!

Мороз больно колол уши, нос, щеки. За беженцами приехали мужики. Они закутали детей в тулупы, взрослым роздали пимы и, усадив всех в широкие розвальни, гикнули. Лошади рванулись и понеслись в темноту.

Степа и его мать недолго прожили у хозяина, который привез их с полустанка. Матери почему-то не нравилась хозяйская семья. Однажды зашла в хозяйскую избу женщина — небольшого роста, ладная, лицо в оспинках, кончик носа — лопаточкой, точно утиный, глаза темно-серые, лучистые, улыбка мягкая, добрая. Женщина назвалась Анисьей Ивановной и стала уговаривать мать перейти жить к ней.

К вечеру того же дня приехала она на своем Рыжике и перевезла Степу и его мать с их жалким имуществом к себе.

Жила Анисья на самом краю села. У двери под полатями — деревянная высокая кровать, в переднем углу божница с потемневшими иконами, в простенке меж окон облезлое зеркало и рамка с пожелтевшими фото-

графиями. У Анисьи была дочь Нюрка, моложе Степы на два года.

Хозяйство Анисьи — амбар с сарайчиком да за ними стайка — загончик для скота с плоской соломенной крышей. Там Рыжик, корова, несколько овец и куры. Впоследствии об Анисье Ивановне и о ее судьбе Степа наслышался немало от нее самой и от шумиловцев.

Замуж Анисью выдали на семнадцатом году за Парфена Хохлова. Трудно объяснить, как дочь богатого была просватана в семью с достатками ниже среднего. Правда, глава этой семьи Матвей Коныч был человеком особенным и по-своему известным. Он славился как отменный сапожник. В сшитых им сапогах с острыми носками и со скрипом щеголяли парни не только Шумиловки, но и окрестных деревень.

Мужа Анисьи убили в империалистическую войну. К ней посватался кузнец Иван Прибытков. Был он на три года моложе Анисьи, но выглядел солидным мужиком — рослый, плечи развернуты, в них сила неимоверная. Но не это подкупило вдову — уважали Ивана в селе за ум, душевность, справедливость и бескорыстие. И поговорить он мог по-доброму с любым человеком, к любому горю находил слова — мог успокоить, помочь советом. Мужики уважали и побаивались его за меткое словцо и крепкий кулак. Сколько он дел переделал за одно «спасибо» — то лошадь неимущему подкует, то ножичек сынишке батрака подарит, то косу неумелой солдатке отобьет.

А уж на сходках, на миру, равных не было Ивану. Никого не даст в обиду. Не раз хотели богатеи поприжать его, ан ничего не вышло. Без кузнеца, да еще такого, как Иван, никому не обойтись. На богатых-то он больше и работал — их хозяйства не сравнить с лапотными. При расчетах был суров и мелочен.

— Удивляюсь тебе, — говорил при этом богатей, — ты вона Сафрону Плетневу за здорово живешь лемех сошный перековал, а у меня за обод колесный торгуешься.

— Так у Сафрона в кармане вошь на аркане, а блоха на цепи, а у тебя денег куры не клюют. Сравнил.

Как вышла Анисья за Ивана, пришлось Степе с матерью перебраться на постой к другим. Труднее стала жизнь. Анисья как-никак никогда ни картошки, ни хлеба для них не жалела, даже для Степы в лавке покупала

то ситцу на рубаху, то книжку какую. И мать решила отдать Степу в работники. К кому — гадать не пришлось.

Хозяин мельницы и крупорушки Фома Крутелев, взглянув на Степу, усмехнулся.

— Ну и работничек. Недоносок он, что ли?

— Ни, добрый хлопец.

Крутелев сделал вид, что берет Степу из милости.

— Ладно, пусть работает. Расчет зерном и в придачу обутки за мной. Потом видно будет. Может, еще и набавлю кое-что, ежли угодит мне.

Мать от радости не сдержала слез и стала ловить хозяйскую руку, чтобы поцеловать.

— Я не поп, милая. Пущай работает. Не ворует он у тебя?

Степа зыркнул на хозяина:

— Мне чужого не надо.

— Смотри у меня! — хозяин пригрозил пальцем.

С первых же дней батрачества у Крутелева Степа возненавидел хозяина, но свои чувства ничем не проявлял, боясь матери. Крутелев часто обзывал его свинопасом и зло высмеивал за каждый промах.

Степа как-то не задумывался, почему одни живут богато, а другие бедно. Мать учила его во всем слушаться бога и старших.

Недели через две после того, как Степа нанялся в работники, он поехал на хозяйскую мельницу. Его встретил сторож Егор — худой, сутулый старик, с выцветшими, слезящимися глазами. Хромая на левую ногу, он ловко открыл ворота, хмуро посмотрел на Степу.

— А, новый работничек. Слышал. Не сломал еще горб, дай бог не сломишь. Авось и на себя потрудишься.

Старик только с виду был суров и колюч — это Степа понял как-то сразу, не обмолвившись с ним ни одним словом. Мало-помалу разговорились за ухой, которой сторож стал угощать паренька.

— Кого ты боишься боле всего? — неожиданно спросил старик.

— Чертей.

— Эка, невидаль какая. Враки все это — никаких чертей нет.

— Как нет, — не поверил Степа. — А те, что мучают грешников в аду. Я сам про них в «Житиях святых» читал.

— Говорю тебе — враки!

В Степе росла обида на деда — как так, чтобы «Жития святых» враки. Неужели мать тоже меня обманывает, когда рассказывает о святых и дьяволе.

— Черти не в аду, а тутока, рядом с нами ходят, и первый сатана — Крутелев. Они, брат, мытарят людей похуже всех чертей. Ох, как мучают! Даром на них работают люди, даром! Взять тебя, к примеру. Сколь Крутелев положил тебе жалования?

— Зерно и сапоги вот, — недоуменно ответил Степа.

— А деньгами прикидывал, сколько выходит?

— Двадцать шесть рублей в год.

— Это по скольку же на день?

— Не считал.

— А ты, не сочти за труд, займись арифметикой.

Степа морщил лоб, что-то шептал и, довольный, выпалил:

— Семь с лишним копеек!

— Чему радуешься! — Дед не понял Степу, который обрадовался тому, что ему быстро удалось в уме произвести сложное деление. Но, услышав вопрос сторожа, он призадумался, помрачнел.

— Вот. А то — черти... Такого черта, как Крутелев, ни в одном аду не сыщешь. Такие всю кровь высосут. Ты работаешь за семь копеек, я за столько же да поденщики за двугривенный в день. Вот оно откуда богатство приплывает.

— Правда ли, дедушка, ты на каторге был? Говорят в селе.

— Сущая правда, милый. Царская власть сослала на остров Сахалин — эт далеко отседова — дальше Сибири есть море-окиян, там и остров для тех, кто правду любит. Власть любит пожить всласть, задарма. А кто ей напомнит об этом, тех она подальше Сахалина упечет.

После этого разговора Степа стал думать, как бы сделать так, чтобы Крутелеву жизнь не стала мила. «Поджечь? Еще больше кровь сосать будет на новый дом. Отравить скотину? Жалко, божьи созданья». Степа решил не торопиться.

Крутелев жил вольготно, в довольстве, любил гостей. К нему часто наведывалось начальство: колчаковский милиционер детина Двоеглазов, поручик Корнилкин и какой-то барин, о котором он слышал, что тот был тамбовским помещиком. Степа догадывался: хозяин со-

бирается просватать свою дочь за Корнилкина. Частыми гостями бывали поп с попадьей, купчиха с дочерью, сельский староста. Степе не раз приходилось развозить их, пьяных, разомлевших.

Степа почти не обращал внимания на гостей, пока не увидел страшную картину. К хозяину приехал сын в новых офицерских погонах. Папаша решил отметить это событие щедрой пирушкой. В доме собралось много гостей, стол ломился от закусок и самогона. Вечер Степа суетился во дворе, распрягая брички и тарантасы, а потом тихонько забрался на полати в передней и уснул. Проснулся он от громкого разговора и стона, доносившегося со двора. Степа выскочил на крыльцо. Посреди двора Двоеглазов в присутствии хозяина и многих гостей стегал кнутом привязанного к козлам человека.

— Мы тебя выкрасим в красное, сволочь! На мельницу позарился. Еще горячих! — кричал Корнилкин.

— Так его, голодранца! — поддакивал Крутелев.

С окровавленной спины человека струйками сбегала кровь. Когда его тело расслабилось и недвижимо свесилось с козел, Корнилкин махнул рукой.

— Пока хватит. Выбросить за ворота! — услышал Степа голос Крутелева. Он незаметно перелез забор и что есть силы побежал к Прибыткову. Степа знал, что дядя Ваня никого не даст в обиду и неужели колчаковцам и Крутелеву нельзя отомстить.

Глотая слова, часто сбиваясь, Степа рассказал кузнецу о том, что видел. А тот, оказывается, уже знал обо всем.

— Это они Занадворова пороли, сволочи. Ничего, отольются им наши слезы и муки.

— За что они его так?

— За справедливость. Чтоб нам с тобой лучше жилось.

Прибытков рассказал, как на недавней сходке Занадворов подговаривал всех отобрать у Крутелева мельницу, построенную на общественные деньги и отданную Крутелеву в аренду на пять лет. Срок аренды прошел, а Крутелев по-прежнему брал с мужиков за помол ту же долю.

— А к тебе такое дело, — сказал на прощание Прибытков, — прислушивайся, о чем говорят Крутелев и его гости. Если разузнаешь о чем-нибудь таком, сам понимаешь, скажи мне.

Как-то, столкнувшись в сенях с тамбовским помещиком, Степа хотел было отойти в сторону, но тот схватил его за руку, привлек к себе, тихо заговорил:

— Мне Прибытков сказал, что ты надежный парень. Передай ему вот это. — Тамбовский помещик сунул Степе за пазуху маленький конверт и строго предупредил: — Только ему в руки! Если не сможешь, верни мне. — Он вытащил из бумажника колчаковскую кредитку: — Это тебе на гостинцы. Смотри, никому ни гу-гу. Ответ передашь мне лично, чтоб никто не заметил.

Наутро Крутелев вместе с тамбовским помещиком собрался в город. Степу взял кучером. На улице морозило. Только что отпраздновали масленицу, как всегда в Шумиловке — пьяно, с шумом и драками. Размахивая кнутом и горяча лошадей, Степа хотел показать ямщицкую удаль, но чуть не перевернул сани на крутом льдистом повороте.

— Угомонись. — Крутелев больно ткнул кулаком в спину Степе.

За селом помещик закурил, а Крутелев заговорил:

— Без семьи-то скучно, поди. Некуда головушку приклонить.

— Да, жизнь, знаете, не сахар.

— А была семья-то?

— Была, как не быть. В эту проклятую революцию разбросало нас в разные стороны. Не знаю, где кого искать.

— Мм-да. Я вот со своей благоверной тридцать лет прожил в миру и согласии. Так бы и до смерти, ежли не кутерьма эта.

— Вам грех жаловаться — у вас все, что душе угодно.

— Не скажите. Спокою не стало, порядков. Все в один момент в преисподню загреметь может. Время ненадежное настало, не знаешь, какому богу молиться.

— Разве не надеетесь на Колчака?

— Что Колчак! Опутали его всякие там партии — не знает, кого слушать. А у власти крепкая рука должна быть. С красными цацкаемся, а с ними один разговор — петлю на шею. Как ноне наши шумиловские распоясались. Дай им волю... Я давно Корнилкину список крикунов дал. Он, видите ли, все проверяет, все следит. Мне не верит, а я красных наскрозь вижу. Больно они охочи до чужого добра. Хороший хозяин в красные не пойдет.

— В Шумиловке и красные? Вот не думал.
— Ноне их везде развелось.
— Чего их бояться-то? Покричат да разойдутся добром.
— Да они народ мутят, заразы. Пока не поздно, их надо это... как сын мой говорит, ликвидировать. Ежли Корнилкин будет манежить, то к добру это не приведет. Помяните мое слово, не приведет.
Степа старался все запомнить, чтобы сообщить Прибыткову.
Вернувшись из города, Степа поспешил к кузнецу. Он в этот день был особенно зол на хозяина. У одной из лошадей, на которых ездили в город, Крутелев заметил покрасневшую губу. Он больно отодрал Степу за чуб. Степа не заплакал, но оглянулся и получил за это еще и по зубам.
— Ты что, подрался с кем? — спросил Прибытков, глядя на распухшие губы Степы.
— Фома толстопузый двинул. — И Степа рассказал об услышанном в поездке. Прибытков слушал с большим вниманием и неожиданно спросил:
— Ты с кем-нибудь дружишь?
— Есть ребята. Тишка Дудин, Горка Сумин, еще Лешка...
— Тишка и Горка подходят, а вот Лешка... С Лешкой тебе не по пути. Гусь свинье не товарищ.
Степа несколько дней жил под впечатлением этого разговора. Он как-то сразу почувствовал себя взрослее, кому-то нужным.
Незадолго до петрова дня — престольного праздника в Шумиловке — село всполошилось. В воскресенье утром прихожане как обычно шли на богослужение. У амбаров недалеко от церкви росла толпа. На амбарах расклеены листовки. Кто-то сбивчиво читал вслух:
«Товарищи крестьяне и рабочие! Знайте, лишь сплоченной силой мы можем свергнуть ненавистное нам колчаковское правительство, которое имело своей задачей восстановить старое романовское время.
Вооружайтесь! Доблестная Красная Армия гонит белых на восток. Час освобождения близок. Поможем ей раздавить белогвардейскую гадину!
Товарищи крестьяне и рабочие! Не подчиняйтесь колчаковской власти, не исполняйте приказов Колчака. Дело свободы в ваших руках.

Да здравствует Советская власть!
Смерть белогвардейцам!»
Обращаясь к толпе, Прокопий Дудин сказал:
— Вона как поворачивается. Мотайте на ус, мужички.
— Знамо, поворачивается. Правильно партизаны бают, — поддержали Дудина. Он хотел еще что-то сказать, но жена, схватив его за рукав, оттащила в сторону.
Толпа стала неохотно расходиться, когда к амбарам направился дьякон Пантелеймон. Пробежав глазами листовку, дьякон с нескрываемой злобой сорвал ее и, бросая в толпу гневные взгляды, закричал:
— Дьявольскую грамоту читаете! Крамолу разводите!
Он замахал широкими рукавами рясы и начал пугать собравшихся наказанием божьим.
Листовка породила много кривотолков. Говорили, будто партизаны уже заняли соседний горный район и вот-вот появятся в Шумиловке... Говорили, будут грабить и резать... Но толком никто ничего не знал. Знали только, что из села исчез Занадворов. О нем говорили и в доме Крутелева. От внимания Степы не ускользнуло то, что хозяин ходил как потерянный. Куда исчезли былые наглость и самоуверенность? А колчаковских начальников как ветром сдуло. Ведь до этого не было недели, чтобы кто-нибудь из них не заезжал к нему.
В канун петрова дня ночью нагрянул карательный отряд белочехов. Степу разбудил грохот тарантаса и топот лошадей. Он стремглав вылетел из сарая во двор и, взбежав на крыльцо, остановился перевести дух. «Дома али нет хозяин?» — подумал он и толкнул дверь в сени. На кухне его встретила хозяйская дочь Домна, с которой он дружил.
— Кто пожаловал? — спросил еле слышно.
— Чехи. Народ пороть собираются.
Степа приблизился к Домне:
— Сколько их?
— Не считала. Влопается с ними отец, чует сердце!
Степа пропустил эти слова мимо ушей и уже обыденным голосом сказал:
— Пойду Воронку овса подсыплю. — Степа даже зевнул для убедительности. Оказавшись во дворе, он метнулся к забору.

— Чехи в селе! — почти крикнул он Анисье, которая хлопотала у печи.

— Да ты что?!

— У Крутелева.

— Батюшки, что нам делать! Родимые! — заголосила Анисья, но, опомнившись, взяла себя в руки. — Сейчас же, слышишь, что есть духу беги... или нет, поезжай в Осиновый лог к Ивану, скажи, что знаешь. Там он придумает, что делать.

— А на чем я поеду?

— На чем хочешь! Возьми хозяйского коня. Ну, что же ты стоишь?

Степа махнул рукой и кинулся обратно в усадьбу Крутелева. «Что скажу, если хозяин хватится?.. Да черт с ним, с хозяином, будь что будет», — решил Степа и, ворвавшись в конюшню, взнуздал лошадь.

За селом он галопом поскакал в Осиновый лог. Ему все казалось, что конь скачет не так быстро, как ему хотелось, и он хлестал его концом повода и наддавал пятками в бока.

Прибытков и Сумин сидели у телеги и что-то с жаром обсуждали. Увидев их, Степа осадил коня, крикнул:

— В селе чехи!

— Чехи?!

Мужики тревожно переглянулись, а Степа, отдышавшись, рассказал все, что знал.

К счастью, хозяина дома не было, и, вернувшись, Степа сумел незаметно поставить лошадь на место. В окне показалась голова Домны. Девушка знаками позвала Степу.

— Иди на площадь, чехи туда поехали.

Степа пулей выскочил из ворот. Белочехи оцепили сборную площадь и, как только народ повалил из церкви, начали теснить толпу к общественным амбарам. Двоеглазов с пятью вооруженными милиционерами и группой конных чехов ввели на площадь человек десять арестованных крестьян. Те сначала не понимали, что с ними хотят делать, и пугливо жались друг к другу. И только когда их подвели к среднему амбару, один из них крикнул:

— Заступитесь, братцы! Вы же нас с малых лет знаете, мы никому ничего худого не сделали. — Двоеглазов ударил его кнутом. Конвойные быстро спешились, сняли карабины и выстроились в шеренгу перед аресто-

ванными. По всему было видно, что им не впервые приходится заниматься подобным делом.

В толпе завыли бабы. Одна из них бросилась к мужу. Ее схватили и втолкнули в толпу.

— Антихристы! Разбойники проклятые! — крикнул кто-то.

Чешский офицер повернулся к толпе, выхватил саблю.

— Кто знает, где скрываются большевики? Не скажете — им расстрел.

Никто не шелохнулся.

— Думать три минуты. Потом будет поздно, — прокричал офицер и поднял саблю. Когда истекли три минуты, он резко опустил саблю вниз. Залп подломил всех арестованных, и они один за другим упали на землю. Жены арестованных взвыли не по-человечески и бросились на офицера. Тот всадил шпоры в лошадиные бока, успев что-то по-своему крикнуть солдатам. Они стали палить в воздух, бить прикладами женщин. Окровавленные, обессиленные, те бились на земле в бессильной ярости. Каратели сели на коней и ускакали к парому.

По Подгорной улице на коне несся Занадворов и, размахивая обрезом, кричал:

— В ружье, братцы. Бей гадов!

Показалось еще несколько всадников, вооруженных чем попало — топорами, баграми, вилами. Подъехав к площади, они остановились. Вскоре прискакали с револьверами в руках Прибытков и Сумин.

— За нами, мужики! — крикнул, не задерживаясь, Прибытков.

Подскакав к церковной ограде, Прибытков свалился с коня и, вцепившись в веревку, протянутую к церковному колоколу, ударил в набат. Тревожные удары колокола, догоняя друг друга, заметались над селом.

Мужики и бабы хватали, что попадалось под руку, и бежали на площадь. Из церкви выбежал дьякон, бросился на Прибыткова, чтобы вырвать из его рук веревку, но его оттолкнули, и он, дико озираясь, взмолился:

— Христом-богом прошу, разойдитесь!

— Просишь, божья тварь?! А где ты был, подлюга, когда народ православный расстреливали? — насел на дьякона Прокопий Дудин.

— Бей его! — раздался чей-то пронзительный крик.

Расталкивая мужиков, дьякон пытался бежать, но кто-то огрел его колом по боку. Дьякон охнул, повалился на траву.

Колокол вдруг смолк, и от внезапно наступившей тишины толпа замерла. Прибытков вскочил на коня и, приподнявшись в седле, крикнул:

— Товарищи!

Это теплое слово, за которое расстреливали людей, всколыхнуло толпу, она затопталась, задвигалась, ожидая, что еще скажут ей.

— Красная Армия гонит белых на восток! — надрывая голос, кричал Прибытков. — На выручку к нам идут партизаны. Поднимемся, товарищи, и мы за народную Советскую власть!

На этот призыв толпа ответила многоголосым «ура!»

Прибытков видел, как все теснее вокруг него и Сумина сжималось людское кольцо. Сюда, как к центру, пробирались наиболее надежные крестьяне, и по их горящим глазам Прибытков угадывал — они дадут отпор. Охрипшим голосом он бросил клич:

— Кто за Советскую власть, вооружайтесь, идите к сборне! Там у нас будет штаб. Смерть Колчаку!

— К сборне! К сборне! — подхватила толпа.

— С кровососом Фомой рассчитаться!

— Так его, мироеда.

Занадворов с несколькими мужиками поскакали к крутелевской усадьбе.

Крутелев и Двоеглазов после отъезда чехов, бражничая, сидели в горнице. У крыльца околачивались милиционеры, которым, не зазывая в дом, поднесли по стакану самогона и по куску жареной свинины.

Услышав набат, Двоеглазов подумал, что где-то занялся пожар. Но прибежавший затем работник Крутелева прямо с порога крикнул срывающимся от страха голосом:

— Партизаны!

Милиционеры в спешке затянули седла, схватили винтовки и, выехав за ворота, во весь опор помчались на зады.

— Подлецы-ы! — взревел Двоеглазов.

Крутелев тоже выбежал во двор, заметался, но в открытые ворота ворвался Занадворов. Двоеглазов потянулся к кобуре, но кто-то выстрелил с забора. Он охнул и неуклюже завалился на бок.

Мужики вытащили из сеней очумевшего от страха Крутелева. Ему скрутили руки и повели к сборне. На улице их встретила новая толпа. Один мужик неожиданно взмахнул ломиком.

— Кровопивец! Белая сволочь!

— Так ему и надо!

Бросив убитого посреди улицы, Занадворов с группой верховых поскакал к сборне.

Там стояла возбужденная толпа. Прибытков и Сумин прямо с крыльца отдавали приказания. Одних они посылали охранять дороги, других — оседлать паром, третьих — перегнать с того берега все лодки.

Запершись в комнате старосты, Прибытков и Сумин так посмотрели друг на друга, будто только что увиделись. Уж очень быстро и круто изменилась обстановка. Прежде чем высказать свои соображения Сумину, Прибытков спросил его:

— Что будем делать дальше, Фаддей?

— Надо посылать за подмогой в горы. Нам одним с белыми не справиться.

— Это само собой. Но пока будем рассчитывать на себя. Соберем все оружие, раздадим. Действовать надо. Выжидание и топтание на месте — враг всякого восстания. Я об этом слышал от одного старого революционера.

— Винтовок-то у нас раз-два и обчелся.

— Оружие мы добудем у врага, а пока надо ковать пики...

В передней избе послышался шум. Оказывается, в сборню втолкнули сельского старосту Хрулькова. Прокопий Дудин пояснил Прибыткову:

— Драпануть собрался, колчаковский прислужник. От нас не уйдешь!

Вид у Хрулькова вызывал смех: рубаха и лицо были выпачканы навозом. Клок жиденьких волос прилип к лысине.

— А, старый знакомый! Как поживаешь, брат? — насмешливо спросил Прибытков.

— Заставили служить, куда денешься! Пощадите! — взмолился Хрульков, собираясь повалиться в ноги Прибыткову.

— Знаем, в чем ты виноват! Кто дворы обирал, последнее отымал, чтоб белым угодить?

— Брюхо ему выпустить, вот что! Кто на сходках больше всех хвалил белогвардейскую власть, кто?! А? —

Дудин вытащил из-за голенища кухонный нож. — Пырну вот, колода толстопузая.

— Товарищи, — сказал Прибытков, — судить будем миром, а пока запереть его.

— Вот так гусь! — раздался вдруг веселый голос. — Барина заарканили.

В дверях, конвоируемый мужиками, показался тамбовский помещик.

— У парома задержали сукина сына! Ехал, видно, на блины, а попал на поминки.

Раздался дружный хохот. Слух о том, что Крутелев просватал свою дочь Домну не то за начальника милиции, не то за какого-то помещика, уже давно ходил по селу.

Пряча улыбку, Прибытков пообещал:

— Долгожданный гость! Сейчас мы с ним потолкуем.

С подчеркнутой вежливостью он попросил задержанного пройти в смежную комнату и, подмигнув Сумину, шагнул за помещиком.

А Сумин, попросив Дудина побыть за него с мужиками, пристававшими с разными вопросами, тоже поспешил в соседнюю комнату и запер на задвижку дверь.

Возбужденный «помещик» бегал по комнате, потирая руки. Прибытков и Сумин наперебой рассказывали ему о случившемся в селе.

— Что будем делать, товарищ Ожиганов? — спросили они. Лицо Ожиганова сразу приняло озабоченный вид, и он торопливо заговорил:

— В Чернушку и на стекольный завод надо немедля послать самых надежных нарочных. Выслать разведку на тот берег с заданием узнать, что собираются предпринимать белые. Они, конечно, нападут на село. Надо их встретить пожарче.

Прибытков вышел подбирать нарочных, а Ожиганов засел за письма на стекольный завод и в Чернушку и за текст воззвания. В нем говорилось:

«Мы, крестьяне села Шумиловки, восстали за свои права против колчаковского правительства, против расстрелов, плетей и шомполов.

В своей борьбе мы не одиноки. На Алтае действуют крупные партизанские силы, и они поддержат нас. Красная Армия уже скоро прибудет к нам. Мы все, как один, во имя справедливости взялись за оружие.

Товарищи крестьяне! Поднимайтесь на открытую борьбу и свергайте ненавистную колчаковскую власть! Восстанавливайте власть Советов! Создавайте революционные комитеты, объединяйтесь в партизанские отряды! Мы ждем вашей братской поддержки. Смерть Колчаку! Да здравствует Советская власть в Сибири!

Революционный комитет
и партизанский штаб Шумиловки».

Прибытков засадил Степу размножать воззвание. И вскоре в соседние села поскакали нарочные, разнося весть о народном восстании в Шумиловке.

Был обнародован состав сельского революционного комитета из семи человек во главе с Суминым и создан партизанский штаб во главе с Прибытковым.

Был издан первый приказ партизанского штаба, категорически запрещавший проводить самовольные обыски и аресты. Штаб призывал соблюдать революционную бдительность и дисциплину, грозил революционным судом над теми, кто поднимет руку против восставшего народа.

Перед тем как уехать из Шумиловки, Ожиганов сказал, что расконспирироваться ему еще рано и попросил препроводить его с конвоем в горы. Он предупредил Прибыткова, что если через сутки от него не будет вестей, то шумиловцам следует уходить в горы для соединения с партизанами.

Степа ушел из сборни лишь под утро. Во дворе хозяйской усадьбы царил беспорядок. Валялись где попало сбруя, кормушки, садовый инвентарь. Из конюшни доносилось ржание Вороного, о котором забыли. Степа смело подошел к нему.

— Хватит работать на Крутелева. Теперь Советская власть твой хозяин.

По дороге в сборню Степа заглянул в кузницу. Дверь была распахнута настежь. Там шумел горн и звонко стучали молотки. Несколько мужиков возились у наковален: они ковали пики, перекидывались короткими фразами. Тут же в углу наконечники пик насаживали на палки.

В сутолоке ночи Степа забыл о своих друзьях и теперь, спохватившись, побежал к Горке Сумину. В избу к Суминым он не зашел, а только, спрятавшись за углом, три раза свистнул.

Горка не заставил себя ждать. Сперва в окне показалась его белобрысая голова, а потом скрипнула калитка и Горка, завидев Степу, свернул за угол.

— Где ты пропадаешь? В деревне гляди что творится!

— В ночном был, где.

В это время из переулка вынырнул Тишка Дудин. Подбежав к ребятам, он, захлебываясь, похвастался:

— Мой тятька в партизаны записался!

— Подумаешь, в партизаны! — осадил его Горка. — Мой вон командир, а ты — в партизаны!..

— Ребята, знаете что? — таинственно сказал Степа. — Пошли в сборню. — Расоказав друзьям о том, что он делал ночью в сборне, Степа предложил им записаться в партизаны.

— С пикой и револьвером в руках, ух! — соблазнял он своих приятелей.

Степин порыв передался и ребятам. Они остановились посреди улицы, готовые в сию же минуту вскочить на коней и с пиками в руках броситься на врага. Горка даже выбежал вперед, а Тишка, помедлив, рассудительно заметил:

— Я бы записался, да тятька не позволит.

Разговаривая, ребята подошли к сборне. Там попрежнему было людно, хотя и не так, как вчера. Степа увидел на картузах мужиков красные ленточки и пожалел, что не попросил у Домны отрез кумача.

На крыльцо вышел Прибытков.

— Дядя Иван, запиши нас в партизаны, — сразу пристал к нему Степа.

— Да вы и так записаны. — Прибытков глядел поверх ребячьих голов, ища кого-то, а потом нагнулся к ребятам: — Далеко не отлучайтесь. Будете нужны.

Вся жизнь села, казалось, сосредоточилась теперь здесь, в сборне, и шумиловцы не могли не чувствовать, что их судьба во многом будет зависеть от действий людей, которые объявили себя новой властью.

К этой перемене в деревне отнеслись по-разному. Одни, не раздумывая, в порыве ненависти к колчаковскому режиму и мести за совершенное только вчера неслыханное злодеяние, взяли в руки оружие и решили драться до конца. Другие заняли выжидательную позицию. Большинство кержаков предпочитали не показываться на улице.

Утром из Чернушки от руководителя подпольной группы Зыкова прискакал нарочный с пакетом. Он сообщил, что на пристани с парохода выгружаются пехотинцы.

Партизанский штаб решил немедленно принять меры на случай возможного появления белых: из самых надежных вооруженных винтовками партизан была сформирована группа под командованием Сумина, которую послали в засаду на дорогу из Чернушки в Шумиловку.

Прибытков приказал группе Дудина у парома вырыть окопчики. Ждали вестей от рабочих стекольного завода. Прибытков несколько раз выходил на крыльцо и просматривал, не едет ли кто со стороны тракта.

— Нам бы с полсотни винтовок! — сокрушался не один раз Занадворов, которого назначили заместителем Прибыткова.

— Да еще бы пулемет! — дразнил его Прибытков.

— Меня, Иван, думка гнетет: мужики потопчутся, потопчутся, да и начнут расползаться по своим щелям. Я ведь знаю, кто чем дышит.

— К чему ты клонишь?

— Надо уходить в горы.

— Не-ет. Надо дать хорошую трепку белым здесь, под Шумиловкой. Пусть наши партизаны в лицо увидят врага, а он не так страшен. И оружием обзаведемся.

— Если получится. А нет, что тогда?

— Без веры воевать нельзя, Агафон.

— Одной верой...

— Знаю, знаю, что хочешь сказать. Риск немалый, но другого выхода у нас нет. Ты подумай, что будет с теми, кто останется в селе.

Прибыткова беспрерывно осаждали мужики и особенно бабы. У одних поспевало сено, другим надо окучивать картошку. Все как будто сговорились и требовали пропуска на пашни. Но Прибытков был неумолим. Штаб решил еще на сутки запретить выезд из села. Несколько смельчаков, попытавшихся нарушить приказ штаба и проскочить заставы, были задержаны и доставлены в штаб.

— Пускай день-другой посидят и очухаются, — сказал Прибытков, приказывая запереть очередного нарушителя в каталажку.

К вечеру настроение в Шумиловке поднялось. На заставе задержали воз с сеном. Человек, сидевший на возу в потрепанной соломенной шляпе, до самой сборни ни за что не хотел слезать с воза, словно под ним находился клад, и на все расспросы отвечал лишь да или нет. Только когда воз остановился у самого крыльца сборни, человек слез с воза, обошел его кругом, как бы проверяя, все ли цело, и спросил:

— Который тут у вас за старшого?

Ждать ему не пришлось. Из сборни уже заметили воз во дворе, и на крыльцо вышел Прибытков. Подхватывая вопрос, ответил:

— Я тут за старшего.

Приезжий назвал пароль, установленный Ожигановым для связи между подпольными группами, и сообщил:

— Подарочек от стекольщиков вам привез: десять винтовок и ящик с патронами. Маловато, правда... Сами партизанничать собираемся.

Прибытков поблагодарил за подарок и просил передать рабочим стеклозавода партизанский привет.

Приехав в район засады, Прибытков ознакомился с обстановкой и похвалил Сумина за порядок. Засаду было решено разделить на две части: одну группу сосредоточить на опушке березовой рощи вдоль тракта, а другую — в ложбине с левой стороны дороги.

Оружие делили с боем. Прибыткову пришлось употребить всю свою власть, чтобы винтовки попали в самые надежные руки — прежде всего бывшим фронтовикам.

В лесу быстро темнело. Выслав вперед боевое охранение, Прибытков еще раз прошелся по жиденькой цепочке залегших партизан и остался на правом фланге.

Из-за горизонта поднимался зловещий красный шар луны. Прибытков услышал какие-то неопределенные звуки и до боли в глазах стал всматриваться в лоснящийся под светом луны укатанный тракт, терявшийся за бугром.

— Ты что-нибудь видишь? — протирая глаза, спросил он Сумина.

— Ровно кто-то выскочил из-за бугра. Вон там, — указал рукой Сумин. — Или мне показалось?

Через минуту-две они отчетливо разглядели силуэт всадника.

Прибытков выбежал на дорогу и присел. Всадник, заметив перед собой человека, осадил коня. Прибытков схватился за узду.

— Пароль? — спросил Прибытков.

— Затвор.

— От кого и зачем?

— От Зыкова. Вот от него...

Прибытков взял пакет и приказал нарочному следовать за собой.

— У нас белые...

— Сколько?

— Рота, не меньше. Подводы снаряжают.

При свете луны Прибытков с трудом прочитал донесение. Зыков писал, что в Чернушку прибыло около ста человек пехоты, и, видимо, к рассвету они двинутся на Шумиловку. Отпустив нарочного, Прибытков сказал Сумину:

— К утру беляки будут здесь. Соберем партизан и скажем...

Прибытков ждал вестей от Занадворова. Время тянулось медленно. А когда на востоке посветлело, он, встревожившись, подошел к сухой березе и спросил сидевшего на макушке Шаброва:

— Не маячит?

— Пока нет.

Прибытков прислонился к березе, чутко задремал.

— Подмога идет! — крикнул сверху Шабров.

Прибытков встрепенулся, бросился на дорогу. По ней скакал Степа. Осадив коня, Степа выпалил:

— Занадворов партизан послал. Вот-вот будут.

Пока Прибытков расспрашивал Степу, на дорогу стали выходить партизаны: весть о том, что пришла помощь, быстро облетела шумиловцев.

Забыв о всякой предосторожности, Прибытков кинулся навстречу мчавшимся на него всадникам, за ним потянулись и партизаны, залегавшие поблизости. Все радовались, как дети. Суматоху прекратил подлетевший командир партизанского отряда.

— Что за базар, товарищи?! — крикнул он зычным голосом, осаживая коня. — Кто здесь старший?

Прибытков приблизился к нему и назвал себя. Командир спешился и попросил доложить обстановку.

Через полчаса в роще все утихло, словно тут и не было людей. На востоке ярко разгоралась заря, предве-

щая погожий день, и, казалось, обычная мирная жизнь ничем не будет нарушена.

Прибытков с группой шумиловцев получил задание выдвинуться на правый фланг в сторону Чернушки и залечь на выступе, где дорога круто поворачивает влево. Стсюда хорошо просматривалась дорога. На ней вскоре показался тарантас в парной упряжке. Ею правил молодой мужик. «Кто такой?» — подумал Прибытков и забеспокоился: вдруг кто-нибудь не вытерпит и нажмет курок. Тарантас пропустили там, где затаились кавалеристы.

Пока Прибытков следил за тарантасом, из-за поворота начали выползать телеги. На каждой сидело по три солдата, наготове державшие винтовки. Все свое внимание шумиловцы сосредоточили на передних телегах. На одной из них сидел офицер. Лесную тишину рванул взрыв — залегшие у придорожной канавы партизаны бросили гранату. На дороге сразу образовался затор, а потом все смешалось. Вылетевшие из леса кавалеристы разрезали обоз на несколько частей и стали рубить метавшихся в панике солдат.

Выждав, пока подводы с бегущими солдатами поравнялись с засадой, Прибытков подал команду:

— Пли!

Дав залп, партизаны поднялись и с криком «ура» бросились к подводам. Поняв, что попали в ловушку, солдаты бросали винтовки и поднимали руки.

В лесу еще некоторое время раздавались одиночные выстрелы.

С партизанами, а потом в рядах Красной Армии Прибытков исколесил пол-уезда. Вернулся он в Шумиловку в феврале 1920 года и возглавил партийную ячейку. Степа нанялся в работники к Зубиным.

III

Месяца через два после создания ячейки сельисполнитель вручил Степе пакет. На нем написано: «Срочно. Село Шумиловка, председателю ячейки РКСМ». В пакет были вложены молодежная газета и извещение укома РКСМ о получении протокола первого собрания шумиловской молодежи. Больше всего Степу обрадовало то место в извещении, где говорилось о том, что шумилов-

ская ячейка зарегистрирована в укоме в составе двадцати двух членов.

Вечером члены ячейки собрались в школе. Каждому хотелось не только посмотреть, но и в своих руках подержать газету. Им казалось, что они стали взрослее. Раньше только поп выписывал газету, и если кто ее читал, так это были взрослые. А тут — своя печатная газета! Когда ребята угомонились, Виноградова стала читать газету вслух. Под заголовком «Новые ячейки» газета писала об организации в большом селе Шумиловка ячейки РКСМ.

— Не верится, что про нас там сказано, — удивился Дудин и осторожно, как птицу, погладил рукой краешек газеты.

— Не верится — перекрестись! — Горка вытянул шею и, оттиснув плечом Дудина, заглянул в газету: ему хотелось воочию убедиться, что там действительно написано о Шумиловке, но грамоте он только учился и читал еще по складам:

— Но-вы-е я-чей-ки, — тягуче прочитал он крупные буквы.

— Да не мешай ты Шуре! — оборвал его Степа.

— Терпение, терпение, ребята, — строго заметила Виноградова и стала читать заметки о молодежных субботниках.

— А мы что сделали? Как в лапту, так все тут как тут, а как работать, так ищи-свищи...

С таким мнением Степы Горка не согласился.

— А красноармейкам помогли сеять, забыл?

— Помогли, — подтвердил Тимка Дронов. — Еще как!

— Школьную загородку поправили?

— К чему спорите, ребята! Я согласна с Грачевым. Нам нужно за несколько воскресников заготовить дрова для школы...

— А ученики на что? — перебил Шуру Тимка.

— А ты разве в ликбез не ходил? Ходил. Да и вообще стыдно нам от таких дел отказываться, — сказала запальчиво Груня Занадворова.

Дронов замолчал, а Виноградова начала читать напечатанное в газете письмо комсомольцев с польского фронта.

— Такие, как мы, на войне кровь проливают, а мы тут бездельничаем и спорим о субботниках. — Степа

укоризненно посмотрел на Дронова, и тот, почувствовав себя виноватым, отвернулся.

— Всем, выходит, помогай, а в своем хозяйстве кто будет работать? — возмутился Мишка Скорняков.

— Много ты напомогал!

— Когда мы овес боронили красноармейкам, ты где был? — начал наступать на Скорнякова Горка.

— Где, где? По домашности дел хватало, — пробурчал Скорняков: ему нечего было сказать в свое оправдание.

— Ну вот что, — поднялся Степа. — С Уставом все знакомы, а там что сказано? Меньшинство подчиняется большинству. Или будете на субботники ходить, — он посмотрел на Дронова и Скорнякова, — или выметайтесь отседова. Правильно я говорю?

— Верно! Так их, — поддержали Степу.

Когда на первом собрании Дронов и Скорняков записывались в союз, Степа хотел выступить против, потому что и тот и другой были из зажиточных семей. Теперь все их нутро вылезло наружу.

Когда ребята разошлись, Шура с возмущением сказала:

— Какой несознательный этот Скорняков. Поторопились мы, приняв его в союз.

Степе вспомнились слова Прибыткова о том, что некоторые будут искать в ячейке какие-то свои выгоды... «Выходит, невыгодно быть комсомольцем», — подумал Степа.

Шура словно угадала мысли Степы:

— Это к лучшему, что они разоблачили себя. Было бы куда хуже, если бы они подвели нас в более важном деле, опозорили бы звание члена ячейки.

— Сядем здесь, — предложила Шура, когда они свернули в школьный садик. Она осторожно присела на край скамейки. Степа примостился рядом и убрал под скамью свои ноги, обутые в старые сапоги. — Поговорим о тебе. Ты председатель ячейки и во всем должен быть примером для других...

— А что я такого делаю? — недоуменно спросил Степа.

— Во-первых, быть более сдержанным в споре. Во-вторых, следить за собой.

«Наверное, насчет моей плохой одежды намекает», — подумал Степа и оглядел заношенные, с заплатками,

штаны и линялую рубаху. Шура, не замечая Степиного смущения, с участием спросила:

— Какие у тебя отношения с хозяином?

— Сперва было ничего, а как записался в ячейку, хозяин коситься стал. Говорит, хотел из тебя человека сделать, а ты полез за антихристами.

— Все ясно. Кого же он хотел из тебя сделать? Преданного батрака. Знаем мы этих добреньких! А почему бы тебе не уйти от него?

— Было бы куда, ушел. От одного к другому? — И Степа рассказал, как он жил у Крутелева. Шура молча слушала, потом положила свою руку на руку Степы и задумчиво сказала:

— Да, надо подумать... Будь ты старше — другое дело... Недавно в нашей губернии открылись курсы красных учителей. Туда принимают с трехлетним образованием, но постарше тебя.

— А вы скоро в город вернетесь?

— Говори мне просто ты. Да, придется на время уехать.

Шумиловка готовилась ко сну — лишь изредка доносились лай собак да скрип закрываемых ворот.

Шура встала, оправляя платье.

— Пора по домам.

Степа проводил ее до калитки и перед тем как проститься, набрался смелости и спросил:

— Ты на наших лугах не была? Цветов там — пропасть!

— О, я люблю цветы. Особенно полевые. Где эти луга?

— В воскресенье зайду за тобой? Вместе сходим, хорошо?

— Хорошо.

Шура распрощалась и скрылась в калитке.

Возвращаться к своим хозяевам не хотелось. В ушах еще слышался голос Шуры, а в руке ощущалось тепло ее руки. Чем ближе подходил Степа к дому Зубиных, тем больше злился на себя и на них. «Не буду больше работать на чужих». Вспомнился разговор с дедом Егором о Крутелеве и подсчеты заработка. «Пойду на сенокос в поденщики. Поработал день — и свободен, хоть и ночь — зато твоя».

Степа направился к матери. Она жила теперь у Анисьиной тетки и помогала ей по хозяйству. Степа

только в воскресные дни появлялся у матери, и его неожиданное появление встревожило ее.

— Мабуть що случилось?

— Да нет. Просто хочу тебе сказать, что у Зубиных я больше не буду работать. — Боясь возражений, Степа торопливо объяснил матери, почему надумал уйти от хозяина. Мать и не думала упрекать сына. Она подсела к нему на лавку и, поглаживая рукой его мягкие волосы, сказала:

— Нехай буде по-твоему, сынок. Бог даст, проживем. Измаялся, сама вижу. — И, перейдя на шепот, добавила: — Слушайся только Прибыткова, он нас в беде не оставит.

На следующий день Степа с удочками пошел на речку. Рыба клевала плохо, и он решил навестить деда Егора, который по-прежнему охранял мельницу, но теперь уже ревкомовскую. Дед сидел на старом обколотом жернове и чинил рыбацкие снасти. Завидев Степу, он поднялся и протянул обе руки:

— Эге, кто пожаловал! Как поживаешь, молодежь? Ничего, ничего, наладится жизнь, наладится.

Степе показалось, что дед как бы выпрямился, глаза его ожили. Заметив, как пристально его разглядывают, Егор отбросил палку, на которую обычно опирался, и весело заговорил:

— Что, другим стал дед? Да, другим! Не думал я, милый, что мне доведется пожить при свободе. А вот дожил. Сколько людей за нее костьми легли — тьма. Вам, молодым, жить да жить. Смотрите, не отдавайте ее, свободу-то.

Степа слушал деда Егора с удивлением. А дед с жаром продолжал:

— Каторгу и Крутелевых революция смела, как волна океанская. Видывал я на Сахалине океан. Воды — ужасть! И вот раз, откуда ни возьмись, целая гора воды на берег катится. Ну и смыла целый поселок, и нашего брата, каторжанина, погибло немало... Сказывают, такая волна один раз за много лет приходит. Вредная она. А народная волна — совсем другое. Так-то, сынок!

«Ну и дед! Да его на наше собрание надо пригласить, пусть расскажет ребятам, как на царской каторге был», — подумал Степа.

Подошло долгожданное воскресенье. Лежа на лавке,

Степа мучительно думал о том, что он наденет. Ему хотелось выглядеть получше. Раньше ему было безразлично, в чем он ходил, а теперь было неудобно появляться перед городской девушкой в своем обычном виде. Долго и тщательно чистил он не по росту большие сапоги, попросил у матери вышитую по-белорусски рубаху, поношенные чистые штаны. Услышав от сына такую просьбу, мать удивилась. Такую одежду она доставала ему только по большим праздникам.

— Мабуть, на собрание какое?

— На луга пойдем, за цветами.

Мать испытующе посмотрела на сына, потом понимающе улыбнулась и полезла в сундучок за рубахой.

Причесавшись перед потускневшим зеркалом, Степа остался доволен собой и отправился в школу. Боясь встретить кого-нибудь из ребят, он быстро пересек улицу и огородами вышел к поскотине.

В школьном садике он увидел мелькавшее за кустами светлое платье и окликнул Шуру.

— Какой чудесный день, не правда ли? В городе как-то не обращаем внимания на погоду...

— Летом таких дней у нас много.

Они спустились к ручью, перешли его по бревну и оказались на дороге, ведущей к лугам.

— Какая прелесть, — восторгалась Шура, глубоко вдыхая прохладу летнего утра и глядя по сторонам. Степа с сияющим лицом шагал рядом. Шура охотно рассказывала о себе, о городе, а потом принялась за Степу.

— Ты читаешь какие-нибудь книжки?

Как ни тяжело было сознаться, пришлось сказать правду:

— Ничего не читаю.

— Как! Как можно жить без книг?

Степа покраснел и не ответил. Шура пообещала ему томик Пушкина.

* * *

Из уездного бюро РКСМ пришло письмо о посылке комсомольцев на польский фронт. В письме говорилось, что Антанта предприняла третий поход, чтобы задушить республику Советов. Для этого решили использовать панскую Польшу Пилсудского и барона Врангеля, ко-

торый, собрав остатки разгромленной деникинской армии, из Крыма угрожает югу России. Уездное бюро предлагало шумиловской ячейке послать на фронт одного комсомольца. «Поеду сам», — решил Степа и, как всегда, побежал советоваться к Прибыткову. У сарая на нехитром верстачке тот мастерил грабли и так был увлечен, что не заметил, как к нему подошел Степа.

— Дядя Иван, дядя Иван! Новость!

— Ну, что там еще? — оглянулся Прибытков. Степа подал ему письмо и заметил, как посуровело лицо Прибыткова.

— Дела...

— И у вас мобилизация. Мы посылаем двоих — сегодня решим. А вы когда соберетесь?

— А чего откладывать! Тоже вечером ноне.

— Ну, ну. Ты как председатель кого предложишь?

— А чего думать! Поеду сам, — заявил Степа.

— Другого ответа я от тебя не ждал. Только молод ты еще. У вас в ячейке и повзрослее тебя есть — взять хотя бы Шаброва. Поговори-ка с ним.

Степа вертел в руках колечко древесной стружки и шмыгал носом.

— Ну, что ты нюни распустил? Пойми, от Шаброва больше фронту пользы будет. Он один пулемет на горбу уволокет, а ты и винтовку еле поднимаешь.

— Так уж...

— Ладно, это я так, к слову. Мы с Фаддеем Суминым порешили взять тебя в сельревком. Наш секретарь Студенков прихварывает частенько. Помощником ему будешь. Подучишься, тогда и заменишь его. За работу будешь получать мукой.

Степа, идя к Прибыткову, представлял себя красноармейцем в шлеме и в шинели с широкими красными нашивками на груди, с винтовкой в руках. Правда, было жаль мать, но ведь он разобьет белополяков и вернется.

Прибытков заметил состояние Степы и спросил:

— Ты что же, не согласен?

Степа неопределенно махнул рукой и побежал разыскивать Шаброва. Поговорить с ним удалось только вечером, когда тот вернулся с поля.

— Отчего не поехать. Хватит на толстопузых горб гнуть! — Шабров показал фигу. Глядя на его широкую грудь и увесистые кулаки, Степа позавидовал ему. Он

был уверен, что Василий станет настоящим красноармейцем, а потом и командиром.

— На всякий случай, Грачев, говорю: ежели что — не забудьте мать.

Добровольцев провожали всем селом. Впереди нагруженной телеги с красным знаменем шел Степа. Рядом с ним шагал озабоченный Прибытков. Он оставался без трех надежных товарищей — почти без половины ячейки. Стыда перед ними Прибытков не испытывал. Получив письмо укома РКП(б) о мобилизации коммунистов, он сразу поехал в волпартком и заявил о своем желании пойти на фронт. Волпартком не разрешил. Он возмутился, но ему напомнили о партийной дисциплине. Члены партии, прошедшие школу партизанской войны, проявили высокую сознательность: вместо двоих поехали трое.

На поляне березняка, где шумиловские партизаны разгромили отряд белых, шествие остановилось. Прибытков поднялся на телегу.

— Дорогие товарищи! Мы уверены, что мировая буржуазия и на этот раз будет бита. Красная Армия сломит хребет польским панам и Врангелю. Наши товарищи, которых мы сегодня провожаем, будут без оглядки и страха бить врагов так, как мы били их вот здесь! — Прибытков жестом руки обвел поляну. — Мы каждодневно будем помнить вас, помогать вашим семьям и ждать вашего возвращения с победой!

Крепкие рукопожатия, объятия, всхлипы женщин, и подвода с добровольцами вскоре скрылась на лесной дороге.

* * *

После проводов добровольцев Степа решил строже и требовательней относиться и к себе, и к ребятам. В его голове засели слова Прибыткова, сказанные на прощание уезжающим на фронт товарищам, что коммунисты и члены союза молодежи будут работать лучше, чем прежде. Они прозвучали, как клятва. Про себя Степа составил план действий. Ему хотелось больше заготовить сухарей и теплых вещей для Красной Армии и заставить ребят помогать красноармейкам. Своими мыслями Степа хотел поделиться с Шурой. Неожиданно она сама пришла вечером в сельревком. Он обрадовался ей.

— Я пришла сказать, что уезжаю в город.

— Как в город?!

Будь в сборне посветлее, Шура заметила бы растерянность в глазах Степы, которому не верилось, что Шура может уехать.

— Очень просто. Сейчас каникулы. Да и родители меня заждались, письмами завалили.

На приглашение Степы присесть, Шура отрицательно мотнула головой и, продолжая стоять, торопливо сказала:

— Я пришла просить на завтра подводу до пристани.

— Да, конечно, подводу нарядим, — не своим голосом ответил Степа.

— Ну, вот и хорошо, — спокойно сказала Шура, — я буду ждать подводу часам к девяти.

Она направилась к двери. Степа вышел с ней на крыльцо. Шура спросила;

— Надеюсь, ты меня завтра проводишь?

Степе стало легче, и он заверил ее, что заедет сам.

Идя домой, Степа думал, что в городе у Шуры, наверно, есть парень. И воображение рисовало его — высокого, одетого по-городскому, с разными там манерами, которые нравятся девушкам.

Утро выдалось ясное, теплое. Водворив под сиденье тарантаса деревянную коробку с вещами и взяв в руки корзинку с провизией, Шура уселась рядом со Степой.

— Ребят тут не распускай, с девчонками поаккуратней, — сказала она, но Степа так и не понял, в чем он должен быть аккуратным. Пока он размышлял об этом, Шура говорила о том, что надо помочь школе взять на учет всех неграмотных и в первую очередь переростков. Заметив рассеянность Степы, она спросила:

— Ты слушаешь меня или нет?

— Слушаю, — спохватился Степа. — Я думаю, вернешься ты в Шумиловку или не вернешься?

— Ах, вот ты о чем! Конечно, вернусь. — Шура взглянула на Степу, и он понял по ее глазам, что она говорит искренне. — Только скажу по секрету: Шумиловка для меня временно... Я о Томске думаю, об университете.

О городе Томске Степа слышал. А вот об университете ничего не знал. Тарантас уже заехал на паром, а Степа так и не решился спросить о том городском пар-

не, который рисовался в его воображении, как близкий ей человек, о мудреном слове «университет».

В сельревком Степа пришел, когда солнце поднялось уже высоко. Там был только Студенков. Он никакого замечания Степе не сделал, да и не собирался. Все они работали столько, сколько требовалось. Часто засиживались до полуночи, но никому и в голову не приходило ставить себе это в какую-то заслугу.

Председателем ревкома неустанно работал Фаддей Сумин. Его знали в Шумиловке как мужика степенного и рассудительного. Сумин не любил ничего шумного и показного. И Прибытков, прежде чем принимать то или иное решение, советовался с ним. Степе понравился и Студенков. Раньше он его знал мало. В Шумиловке Студенков появился невесть откуда еще до войны и поселился на квартире у одной старой вдовы. Он был горбат, и к нему, как ко всякому калеке, одни относились с жалостью, другие — с любопытством. Студенков слыл на селе мастером «золотые руки». Он разбирался во всяких хитрых механизмах. К нему несли сломанные швейные машины, часы. За ремонт он ничего не брал и сильно обижался, когда владелец отремонтированной вещи «нечаянно забывал» кусок мяса, десятка два яиц или деньги.

Досужие языки болтали, что на него «находит». Он и сам не скрывал, что любил темными безоблачными ночами смотреть на яркие светила, фантазировать. Когда он пытался втолковать мужикам устройство небесной сферы, над ним беззлобно смеялись, добродушно называя антихристом.

— Нешто закона божьего не признаешь? — спрашивали его.

— У каждого в душе свой бог, — отвечал он. — И свой сатана. Бог гнет свое, сатана свое. Кто берет верх — таков и человек.

Шумиловцы знали и о главной страсти Студенкова — книгах. В его доме позже всех гас свет — он читал. А когда после бегства попа перевез к себе половину его библиотеки, так читал все ночи напролет.

Однажды кто-то назвал его «блажным». Студенков так осадил обидчика метким словцом, что над тем потешались в селе долгое время.

В глаза Студенкова называли Филиппом Ивановичем, а за глаза — горбатым Филькой. Трудно было ска-

зать, сколько ему лет. Человек он был скрытный, говорил мало, отрывисто, и по его грустным, запрятанным под припухшими веками глазам трудно было догадаться, о чем он думает. Вытянутое, бледное лицо казалось застывшим, и только иногда по нему пробегала еле уловимая ироническая улыбка.

После отступления Колчака Студенкова назначили секретарем сельского ревкома, и он оказался полезным, толковым работником. С его помощью Степа быстро научился писать разные справки, составлять акты и даже ответы на запросы волревкома и других советских органов. Писал Степа торопливо, почерк у него был корявый, он часто не дописывал слова, пропускал буквы. В таких случаях Студенков мягко указывал на ошибки, заставлял переписывать бумагу заново.

Любил Степа и наблюдать за тем, как Студенков разговаривает с посетителями, своими деревенскими и приезжими.

Шумиловка стояла на большаке, и через село проезжало много разных командированных, инструкторов, агитаторов, военных. Все они требовали подвод, часто вне очереди, предъявляли мандаты, кричали, ругались и грозили. Как заметил Степа, у Студенкова была удивительная способность распознавать людей. Обычно приезжий с важностью подавал мандат. Студенков клал документ перед собой, разглаживая, явно давая понять, что к казенным бумагам он относится с почтением, затем, не торопясь, рассматривал штамп и печать, словно проверял, не подделаны ли. Медлительность секретаря выводила из себя некоторых приезжих, а Студенков как ни в чем не бывало начинал разговор:

— Значит, подводку вам? Так... Придется подождать. А может, чайку попьете или переночуете? Село у нас большое, квартиры есть.

Не каждый из приезжих соглашался ждать. В ход пускались просьбы, а чаще всего угрозы. В ответ Студенков или пояснял, что крестьяне заняты на полевых работах и не так-то просто нарядить подводу, или посылал сельского исполнителя за лошадью.

Подводы наряжались в порядке очередности, а тех, кто был побогаче, беспокоили чаще. Угроз Студенков не боялся.

Когда в сельревкоме никого не было, Степа любил задавать вопросы Студенкову.

— Филипп Иванович, за сколько лет можно землю пешком обойти?

После множества подобных вопросов Студенков принес книгу «Путешествие доктора Елисеева по белому свету» и, подавая ее Степе, сказал:

— Смотри, картинки не вырви и не давай никому.

Книгу Степа «проглотил». Особенно ему понравилось описание острова Цейлон. «Вот люди живут, как в раю! А бабочки какие! С шапку!» Вернув книгу хозяину, Степа подумал: «Вот бы мне такую!»

Как-то Степа спросил Студенкова:

— Если послать Ленину письмо, дойдет оно или нет?

— А что бы ты Ленину написал?

— Не думал. Ну, к примеру: «Дорогой товарищ Ленин! Мы вас любим, потому что Вы за мировую революцию и пролетариат!»

— А мужиков куда девал?

— Ну и за мужиков, конечно.

— Э-ка. Новость какая. Ленину делать нечего, как такие письма читать. Да кто ж его не любит, кроме контры.

Степа решил вызнать у Студенкова об университете, который не выходил из головы.

Студенков оторвался от своих дел, как-то по-особенному посмотрел на него.

— Университет? Гм... Зачем тебе знать? Впрочем, слушай. Не наше это слово, не русское, должно быть, латинское, я так полагаю. Означает оно — учебное заведение, выше гимназии. Ученики там называются студентами.

— А меня примут в университет?

— Куда хватил! Туда нашего брата не принимают.

— Как не принимают?! После революции и не примут?!

— Чудак ты, право. Образование надо иметь. Гимназию пройти или, как там его, реальное училище, а мы с тобой на церковноприходской школе застряли.

Теперь Степе стало ясно, куда метит Шура, и он, завидуя ей, продолжал выспрашивать Студенкова:

— Так что же, дети крестьян и рабочих так и будут оставаться неучами?

— Нет, Советская власть что-нибудь придумает, и в университетах будут учиться не буржуйские сынки и дочки, а такие, как ты вот.

Обрадованный Степа во все глаза смотрел на Студенкова, точно он указал ему новую, неизведанную дорогу в жизнь. До сих пор он никогда не задумывался о своем будущем. Текущие заботы поглощали все внимание и время, и ему и в голову не приходило искать в жизни что-то другое. Ему казалось, что все идет своим чередом. Но так только казалось...

IV

На краю кержацкой улицы, словно крепостной стеной, обнесена высоким бревенчатым тыном обширная усадьба Федуловых. Крестовый дом под железной крышей, шесть амбаров, поставленных в ряд, завозня, длинный двускатный хлев и другие хозяйственные постройки — гордость хозяина. До революции Федуловы держали в Шумиловке ямщину, и их усадьбу еще продолжали по старой привычке называть заезжей. Глава семьи Харитон Федулов верховодил в старообрядческой общине. Пока всеми сельскими делами заправлял в Шумиловке Крутелев, на сходках Харитон больше помалкивал. То, что ему было нужно, за него говорили другие.

Сельревком и партячейка не беспокоили Федулова, но и не упускали из виду. За него взялись тогда, когда была введена продразверстка в Сибири. Федулов засевал до сорока десятин, и в Шумиловке лишь гадали, сколько может быть зерна в его амбарах.

Сельский актив решил вызвать Федулова первым. Прибытков и Сумин понимали: от того, сколько сдаст хлеба Федулов, зависит успех продразверстки в Шумиловке.

— Знаешь, зачем вызвали? — спросил Агафон Занадворов.

Федулов развел руками.

— Ты власть, все дела ваши. Откуда мне знать, зачем я вам надобен.

— О продовольственной разверстке слышал? — подал голос один из активистов.

— Ноне что ни день, то новый закон. Обо всех не узнаешь, — разыгрывал простака Федулов.

— Хватит антимонии разводить, — поднялся Сумин. — Не будем головы друг дружке морочить. Сколько, Федулов, можешь вывезти хлеба?

Федулов потупился, сделав задумчивый вид.

— Голодом я сидеть не буду и скотину без корма не оставлю. А излишки сдам, ежели они вам так нужны. Пожалуй, пудовок двести насоберу.

— Двести пудовок! — взвился Занадворов. — Совесть у тебя есть? Да у тебя в необмолотых скирдах не одна тыща пудов! Двести пудовок — не смеши людей, Федулов.

Расходившегося Агафона прервал Лапин, длинный мужик, любивший везде совать свой нос.

— Не колготи, Агафон! Туто-ка надо по порядку все разобрать. Государству, оно конечно, хлеб нужен. Хлебушко, знамо, есть. Кто будет говорить — нет. Только вот что считать излишками? — Лапин, довольный тем, что его слушают, продолжал свою речь: — Скажем, если здраво подходить к делу, то, может, их и нет...

— Вот те на! Начал за здравие, а кончил за упокой! — сердито бросил Прибытков.

— А ты, Иван, послушай! Я к чему это говорю? Рассудите сами. Скотине хлебушко нужен? Нужен. Запас на год, скажем, пудовок по двадцать на едока потребуется? Потребуется. Без семян тожа никак нельзя. Страховка на случай недорода нужна? Нужна. Вот оно ведь как! Может статься, лишнего хлебушка-то не так и много найдется...

Арифметика Лапина кое-кому пришлась по душе. Это Прибытков прочитал на лицах мужиков и подумал, что хлеб взять нелегко будет.

Занадворов, которого сельревком назначил председателем продразверсточной комиссии, с издевкой заговорил:

— Ну, Лапин, ты прямо что ни на есть бухгалтер! А чья это бухгалтерия, чья? Ты тут все и всем подсчитал, а рабочих и красноармейцев забыл. Добром не повезут — силой заставим.

Пока мужики спорили, Сумин молчал. Но надо было во что бы то ни стало показать тем, у кого был хлеб, что отступления не будет, и Сумин строго предупредил Федулова:

— Добром говорю: сдай пятьсот пудов. За неисполнение законов Советской власти отвечать придется.

Степе очень хотелось сказать что-нибудь обидное Федулову. В последнее время Степа как председатель ячейки молодежи присутствовал на разных собраниях,

совещаниях, и, если его не было в сельревкоме, за ним посылали. Он понимал, что республике позарез нужен был хлеб, много хлеба. Кулаки начали распускать слух, что сначала заберут хлеб, а потом и скот. Противники продразверстки оказались и в партийной ячейке. Один из таких как-то забежал в сельревком. Это был маломощный середняк Рыбин. Он записался в сочувствующие, и Прибытков не сомневался в его надежности.

— Прошу выписать меня из сочувствующих, — заявил Рыбин, едва переступив порог. Прибытков задвигал челюстями — верный признак раздражения. Это был первый случай, когда человек заявил о своем выходе из ячейки.

Прибыткову не верилось, что это тот самый Рыбин, которого спасли от колчаковской тюрьмы и направили в горы к партизанам, тот самый Рыбин, который участвовал в боях с белыми. Прибытков в упор смотрел на потупившего глаза Рыбина и, медленно выговаривая слова, спросил:

— Объясни, почему?

— Напрасно мужиков обижаем.

— Это кого же? Федулова пожалел?

— Кабы их одних — другое дело. А то и мне сорок пудов отвесили. Последнее выгребаете. Рука не подымается голосовать за такое, а тем паче отымать ходить. Нам с вами не по дороге.

Прибытков терял терпение:

— Кому это «нам»?

— Ну, мне...

— Так и говори. А то — нам!

— Другие тебе не сегодня-завтра тоже скажут! — махнул рукой Рыбин. — Сегодня вам хлеб вези, завтра скотину веди, а послезавтра и в коммунию запишите.

— Понятно, — как бы про себя сказал Прибытков. — Продразверстки, значит, испугался? Сплетням веришь, кулакам подпеваешь. В партию и в коммунию мы силой никого не тащим. Туда идут по сознательности. А у кого ее не хватает, пусть живет по-старому.

Рыбин облегченно вздохнул и, собираясь уйти, повторил:

— Так уж выпиши.

— Вот соберем ячейку и поговорим.

Рыбин ушел. Прибытков, все еще постукивая карандашом по папке с делами ячейки, задумался. В такой

момент — и бежит человек. Тут и без него забот хоть отбавляй, а он, нате-ка, выпишете его.

В ревком ввалился Ерема Пачкунов. От него несло самогоном. Прибытков насторожился. Когда Пачкунова принимали в сочувствующие, Прибытков воздержался. Он считал его мужиком ненадежным, хотя тот и хвалился, что на флотской службе помогал революционно настроенным матросам.

— Насильствовать над народом хотите? А я не хочу! Не хочу — и все. Видали? — Пачкунов показал Прибыткову кулачище и стукнул им по столу с такой силой, что папка с делами, подскочив, упала на пол.

Прибытков быстро встал.

— Ты куда пришел?

— Знаю куда.

Прибыткову стало любопытно, о каких непорядках сейчас пойдет речь, и он примирительно сказал:

— Ну-ну, я слушаю. — И сел, собираясь терпеливо выслушать Пачкунова.

Степа тоже навострил уши. А Пачкунов выпалил:

— Выпишите меня из ячейки.

— Какая на то причина?

— Должно быть, свободу по-разному понимаем.

— Значит, по-разному? — передразнил Прибытков.

— Да, по-разному. Я не за такую свободу воевал, чтобы наше крестьянское добро отымали. Свобода, брат, штука дорогая, и не вам ее по ветру пускать... Мы не позволим!

Пачкунов нагло смотрел своими выпуклыми глазами на Прибыткова, и с его губ готова была сорваться ругань.

— Кто же это «мы»?

— Народ!

— Ах, народ! Подумаешь, какие заступники у народа появились! Знаешь что? — Прибытков подался в сторону Пачкунова и весело выговорил: — Народ в таких защитниках, как ты, не нуждается. Понял?

— Как сказать! — криво улыбнулся Пачкунов и, помолчав немного, добавил: — Так прошу выписать.

— Собрание тебя приняло, собрание и рассмотрит твою просьбу.

Между тем Степа думал: «А что если и ребята начнут выписываться из ячейки? Как быть?» Мысли Степы прервал вошедший Сумин:

— Дела, Фаддей, скажу тебе, заворачиваются. — Прибытков прикрыл дверь и передал свой рассказ с Рыбиным и Пачкуновым. Степа заметил, что Сумин не удивился.

— Пачкунова зря приняли в сочувствующие. Человек он непутевый, и нечего за него держаться. А вот с Рябиным что-то неладное. Такого человека и подговорить могли. Неужто он не понимает, что другого выхода у Советского государства нет? Или своя рубашка ближе к телу? А хлеб надо взять, Иван! Ежели мы тут маху дадим, то грош нам цена.

На следующий день в Шумиловку приехал волпродкомиссар. Прибытков явился в сельревком прямо из кузницы и застал Сумина и волпродкомиссара возбужденными. Комиссар метал громы и молнии:

— Саботаж, с кулаками цацкаетесь! А они хлеб в ямах гноят. В городах голод, а вы дипломатию разводите. В уезд доложу!

Сумин не оправдывался. И он, и Прибытков чувствовали себя перед ним виноватыми.

Комиссар неожиданно сел к столу, попросил список обложенцев, спросил:

— Сколько хлеба... вот, к примеру, Федулов.

— Триста пудов.

— А сколько должен сдать?

— Пятьсот.

— Почему не взяли остальные двести? Есть они у него? Вот вам задание: нарядите подвод сорок и — к Федулову.

Сумин замялся:

— А если он ворота не открывает?

— Заставить открыть, сломать к чертовой матери! Пусть только попробует не отдать хлеб...

Вечером к воротам федуловской усадьбы подкатило несколько пустых подвод. Увидев их, Федулов сообразил, в чем дело, и выскочил во двор. Он быстро запер ворота и выглянул в калитку.

— К тебе, Харитон, на подмогу приехали, — съехидничал Занадворов.

Степа, которому было поручено писать акт, спрыгнул с телеги, ожидая, что будет дальше.

— Приказываю, Харитон, открой ворота! — зычным голосом пропел Занадворов и оглянулся на подводчиков, столпившихся у запертых ворот.

— Отворяй, а то взломаем! — загудели подводчики.

— Не пущу, — злобно крикнул из-за калитки Федулов.

— Чего с ним нянчиться, — взорвался Прокопий Дудин и со всего размаха всадил в ворота сверкнувший лом.

С побелевшим от злобы лицом Федулов открыл калитку.

— Разбойники! — завопил он на всю улицу. — Грабители. Гореть вам в геенне огненной.

Агафон и Степа уже стояли в проеме калитки, а из-за них угрожающе смотрел на Федулова Прокопий Дудин.

Занадворов уже мягко сказал:

— Не дури, Харитон. Добром тебе говорю, сельревком постановил...

— Хозяин тут я, а не сельревком! Посмотрите, добрые люди, средь бела дня... — Федулов остыл, обмяк.

— Отпирайте ворота, чего вы там! — зашумели подводчики.

Федулов бросился на крыльцо. Навстречу ему выбежали жена и старшая сноха. Бабы заголосили, запричитали, как по покойнику.

— Не ревите, дуры! Подь отседова! — прикрикнул на них Федулов.

Занадворов потребовал от амбаров ключи.

— Все, все можете! Думаете, у меня полны закрома? Распродал, прожил и слава богу! — широко перекрестившись, Федулов шагнул к крайнему амбару и распахнул дверь.

Подводчики заглянули внутрь.

— Чисто поработали! — удивился Занадворов. — А ну-ка, Грачев, прыгай в сусек и проверь, что там за куча в углу.

Степа перемахнул через край сусека и доложил:

— Охвостье тут, пудовок двадцать.

Занадворов обшарил другой сусек: он был так тщательно выметен, будто здесь уже давно не было зерна.

— Чисто, как в молельне.

— Хлеб был, да сплыл. Говорю же: прожил, распродал, — смиренно повторил Федулов, радуясь, что ему удалось надуть сельревком.

В других амбарах хлеба тоже не оказалось. Только в одном нашли шестьдесят пудов пшеницы и немного

овса. Занадворов приказал выгрести зерно. Подписать акт Федулов наотрез отказался.

— Декрет Советской власти о продовольственной разверстке ты знаешь? — спросил Занадворов.

— Слыхал... там не сказано, чтобы забирать последнее.

— Обманщик ты, Харитон. А ещё в наставниках ходишь, богом людей пугаешь, а сам? — И, перейдя на суровый тон, пригрозил: — В сельревкоме с тобой не так поговорят.

— Не пугай! Распоряжайся своим, а не чужим.

Занадворов плюнул, сунул неподписанный акт за пазуху и направился к выходу.

Неудача с федуловским хлебом вывела Прибыткова из равновесия. Ясно, и сельревком, и партячейка прохлопали — упустили время, и хлеб уже в ямах, а задание по продразверстке наполовину не выполнено.

Прибыткову казалось, что Сумин работает с оглядкой и слабо нажимает на продразверстку. А Сумину казалось, что Прибытков да и все коммунисты мало помогают сельревкому. Степа стал свидетелем резкой перебранки между ними. Он переписывал подворный список, и чтобы спорившие не заподозрили его в любопытстве, Степа низко наклонился над столом и, казалось, весь ушел в работу.

— Слушай! — сказал ему Прибытков, махнув рукой Сумину, чтобы тот помолчал на время. — Возьми с собой двух-трех надежных ребят и ночью поезжай на старое остожье Федулова. Знаешь куда? Хорошо. Захвати пику и как следует пощупай, нет ли там ям с хлебом. Но об этом молчок. Поедете верхами. Если кто спросит, куда и зачем, отвечайте: в ночное.

Степа позвал с собой неразлучных друзей.

— Действовать будем так, — решил Степа. — Мы с Горкой пойдем к остожью, а ты, Тишка, карауль лошадей.

— Да их лучше привязать.

— Не спорь, а смотри в оба и чуть что — свистни.

Дернув за руку Горку, Степа побежал.

Все остожье было перепахано, и это смутило ребят. Только к краю остожья притулился омет старой соломы. Степа, выдернув со всех сторон омета солому, убедился, что она слежалась — давно не трогали. Подозревать, что под старым ометом может быть яма, не было причин.

— Посмотрим еще там, — махнул рукой Горка в противоположную сторону.

Перейдя вспаханное поле, ребята присели на корточки. Их руки нащупали траву. Здесь не вспахано. Ну и что? Почему обязательно хлеб может быть зарыт под пахотой. Свои сомнения шепотом Степа передал Горке. И ребята вновь и вновь щупали землю пикой. В одном месте пика легко пошла вглубь. Земля чуть заметно прогибалась под ногами.

— Давай еще в этом месте попробуем, — сказал Степа.

И снова пика пошла без усилий.

— Надо копать! — предложил Горка.

Разбрасывая руками рыхлую землю, они добрались до соломы. А под соломой — пшеница! Достали по горсти. Ясно! Наскоро заровняв яму, друзья бросились к лошадям.

...Рано утром Прибытков по привычке направился к речке купаться. Увидев под навесом Рыжика, встревожился: не случилось ли чего с ребятами? Успокоился он лишь тогда, когда увидел спящего в сарае Степу. Заложив руки под голову, тот безмятежно спал на охапке свежего сена. Солнце било ему прямо в лицо, и капельки пота выступили на носу. Прибытков пощекотал ему соломинкой в ноздре.

— А? Что? — хватаясь за нос, встрепенулся Степа и порывисто сел.

— Давно приехали?

— По свету.

— Почему же меня не подняли?

— Не хотел будить. — Придвинувшись к Прибыткову, шепотом сказал: — Яму нашли. Пшеница там. Вот, смотрите!

Он достал из кармана горсть зерна.

— Отборная пшеничка! — обрадовался Прибытков. — Ну, спасибо, брат. Теперь мы прищучим Федулова — не вывернется.

— Ну вот, Иван, нашли-таки, — встретил их Сумин в сельревкоме.

— Я так соображаю, Фаддей: вызовем Занадворова, нарядим подвод тридцать и — к Федулову. Припрем его к стенке и пошлем вместе с обозом за пшеницей.

— Согласен, только вот подводы поднять нелегко, воскресенье...

Степа представил себе, как будет вертеться Федулов, но мысли его прервал Сумин:

— Сбегай-ка, Грачев, за Агафоном и скажи, пусть прихватит еще кого-нибудь из членов комиссии и немедленно сюда.

Степа убежал, а часа через два к сельревкому начали стягиваться подводы. Любопытные выспрашивали у мужиков, зачем и куда их нарядили, но никто ничего не знал. И только когда к сельревкому привели Федулова, многие стали догадываться, в чем дело. Переступив порог ревкома, Федулов по привычке хотел перекреститься, но, спохватившись, опустил руку.

— Где у тебя, Харитон, хлеб спрятан? — грозно спросил Сумин. Федулов, заметив на столе горку пшеницы, вдруг будто проглотил уже готовые сорваться с языка припасенные слова, съежился.

Сумин встал из-за стола, подошел вплотную к Федулову.

— Не валяй, Харитон, дурака, говори все, а то сейчас возьму и отправлю тебя в волпродком — там с тобой по-другому разговаривать будут.

Федулов мигал, сморкался и отмалчивался.

V

Для Степы сенокос был большим, незабываемым праздником. Он вмещал в себя радостное ощущение коллективного труда, терпкий запах сена, торжество летнего тепла, света, яркости красок. С первыми лучами солнца в деревне начинался веселый перестук — отбивали косы, скрипели телеги. Жены ласково переругивались с мужьями, готовили снедь на целый день.

Еще не спадала роса, как на луга вытягивался из села целый обоз. Дома оставались лишь стар да млад. Старики из-под руки смотрели вслед уезжавшим, и перед их мысленным взором рисовалось множество красочных картин сенокосов в их былой молодости.

«Вжик, вжик», — звонко поют косы. Женщины проворно орудуют граблями. Детвора заправляет лошадьми. Косари взмокли — меж лопаток видны темные пятна на рубахах, но никто не посетует на усталость, никто не вытащит кисета. Лишь иногда мужик смахнет рукавом пот с сосредоточенного лица и снова, с привздохом,

размашисто стрижет перед собой полукружья. Да прилипнет к краю кувшина, принесенного сынишкой. Квас струями стекает с уголков губ, а мужик доволен без меры — отошла душа, новые силы прибавились.

Со своими сверстниками и старшими товарищами Степа скосил бывшие крутелевские луга за мельницей, в пойме речки Сосновки. Ревком отдал их красноармейкам и семьям погибших партизан. Было досадно только, что ему чаще обычного приходится находиться в сельревкоме. Филипп Иванович, как назло, болел, а Сумин, не упуская погожих дней, косил сено на своем участке.

В один из таких дней к сельревкому подкатила телега. В ней сидело трое, все в грубых брезентовых плащах. Степа наблюдал за ними из окна. Один, мужчина средних лет с окладистой бородой, не торопясь слез с телеги, потянулся, отсчитал деньги и вручил их вознице, мужику в запыленном шабуре. Пока бородатый рассчитывался, двое других приезжих — девушка и высокий сутулый парень — сняли с телеги вещи: продолговатый ящик, обвязанный тонкой веревкой, чемодан, плетеную корзину и два брезентовых мешка, приспособленных для носки за плечами. Сгорая от любопытства, Степа успел уже подумать, к кому на квартиру поставить приезжих, если они останутся ночевать.

Человек с бородой, прежде чем войти в сельревком, стряхнул пыль с плаща и шляпы. Девушка проделала то же. Потом они медленно, как бы о чем-то раздумывая, поднялись по ступенькам крыльца.

Первым к столу подошел бородатый, поодаль от него остановилась девушка. У мужчины приятное округлое лицо, спокойные добрые глаза.

— Нам бы кого-нибудь из начальства, — попросил он.

— Я помощник секретаря, — важно ответил Степа.

Степа заметил, как по лицу девушки пробежала мимолетная улыбка.

— Ах, вот как! Тогда давайте знакомиться. Цыбиков, приват-доцент Томского университета, — сказал приезжий, подавая через стол руку. Степа ошалело смотрел на мужчину, не замечая его руки.

— Вы что же, не хотите знакомиться, — мужчина шевельнул рукой.

Степа словно очнулся, торопливо пожал руку.

— Нет, что вы! С удовольствием. Просто я очень хотел... — промямлил Степа, потеряв весь свой важный вид. — Ладно, как-нибудь в другой раз.

— Вы о чем? — удивился мужчина.

— Мне нужно кое-что узнать об университете. Так что вы хотели?

К столу подошла девушка.

— Меня зовут Галя. Студентка. А вас?

— Степан Грачев. — Степа пожал ее узкую ладонь.

— Вот наш мандат, — протягивая большой лист, сказал бородатый.

В мандате было сказано, что экспедиция Томского государственного университета в составе руководителя приват-доцента Цыбикова Семена Ивановича, студентов Замошкиной Галины и Горбунова Виктора командируется в село Шумиловка Алтайской губернии для проведения археологических изысканий. Далее, как обычно, шли обращения ко всем советским органам оказывать командированным всяческую помощь.

Читая мандат, Степа чувствовал, как краска заливает его лицо. Слова «приват-доцент», «экспедиция», «археологических» были непонятны ему, и от стыда за свое незнание он готов был провалиться на месте. Цыбиков между тем подал Степе другую бумагу, в которой Алтайский губревком предписывал Шумиловскому сельревкому выделить в распоряжение экспедиции необходимое число рабочих и подвод. Пока Степа читал эту бумагу, его так и подмывало сейчас же расспросить, что будут делать в Шумиловке неожиданно нагрянувшие гости.

— Товарищ Грачев, нам, сами понимаете, пристанище нужно.

— Что?

— Ну, квартиру. Да желательно почище. Сделайте милость.

— Вам для всех одну квартиру?

— Если можно. Хорошо бы с отдельной комнатушкой для Гали.

— Есть у нас такая, у вдовы погибшего партизана. Дом у них просторный, а семья — сынишка и дочь. Вы надолго?

— Точно трудно сказать, но полагаю, недели на три. Мы вас утром побеспокоим. Вы уж извините. Дел у нас много, а времени недостаточно.

Попросив Горку прислать в сельревком отца, как только тот появится, Степа пошел к Студенкову. Филипп Иванович во дворе под навесом готовил деревянные вилы для уборки сена.

Рассказав ему скороговоркой о мандате и о специальном предписании Шумиловскому ревкому, Степа спросил:

— Что это за такая археологическая экспедиция?

— Копать будут, — уверенно пояснил Студенков.

— Копать?

— Ну да, могилы раскапывать.

— Да вы что, Филипп Иванович! Для чего же им могилы раскапывать, да и кто разрешит?

— Чудак ты, право, чудак. Конечно, не на кладбище будут копать, а древние могильники.

Степа не только слышал, что за Сосновкой на холме есть какие-то могильники, но и бывал на этом месте. В народе ходил слух, что там когда-то жила белая чудь. Теперь ему все стало ясно, и он мысленно поругал себя за то, что раньше не догадался.

— Завтра приду в сельревком, и там разберем, что и как, — авторитетно заключил Студенков, провожая своего помощника.

Экспедиция привезла в подарок Шумиловке тетради, карандаши для ликбеза и небольшую библиотечку, а в ней сборник пьес. Степе более всего понравилась одноактная пьеса Льва Толстого «Первый винокур». В ней критиковались религия и пьянство. Посоветовавшись с приехавшими студентами, решили в канун петрова дня — престольного праздника в Шумиловке — ставить «Винокура». К тому же Семен Иванович обещал перед началом спектакля прочитать лекцию, а Горбунов взялся играть роль мужика, которого черт учит курить вино. Степа захотел сыграть черта.

Репетициями руководила Галя. С первых же проб постановка обещала выйти удачной. Студент хорошо играл мужика. Длинный, сутулый, он как-то неуклюже передвигался, причмокивая языком. Степа выстрогал небольшие рожки, выкрасил их сажей, смастерил из клочка лошадиной гривы бородку — и облик черта был готов. Немало помогли «Жития святых» и особенно картинки из «Жития святой Федоры», Степа старался скопировать внешность тех самых чертей, которые суетятся в аду, поджаривая на сковородках грешников.

Почти ежедневно Степа бывал и на старых могильниках, помогал копать землю. Его удивляла осторожность, с какой очищались специальными щетками и маленькими скребками найденные скелеты, наконечники стрел, обломки горшков, украшения. Как детишки, радовались члены экспедиции каждой находке. Степа со своими расспросами надоел всем. При каждом его вопросе кто-нибудь из членов экспедиции, держа в руке кость или черепок, настолько увлекался, что ответ превращался чуть ли не в лекцию. Однажды Семен Иванович поймал себя на таком пространном ответе и заметил:

— Нет, парень, так не годится, времени у нас мало разговоры разводить. — И он велел Гале, чтобы она подобрала для Степы книгу по археологии. — Пусть занимается самообразованием.

Степе было интересно наблюдать, как близорукий Виктор подносил близко к глазам кость или иной предмет, извлеченный из земли. Казалось, что он нюхает их, а Галя фотографировала содержимое каждой могилы. Степе девушка казалась немного резкой и гордой. Может быть, поэтому он мало обращался к ней за объяснениями. От Виктора Степа узнал о жизни университета, о студентах, о разных факультетах.

«Перый винокур» был сыгран на петров день. На сцене устроили костер, запрятав под кучу хвороста увешанный кумачовыми лоскутами фонарь, с зажженной свечой. Над костром — модель самогонного аппарата. В школу на спектакль пришло так много народу, что никакие уговоры соблюдать порядок не помогли — люди стояли в проходе, у двери, сидели на окнах... Шум утих только после того, как Цыбиков вышел на сцену. Шумиловцам еще не приходилось слышать такого умного лектора. Он рассказывал о жизни древних людей на Алтае.

Степа наблюдал, с каким вниманием слушают шумиловцы Цыбикова. Вон Горка сидит, раскрыв рот и не сводя с лектора глаз. А Груня? Она, кажется, забыла про всех, видит и слышит только одного ученого.

А потом задавали вопросы. Их было много. Раза два спросили, сколько нашли золота в раскопанных у Сосновки могилах. Слухи о том, что какие-то люди приехали искать клады, начали распространяться с первых же дней работы экспедиции. Потом их поубавилось. Цы-

биков объявил, что могильники давным-давно разграблены и поэтому никаких украшений из золота не найдено.

После короткого перерыва начался спектакль. Публика хохотала до слез. Очень хорошо сыграл мужика Виктор. Правда, под конец у него отвалилась борода, что вызвало новый оглушительный хохот. Степа несколько оробел вначале, но сумел взять себя в руки и сносно довел роль до конца.

На следующий день гостей провожали. На прощание Галя подарила Степе книгу «История Древнего Востока». Нелегко было расставаться с интересными людьми и особенно с Виктором, от которого Степа узнал так много об археологии. Семен Иванович, пожимая Степе руку, сказал:

— Жаль, юноша, что у вас маловато образования, а то бы мы пригласили к нам в университет. Но не унывайте. Советская власть поможет таким, как вы, получить высшее образование.

Сумину ученый наказывал присматривать за могильниками, имеющими большой научный интерес, обещая приехать летом будущего года.

Гости уехали, а Степа несколько дней жил под впечатлением виденного и слышанного. Но неожиданно нагрянули новые события, которые вытеснили печальные раздумья.

VI

Как-то под вечер Прибытков собрал партийную ячейку. С резкими упреками обрушился он на тех, что саботировали продразверстку. Степа давно не видел его таким сердитым.

Степа опасался, что коммунисты и ему зададут вопрос, что сделала ячейка союза молодежи для продразверстки.

Возвращаясь уже в полночь с собрания, Степа шагал рядом с Прибытковым. Шли молча. У Степы было такое тягостное ощущение, будто и им Прибытков недоволен. А его он уважал и почему-то побаивался, хотя под внешней суровостью этого человека скрывалась добрая душа. До щепетильности честный и правдивый, людей он зря не обижал, не выставлял своего я, и Степа не раз замечал, как были противны Прибыткову те, кто не считался с мнением других.

У него все делалось обдуманно, неторопливо и веско. Это чувствовалось и в его походке, и во взгляде умных карих глаз под нависшим лбом. Степа часто думал: «Вот бы мне стать таким, как дядя Ваня».

У своей усадьбы Прибытков нарушил молчание:

— Может, зайдем чайку попить?

Анисья встретила их недружелюбно.

— А, полуночники пришли! Господи, когда жизнь-то спокойная наступит?

Прибытков молча прибавил фитиль керосиновой лампы, висевшей над столом, и начал стаскивать сапоги.

— Разувайся, у нас ночуешь, — кивнул он Степе и поставил сапоги у порога. Степа снял свои и поставил рядом с сапогами Прибыткова.

Анисья поставила на стол самовар, рыжий и помятый от долгой службы, разлила чай по чашкам.

У дома затих цокот копыт. Все насторожились. Постучали в окно, и Прибытков пошел на улицу. На всякий случай Степа поспешил за ним. Не слезая с лошади, верховой спросил:

— Вы Прибытков?

— Да.

— Вот пакет. До свидания.

Разорвав дома конверт, Прибытков с тревогой прочел:

«Секретарю Шумиловской ячейки РКП(б) тов. Прибыткову. Срочно явитесь в волпартком. Зыков».

— Еду в волость.

— Господи, что за наказание. Когда поедешь?

— Счас. Собери узелок.

Прибытков попросил Степу оседлать Рыжика, а сам взял из-под подушки наган, сунул в карман галифе.

Проводив дядю Ивана, Степа присел на крыльцо, размышляя о том, что бы могло случиться. Тишина летней ночи настраивала на умиротворенный лад. Изредка поквакивали лягушки, где-то за рощей трещал коростель. Чувствуя, как под рубаху забирается холодок, Степа зябко поежился и пошел в избу, забрался на полати и лег у стены, положив рядом карабин. Погладил рукой ружье и позавидовал Прибыткову: у самого-то Степы такого карабина не было. Правда, дядя Ваня обещал достать ему револьвер, но когда это еще будет...

* * *

В волость Прибытков приехал на рассвете. Председатель волпарткома Зыков ждал его. Здороваясь с ним, Прибытков нетерпеливо спросил:

— Что за спешка такая?

Тот откинулся в кресле, внимательно посмотрел на Прибыткова.

— Как у вас там, тихо?

— Ты о чем? О разверстке?

— В наших горах банда объявилась! Вот о чем!

— Вон дела какие, — озабоченно сказал Прибытков.

— Вчера ночью бандиты нагрянули в Лаптевку. Там работала комиссия по отбору лошадей для красной конницы, — продолжал ровным голосом Зыков. — Бандиты разоружили охрану и угнали всех коней.

— Много?

— Около сотни.

— Банда большая?

— В налете участвовало десятка три верховых да пеших не меньше. Есть сведения, что столько же осталось в горах.

— Чем наша ячейка может помочь?

— Ты знаешь, где их пристанище? У Шумиловских водопадов — у тебя, значит, под носом. Более того, эта банда установила связь с головорезами Табайникова, которых мы загнали в отдаленные горные районы. В новой банде есть кое-кто и из нашей волости и среди них Федулов Трофим, сын твоего шумиловского кулака.

Прибытков чуть не подскочил на стуле:

— Вот те на! Мы думали, что он сгинул...

Зыков, как показалось Прибыткову, с ноткой недовольства продолжал:

— Беспечно мы жить стали, а рано. Банда не будет сидеть сложа руки. Наша задача — уничтожить ее в возможно короткий срок. Уездный штаб ЧОН получил указание немедленно сформировать боевой отряд из коммунистов нашей и Чардынской волостей.

— Оружие будет? — спросил Прибытков, думая, кого можно мобилизовать из своих коммунистов.

— Не те времена, голыми руками воевать не собираемся. Людей надо отбирать с боевым опытом. Об операции — ни гу-гу. На сбор — сутки. Собираться будем у

Сорокинского болота. Думаю, у бандитов есть свои люди в Шумиловке.

— Примем меры, — заверил Прибытков.

Подумав, Зыков ответил:

— Пока не следует ничего предпринимать. За Федуловым установить круглосуточное наблюдение. И за другими — тебе виднее за кем.

Из ящика стола Зыков достал пакет.

— Тебе придется выполнить еще одно задание. За время наших сборов надо разведать обстановку в районе Шумиловских водопадов и отвезти пакет Чардынскому волпарткому. Мне кажется, это надо поручить Занадворову. Он человек бывалый, надежный. Подбери ему напарника. Главное — установить, где базируется банда. Вот пакет Занадворову. В случае чего пусть уничтожит. Ну, действуй.

VII

Из Шумиловки Занадворов и Грачев выехали перед обедом. За холмами начались горы, и чем дальше, тем плотнее обступали они долину. Дорога кружилась то правой, то левой стороной журчащей Шумиловки, которую часто приходилось переезжать вброд. Агафон управлял лошадьми. Подъехав к Косой горе, Занадворов свернул влево. Ему хотелось засветло одолеть перевал. Остановив лошадей на опушке кедрача, Агафон велел Степе накосить травы, а сам достал из кармана платок в мелкий горошек и подвязал им свой подбородок. Натянув на голову выцветший картуз, он скривил лицо и заныл.

— Ох, пресвятая мать богородица, терпежу нет.

— Что болит-то? — не понял Степа.

— Флюс у меня, зубы.

— А-а, — догадался Степа. — А если проверят?

— Риск, конечно. Авось обойдется.

Набив табаком глиняную трубочку, Агафон закурил. Забравшись в тарантас, он пощупал обрез и передал Степе вожжи.

— Садись на передок и управляй. Я теперь человек больной. Да примечай дорогу, а то, может, обратно одному ехать придется.

Степа впервые ехал по этой незнакомой дороге и с интересом оглядывал все вокруг. Мошкара назойливо

лезла в глаза, уши, нос. Помахивая хвостами, лошади трусили по пологому хребту голой горы. Вскоре начался крутой подъем.

С перевала неожиданно подул свежий ветер. «Быть дождю», — подумал Агафон и забеспокоился. Правда, впереди была Семеновская заимка и там можно переждать непогоду, но дотуда еще далеко.

Когда тарантас поднялся на перевал, Занадворов выругался: спереди надвигалась тяжелая синяя туча, на глазах затмившая солнце. Далекие горы принимали расплывчатые фантастические очертания и вскоре исчезли вовсе. Редкие крупные капли дождя упали на сухую дорогу, где-то трахнул гром, эхом рассыпавшись в горах. Степа съежился и поднял воротник пиджака. Занадворов выхватил у него вожжи. Стена дождя приближалась. Вскоре хлынул ливень. Лошади бежали под уклон.

Ослепительные вспышки молний рвали тучу, раскаты грома сливались в сплошной гул. Казалось, чудовищный исполин трясет горы. Рядом со шлейфом песка промчался большой камень, и лошади шарахнулись в сторону. Степа чуть не вылетел из тарантаса. Ухватившись за Агафона, он другой рукой натянул на голову мокрый шабур.

Изредка поднимая голову, Степа все ждал, когда начнется лес, который серел внизу. Когда тарантас запрыгал по корням деревьев, Степа приподнялся. Дорога шла под пологом леса, здесь дождь ослабел.

Занадворов загнал лошадей под разлапистую ель.

— Озяб? — спросил Агафон, поворачиваясь. — Сейчас маненько согреемся, — весело сказал он, роясь в тарантасе.

«Не костер ли уж собирается разводить?» — подумал Степа.

Достав из-под сиденья мешочек с хлебом, Агафон вынул баклажку и жадно глотнул несколько раз. «Мало ему дождя, так он воду пьет», — думал Степа. А Агафон, крякнув от удовольствия, подал баклажку Степе, подмигнул:

— Погрейся.

Из горлышка ударил в нос запах самогона. Степа с трудом глотнул. Занадворов протянул ломоть хлеба.

— Зажуй. Привыкай, мужик.

Ветер еще гулял по верхушкам деревьев, и крупные

редкие капли падали с ветвей, Занадворов опустил переметник у коренного, разнуздал лошадей и бросил им охапку травы из тарантаса.

— Ночевать тут будем? — Степу начало клонить ко сну.

— Не. Слышишь, как ручей шумит?

— Ну и что?

— Я жду, пока спадет. А то ночевать!.. Ночевать будем на Семеновской.

Занадворов запалил трубочку. Покрякивая, он сказал:

— Славная банька была, сухой ниточки не осталось, а! Учись, сынок, в дальнюю дорогу ездить.

Тронулись дальше уже в сумерках. Тоскливо поскрипывали деревья. Шум леса после бури напоминал тяжелые вздохи. Степу вновь стала одолевать дремота.

Положившись на чутье лошадей, Агафон надеялся, что они дотянут до Семеновской заимки. Время шло, а заимки не было и в помине.

Упершись в скалу у самого ручья, лошади остановились. Занадворов соскочил с тарантаса. «Что за дьявольское наваждение!» — думал он, пытаясь определить направление дороги.

Степе тоже захотелось размять ноги и немного согреться. Попрыгивая на месте, он спросил:

— Заимка скоро?

— За тем деревом. Как леший водит. — Степа понял, что они заблудились. Он шагал за тарантасом, часто спотыкаясь. В темноте было трудно что-нибудь различить впереди. Дорога пролегала между скалой и густым лесом. Тарантас переваливался с боку на бок. Степе казалось, что от тряски у него все перемешалось внутри. «Лишь бы скорее добраться до какого-нибудь угла, а там видно будет», — размышлял он, стараясь не отставать от тарантаса. Вдруг сбоку у чернеющей скалы блеснул огонек. Степа протер глаза.

— Дядя Агафон, видишь?

— Что? А? — Занадворов остановил лошадей. — Что за оказия? Не бандиты ли? Проведай, что за огонь там.

В тревожном предчувствии Степа быстро пошел на огонь. Приближаясь к горе, убавил шаг, а потом крадучись подобрался к источнику света. Он ясно различил небольшое оконце в скале и налево от него, рядом с

ним, что-то наподобие двери. «Похоже, пещера», — сообразил Степа и осторожно заглянул в оконце. То, что он увидел, поразило его. Посреди пещеры сидел лохматый человек и тесал топором чурбак. На грубо сколоченном столе горела коптилка. Отшатнувшись в сторону, Степа подумал, не отшельник ли это.

Как можно тише он отошел от скалы и бегом бросился к тарантасу.

— Ну кто там? — нетерпеливо спросил Занадворов.

— Отшельник обросший. Один сидит и...

— Дай-ка я сам посмотрю, а ты посиди здесь.

Агафон скоро вернулся.

— Не пойму, что за человек. Может, и отшельник. — Занадворов вспомнил, что в районе Анжуя есть старообрядческий скит. Догадка Степы могла оказаться правдоподобной. Агафон считал, что без проверки такой случай оставить нельзя. Привязав лошадей, он вытащил из тарантаса обрез и сунул его под шабур. Когда они подошли к скале и еще раз поглядели в оконце, то никакой перемены не заметили. Лохматый сидел в этой же позе и занимался прежним делом.

Занадворов легонько постучал в дверь. Стоявший у окна Степа тихо предупредил:

— Винтовку взял из-под лавки!

— Кто там? — не доходя до двери, спросил пещерный житель.

— Отопри, добрый человек. С дороги сбились, — жалобным голосом попросил Занадворов.

Постояв в нерешительности, человек отодвинул засов. Агафон смело шагнул вперед, подозрительно озираясь.

— Из больницы с сынишкой еду, промокли, вишь, до нитки. — Зубы у Агафона стучали.

Степа тоже скривил лицо. Агафон тяжело вздохнул и перекрестился. Человек заметно успокоился и опустил карабин.

— В Кудзеевскую ездили, хворый я, — сказал Занадворов, присаживаясь на чурбак, а Степа с растерянным видом все еще стоял у двери и разглядывал лохматого.

На вид ему лет сорок. Лицо заросло бородой, на голове торчали клочья спутавшихся волос, словно к ним никогда не прикасалась расческа. Одет в пеструю домотканую косоворотку, подпоясанную тесемкой.

— Увидели мы огонек и обрадовались, — сказал Занадворов. — Не дорога, а пакость одна.

— А сами откуда? — спросил сиплым голосом лохмач.

— Из Ореховки. Может, слыхали там Епифановых? Епифанов я и есть.

— Не доводилось. Только бы вам за ручьем свернуть на Семеновскую...

— Кабы видеть. Господи, помилуй нас грешных! — Занадворов опять перекрестился. — Темень-то какая! — И, оглядывая пещеру, спросил в свою очередь: — А вы тут давно живете?

— Может, с год, может, больше. Я, как вам сказать, старовер, безродный. Богу молюсь и охотничаю, зверьем промышляю.

«Так и есть — отшельник», — подумал Степа, а сам украдкой посматривал на винтовку, которую лохмач не выпускал из руки. Наконец, он поставил ее к столу, приподнял полог из облезлой медвежьей шкуры, которым была закрыта щель, уходящая, по-видимому, в глубь пещеры, достал железную печурку и две жестяных трубы и начал ее растапливать. Тем временем Степа примостился рядом с Агафоном, и оба они, посматривая друг на друга, сидели в нерешительности. Человек налил из ведра воды в большой закопченный чайник и поставил его на печку. Все это он делал медленно, будто не замечая гостей.

— А что, эта обитель давно сделана? — спросил Занадворов.

Лохмач сел у стола, ближе к винтовке, угрюмо ответил:

— Нет, может, от сотворения мира она так. Скитские тут жили, и я скитской.

— Так, — протянул Агафон, толкнув Степу локтем, — скитский, значит.

Степу занимала сама пещера. Она была не более пяти аршин в ширину и столько же в вышину, суживаясь от двери в глубь скалы. Стены были неровные, местами виднелись каменные складки с прожилками земли. Почти параллельно столу, вдоль стены, стояла широкая лавка, прикрытая рыжим стеганым одеялом. Занадворов присматривался к тому месту пещеры, которое было занавешено медвежьей шкурой.

Печка разгорелась, чайник закипел. Лохмач, присев

на корточки, пошевелил дрова. Степа уже был готов поверить в то, что перед ним действительно безобидный отшельник, как Занадворов, выхватив обрез, крикнул:

— Руки вверх!

Степу словно кто-то толкнул к столу за карабином. Отшельник выпрямился и поднял руки. Угрожающий вид Агафона и Степы, готовых пальнуть при малейшем движении, заставил его стоять на месте.

— А ну, стань к стенке лицом, — приказал Занадворов.

— Убить хотите? За что?

— Становись, говорю!

Лохмач неохотно повиновался.

— Вяжи ему руки.

— Чем? — спросил изумленный Степа.

— Моей опояской.

Степа быстро размотал опояску.

— Руки назад!.. Крути их, да покрепче.

Завязывая руки, Степа боялся, как бы «отшельник» не пнул его ногой.

— Ложись, где стоишь!

Человек опустился на колени и, не проронив ни слова, лег на бок.

— Вяжи ему ноги своей опояской да посмотри, что там за шкурой.

Сдвинув шкуру, Степа увидел сужающийся темный ход. Подняв коптилку выше головы, Степа шагнул в глубь пещеры.

— Мешки тут с зерном, — доложил он глухим голосом.

— Много?

— Порядком... И еще какие-то длинные ящики с соломой.

— Проверь, что там.

— Ружья, винтовки!

— Много их?

— Три ящика.

— Ай-я-яй скитский человек. Ловко придумано!..

Степа вылез, доложил:

— Еще ящик патронов, корзина с обоймами.

— Беги за лошадьми.

«Отшельника» выволокли и с трудом уложили в тарантас. Не надеясь на прочность опояски, перевязали руки вожжами. Ящики с оружием и боеприпасами пере-

несли в кусты, замаскировали. Занадворов прихватил карабин «отшельника» и уселся рядом с ним. Степа — на передке тарантаса.

Начало светать. Агафон безуспешно пытался завести разговор со своим пленником.

За унявшимся ручьем дорога пошла в гору. Ехали, настороженно прислушиваясь.

За перевалом лошади побежали веселее. Вот уже видна Косая гора, Степа, обрадовавшись, свистнул, а Занадворов полез за трубочкой. Из-за поворота горы явственно доносился шум разбушевавшейся Шумиловки.

Агафон остановил лошадей, кряхтя, вылез из тарантаса, обошел его кругом и поманил Степу рукой. Они отошли в сторону. Держа в руке обрез, Занадворов зорко следил за «отшельником», а сам полушепотом наказывал Степе:

— До Чардынского верст пятнадцать. Поедешь берегом Анжуя. Встренешь заимку, объедешь ее справа. А там знаешь.

Достав из-за пазухи конверт, он велел Степе спрятать его таким же манером за пазуху, отцепил пристяжную.

В горах стояла необычная для лета тишина. Так бывает только после сильных дождей. Проснется туча, вытрясет весь свой запас воды и где-то у горизонта расползется в разные стороны, потом растает.

Долина круто свернула влево, и малонаезженная дорога стала совсем узкой. Опасаясь поранить лошадь о каменные выступы, Степа придержал ее. Ему очень хотелось слезть и поразмять ноги, но, помня о задании, отогнал от себя навязчивое желание.

У поворота перед заимкой нежданно-негаданно навстречу рысью скакало несколько вооруженных верховых. Степа непроизвольно придержал Гнедуху. «Бандиты! — мелькнуло в голове. — Спрятаться? Где? Лес далековато. Повернуть назад? Пристрелят». А всадники уже вот они. Степа сразу узнал среди них Трофима Федулова, того самого, который служил в колчаковской милиции, и почувствовал холодок в груди.

— А, землячок-батрачок! — воскликнул Трофим.

«Знает ли он что я в комсомоле, в сельревкоме работаю? — лихорадочно гадал Степа. — А может, он ничего не знает?» Но выкручиваться как-то надо, и он поспешил спросить:

— Не видали тут лошадей? А то хозяин с меня шкуру спустит.

— Лошадей, говоришь? — Трофим подозрительно сощурился. — Не далеко ли ищешь? Обыскать!

Последнее слово, как плеткой, хлестнуло Степу. Он мгновенно выхватил из-за пазухи пакет, ударил Гнедуху в бока каблуками сапог и на скаку изорвал его в мелкие клочки, разметав их по лесу.

— С-сукин сын! — заревел Трофим. — Догнать! Бумагу собрать!

Два дюжих бандита схватили Степу за руки, остановили Гнедуху. Подскакавший Трофим со всего маху вытянул Степу кнутом, заорал:

— Говори, красная сволочь, от кого пакет?! Кому вез?!

Стиснув зубы, Степа молчал. Плечо и спина горели нестерпимой болью, словно к ним приложили раскаленную полосу железа.

— Федосей! — приказал Федулов. — Отвези красного щенка к Насте, запри в пристенок. Сейчас не до него.

— Башку ему смахнуть, вот и вся недолга! — вмешался один из бандитов, хватаясь за эфес шашки.

— Успеем! Пусть с ним поговорит «сам».

Бандиты явно торопились. Рыжебородый, которого Трофим назвал Федосеем, связал руки Степе, посадил его на лошадь впереди себя и, сказав: «С богом!» — дернул уздечку. Гнедуха, привязанная веревкой к седлу, шла за ними.

Степа не знал, что было в пакете, но его начала мучить одна и та же мысль: неужели соберут клочки бумаги и сумеют прочитать? Тогда бандиты нападут из засады на чоновцев, а может быть, налетят на Шумиловку. Кто в этом будет виноват? Он, один он. Не сумел выполнить поручение. Где-то в глубине сознания возникла и другая мысль: «Я же ненароком попал в лапы бандитов. Все это из-за проклятого «отшельника». Не свяжись мы с ним, пакет был бы теперь в Чардынском».

Рыжебородый внезапно спросил:

— Чей ты будешь?

— Шумиловский, из беженцев.

— Молокосос, а прыткий? Красным помогаешь?

Степа старался отогнать давивший его страх

мыслью о побеге. Он посмотрел на узкую долину, сдавленную горами. Только бы спрыгнуть с седла и... Пока бандит опомнится да снимет карабин, можно убежать. Если б у него не были связаны руки!.. А тут еще впереди послышался собачий лай, и мысль о побеге потухла.

«Должно быть, это и есть та заимка, о которой говорил Агафон», — подумал Степа. Он приметил малоназженную дорогу, уходившую вправо за косогор. По этой дороге, как наказывал Занадворов, он и должен был объехать заимку.

Вскоре Степа увидел два пятистенных дома, хозяйственные постройки и новый сруб. Их встретили двое: низкорослый хроменький дядька средних лет и полная женщина в домотканом сарафане. Посреди двора росли два развесистых кедра. Привязанная на цепь собака истошно лаяла и рвалась. Хромоногий пнул ее.

— Кого ты это привез, Федосей? — спросила женщина.

— Запри его, Онуфриевна, в пристенок да смотри! Приедет «сам», распорядится. — Он тут же уехал.

Хромоногий и женщина с любопытством рассматривали Степу и, как показалось ему, с отеческой жалостью.

— Мне бы, тетенька, попить, — уставшим и дрожащим голосом попросил Степа.

— Пошли, — предложила женщина.

Все поднялись на крыльцо. Пока женщина отпирала пристенок, хромоногий принес кружку квасу и большую творожную ватрушку.

— Развяжи ему руки, Настя, — сказал он и добавил, обращаясь к Степе: — Лучше все расскажи, когда спрашивать начнут. А не то у них разговор короткий — петля на суку.

Степа с жадностью опустошил кружку. Его втолкнули в пристенок, пихнув в руки ватрушку. Дверь закрылась. Степа слышал, как заскрипел засов, а потом щелкнул замок. Свет в пристенок попадал через небольшое оконце, прорубленное у крыши. Оно было заделано железными прутьями крест-накрест. В заднем углу стояли мешки с зерном. Ближе к двери — кадки с разным барахлом. На полу валялись дерюга и куделя. Потолка в пристенке не было, только дощатая крыша. Степа смекнул, что можно забраться на чердак дома, а там, глядишь, найдется подходящая лазейка...

Но не подсматривают ли за ним? Осмотрел дверь: щелей не было. Убедившись, что наблюдать за ним можно только через оконце, Степа тихонько придвинул к стенке пустую кадку, перевернул ее и, поднявшись, осторожно выглянул в окошечко. Правее дома за хозяйственными постройками — мелкий кустарник, а дальше — подъем в лесистую гору. Перебежать двор, и был таков... А собака? Спускают ли ее с цепи на ночь?

«А если бандиты вернутся еще до ночи и увезут в свой штаб или просто прикончат?» От этой мысли Степу охватила тоска. И потянулись мрачные раздумья. То ему казалось, что бандиты уже сделали налет на Шумиловку и побили Горку и Тишку, а может быть, и других ребят, то думалось, что отряд чоновцев попал в засаду... Одна надежда: в штабе ЧОН хватятся его и пошлют на розыски. Прибытков, конечно, не оставит в беде и обязательно выручит.

По расчетам Степы, приближался полдень. В кладовой стало теплее. Залетевший в оконце шмель долго жужжал, а потом исчез где-то под крышей. Шмель напомнил о чердаке, и Степа решил обследовать его. Поставив маленькую кадку на большую, он поднялся к карнизу. Передвигая кадки, он посмотрел и ощупал весь карниз. В одном месте доска неплотно прилегала к брусу — он нажал на нее ладонью — и — о чудо! — доска поддалась.

Степа бодро спустился на пол. Только дотянуть бы до ночи, только бы!

Через некоторое время послышался топот лошадиных копыт. Степа похолодел: «Вот и конец. Пропал!»

Приезжие остановились. Судя по голосам, говорили трое, но разобрать о чем, было трудно. Степа уловил только такие слова, как «засада», «коммунисты». Потом приезжие ушли в дом, а спустя некоторое время вновь ускакали.

«Кто попал в засаду? Ясно, ее устроили наши, и, может, к ночи они будут здесь? — думалось Степе, и хотелось верить, что это будет именно так.

Кто-то подошел к двери, снял замок, сдвинул засов. Это оказалась женщина.

— Проголодался, поди? На, поешь. — Она поставила ему глиняную кружку с молоком и кусок хлеба, а затем пристально взглянув и как-то криво улыбнувшись, снова заперла дверь. От ее взгляда и улыбки Степа

съежился, еще сильнее почувствовал безнадежность своего положения.

Пообедав, Степа устроил из дерюги и кудели постель и присел, прислонившись головой к мешкам. Сказывалась ночь, проведенная без сна. Постепенно сон одолел его.

Было темно, и Степа понял, что проспал долго. Кругом стояла тишина, моросил дождь. Он вспомнил о карнизе и, не раздумывая, стал шарить кадки. «Бежать, во что бы то ни стало бежать!» — билось в голове. Осторожно поднялся к той доске, поднажал еще. Туго, но доска поднималась. Наверное, она прогнила вокруг ржавого гвоздя. Степа изо всех сил надавил ее. Скрип отдался в мозгу, как раскат грома. Теперь уже нельзя было медлить ни одной секунды: если слышали в избе, то всполошатся. Степа мгновенно подтянулся, подал доску спиной. Раздался скрежет от другого гвоздя. Протиснувшись в щель, Степа головой вниз полетел в темноту. К счастью, он свалился на бок, несильно ушибся... Тявкнула собака. Со всех ног Степа бросился к забору, выставив руки вперед. И все же головой больно стукнулся о доску. В это время хлопнула дверь избы, раздались голоса. Перемахнуть забор не стоило большого труда. Его хлестали и точно хватали за ноги и за руки ветви кустов, он спотыкался о корни и камни, но вскакивал и бежал подальше от заимки. Остановился уже в глубине леса, упав на трухлявый ствол дерева. Отдышавшись, готов был плясать от радости. «Удрал! Вот так удача! Пусть теперь поищут!» И он представил себе, какими теперь стали рожи у хромоногого и у той самой Насти.

Лес, где находился теперь Степа, рос на склоне пологой горы. Еще когда рыжебородый бандит подъезжал с ним к заимке, Степа видел, что гора, подступившая к ручью, круто поворачивала сразу же за заимкой вправо на юг. Возвращаться в обход заимки рискованно. Оставался один путь: перевалить через гору.

Пробирался лесом всю ночь и весь промок от росы. По его расчетам в соседней долине должна быть деревня Мараловка, и, когда рассветало, он увидел ее.

Из Мараловки Степа добрался до чоновцев с попутной подводой. На подъезде к Щукинскому выселку увидел несколько всадников. Среди них он узнал Прокопия Дудина.

— Степ, это ты? Живой? А мы тут черт знает о чем думаем! Штаб послал Прибыткова с группой разыскивать тебя.

Степа не сдержался. Комок подступил к горлу, и он едва не всхлипнул. Дудин подхватил Степу, посадил к себе в седло, и через несколько минут они уже были у штаба.

Щукинский выселок, как его называли в Шумиловке, состоял из шести дворов. Во дворах толпились чоновцы, у одного из домов прямо с телег раздавали винтовки. С невеселым настроением, точно на поводу, шел Степа в штаб. Что он скажет? Было стыдно и боязно. Перешагнув порог просторной избы, совсем растерялся. В группе сидящих за столом Степа узнал Ожиганова и сразу обратился к нему:

— Разрешите доложить, — начал было он по-боевому, но военной выправки не получилось, Степа почувствовал это и густо покраснел. Ожиганов вышел из-за стола и подал ему руку.

— Ну, здравствуй, Грачев! Чем нас порадуешь?

Куда легче было бы выслушать любой выговор, а тут... Глотая слезы и запинаясь, Степа рассказал о своих злоключениях.

— Оба вы с Занадворовым, — сказал Ожиганов, — заслуживаете строгого наказания за то, что не доставили пакета. Но вы сделали другое очень полезное дело. Ваш пещерный житель дал нам очень ценные сведения. И оружие его пришлось как нельзя кстати.

Ожиганов отдал распоряжение зачислить Степу в группу разведчиков Прибыткова и велел накормить. Только к вечеру вернулся вымотанный Прибытков, но, увидев Степу, просиял, поднял вверх как маленького.

VIII

Вечером Степа узнал, что у пещеры «отшельника» чоновцы устроили засаду, поймали двух бандитов. Сопоставив показания бандитов и данные разведки, командование отряда ЧОН установило, что ядро банды базируется глубоко в горах и разгромить его будет не так-то просто. Создали ударную группу и поставили перед ней задачу совершить, по возможности тайно, глубокий рейд в горы, выйти к ущелью Урусы и отрезать путь банде к

отступлению. Второй группе поручили на первых порах провести отвлекающий маневр, а затем ударить в лоб банде, принудить ее к бегству и взять в клещи в ущелье Урусы. Группе Прибыткова поручили уничтожить мелкие отряды бандитов в окрестных селах и заимках.

Степе дали низкорослую горную кобылку мышиной масти. Простое седло не понравилось Грачеву, но делать было нечего — настоящего кавалерийского еще не заслужил.

Группа Прибыткова, разделившись по два-три человека, растворилась в лесу. Занадворов и Степа побывали в нескольких мелких поселках, разбросанных в горах. Агафон не расставался со своим обрезом, а у Степы под гимнастеркой небольшой наган приятно холодил тело. Теперь они пробирались к пастушечьему стойбищу в долине Верхнего Анжуя. Солнце палило нещадно. Хотелось залезть в прохладу леса, прилечь.

Агафон ехал впереди по узкой тропе и почти беспрерывно сосал трубку. Лошади мотали головами, отбиваясь от наседавших слепней. Под шатром одной старой ели решили передохнуть.

Занадворов, спустившись к ручью, наполнил фляжку свежей водой.

Вернувшись, он накинулся на Степу, расседлавшего кобылу.

— Забыл, где мы? Живо подтяни подпруги.

С пригорка долина просматривалась на большое расстояние.

— Дядя Агафон, ты весь Алтай прошел?

— Эк, куда хватил. Видно, что переселенец, — лениво ответил Занадворов, посасывая свою трубочку. — А по горам полазить и по степям побродить пришлось, когда у купца служил. Скупят у алтайцев и монголов скот купецкие приказчики, а наш брат, гуртоправ, гонит его через горы да увалы, да перевалы. Трудная это работа. Зато немного научился калякать по-алтайски.

Вдруг Агафон встрепенулся и бросился к коню. Срезая наискось голый увал, он помчался к речушке.

Степа скакал за ним, не понимая в чем дело. Наконец увидел мелькнувщего меж кустов всадника, к которому Агафон мчался наперерез.

— Стой! — крикнул он, подняв свой обрез.

По меховой шапке с кистью Степа догадался, что они догнали алтайца. Тот осадил лошаденку, дрожа всем те-

лом, и, невероятно возбужденный, залопотал, коверкая русские слова и перемешивая их с ойротскими.

— Барашка... Пинтовка, пинтовка! — не раз повторил он.

Занадворов что-то сказал ему. Алтаец заулыбался и, повернув назад, погнал лошадь. Агафон сообщил Степе, что бандиты у алтайцев убили пастухов и угнали овец.

Проскакали верст пять. Показались юрты. Они стояли вдоль речушки на узкой, сдавленной горами равнине. Навстречу бросилось несколько собак. Всадники спешились у юрты, где стояло много женщин.

Агафона и Степу повели в юрту. Там лежали двое убитых бандитами пастухов. Они лежали рядом на подстилке из травы. Степа взглянул на убитых и вздрогнул. Ему стало страшно: вдруг бандиты вернутся на стойбище и вот так же убьют его и Агафона, и они так же, как эти молодые алтайцы, будут лежать на траве... Хотелось крикнуть: «Дядя Агафон, уедем отсюда!»

Агафон, видимо, поняв состояние Степы, сказал:

— Остынь, маненько... Отведи-ка вон туда наших коней, на лужайку, да попаси их. Пусть травки пощиплют. Бандиты свое дело сделали, сюда больше не придут.

Из-за березовой рощи появилась группа всадников. Степа выхватил наган, но вскоре узнал своих. И только поняв, что опасности нет, сразу же почувствовал сильное сердцебиение. «Трус несчастный!» — выругал он себя.

Всадники во главе с Прибытковым промчались к юрте. Степа видел, как алтаец что-то говорил им, показывая на перевал, а Занадворов, видимо, переводил его слова. Затем Агафон крикнул:

— Грачев, лошадей!

«Ого! — обрадовался Степа. — Видно, бандитов будем догонять».

Тропинка, огибая камни, буреломы и мочалины, вела по крутому склону. Чоновцы растянулись гуськом. Впереди проводником ехал алтаец, за ним Прибытков. Степа оказался в середине группы.

Ехали торопливо, поминутно подхлестывали лошадей. Где было возможно, переходили на рысь.

Преодолев два лесистых перевала, всадники спешились в небольшом ложочке, привязали лошадей в берез-

няке и пешком спустились к дороге. Алтаец припал ухом к земле и погрозил чоновцам пальцем: дескать, тише, не шуметь. Вскоре он вскочил, возбужденно заговорил на своем языке.

— Копыта стучат. Много копыт, — перевел Агафон.

— За камни! — распорядился Прибытков. — Если не те, берем живьем. Если те — подпустить как можно ближе. Без команды не стрелять.

Место для засады было удобное: громадные валуны перемежались с зарослями собачника и акаций. С той стороны, откуда должны появиться бандиты, над дорогой нависла скала, а по другую сторону дороги — обрыв. Прибытков с двумя бойцами прокрался к самой скале, оставив остальных на месте.

Первым из-за скалы появился рогатый домашний козел с длинной седой бородой. Степа хорошо видел его сквозь кустарник. Козел остановился, принюхиваясь. «Неужели нас почуял», — насторожился Степа. Но тут же из-за скалы донесся свист и грубый голос:

— Пшел, рогач!

Вслед за козлом появились овцы, десятка два, за ними, беспечно болтая и хохоча, ехали семеро всадников. Каждый обвешан оружием — винтовками, шашками, гранатами.

Степа стиснул зубы, весь напрягся, нетерпеливо ожидая решающей секунды. Как-то само собой исчезло чувство опасности. Вспомнились те двое на травяной подстилке, мирные, ни в чем не виноватые, и всем существом Степы овладела злоба. Он сразу же выбрал себе цель — небрежно сидящего в седле толсторожего парня с чванливой усмешкой.

— Пли!

Степа повел мушкой, нажал курок. Толсторожий схватился за грудь, пошатнулся. Лошадь взвилась на дыбы и сбросила его, как мешок.

Он стрелял еще и еще уже по другим бандитам, в азарте давил и давил на курок, пока не понял, что патроны кончились.

Ошалелые лошади метались по поляне, испуганно ржали. Чоновцы кинулись к дороге, Степа за ними. В это время раздался выстрел, затем второй. Уцелевший бандит отползал к обрыву и бил из обреза. Грудь Степы обожгла резкая боль. «Убит, — мелькнуло в его голове. — Падать или не падать?» От мысли, что пришел ко-

нец, по всему телу разлился жар. Но почему он не падает? Значит, ранен?»

Какое-то время он не видел, не слышал, что творилось вокруг. А чоновцы вязали уцелевшего бандита и теперь подбирали трофеи. Алтаец метался по поляне, собирая разбежавшихся овец.

Степа сел на камень, скорчился.

— Что с тобой? — подбежал к нему Прибытков.

— Ранен.

— Куда ранен?

Дрожащими руками Прибытков задрал ему спереди гимнастерку. Чуть ниже соска был кровоподтек. Прибытков неестественно рассмеялся.

— Ну и счастливый же ты!

Степа тоже засмеялся каким-то не своим, дрожащим смехом. Оказывается, пуля попала в металлическую пуговицу на кармашке гимнастерки, смяла ее и срикошетила, оставив на груди синяк. Прибытков, подавая Степе кольт, из которого стрелял бандит, сказал:

— Это тебе на память. Хорошая машинка, может еще пригодиться. Легко, брат, ты отделался.

Чоновцы по дороге шутили над Степой и похлопывали по плечу.

— Теперь, брат, ты крещеный. Если пуля тебя не взяла, значит, ты заговоренный.

В одном из кержацких поселков отряд Зыкова поджидал своих разведчиков. И как только прискакала группа Прибыткова, Зыков допросил пойманного бандита, отдал приказ немедленно готовиться к походу в глубь гор, а раненых чоновцев и Степу отправить домой. Узнав об этом, Степа обиделся, запротестовал.

Председатель волпарткома Зыков был простым в обращении с людьми, справедливым, но поблажки никому не давал. В волости он пользовался немалым авторитетом. Степа был уверен, что, если Зыкова как следует попросить, тот разрешит ему остаться в отряде.

Его Степа застал в тот момент, когда он стоял у одной из телег и ругал обозников за ненужный груз, который они возили с собой. Выбрав удобный момент, Степа подступил к нему и твердо попросил:

— Разрешите остаться в отряде.

— Это еще что такое? — Зыков повернулся, дружелюбно посмотрел на Степу. — Бандитов поможешь конвоировать, да и за ранеными присмотришь...

Степа стоял на своем.

— Ладно, оставайся! Лихой парень!

Выступили перед вечером, без остановок брали версту за верстой. Настроение у чоновцев было приподнятое. Все знали, что предстоит решительная схватка с врагом.

На рассвете отряд вышел на опушку леса у самого поселка Мута. Впереди скалистый хребет закрывал путь на юго-запад. Миновать его можно было только через ущелье Урусы. За ним выслали несколько групп разведчиков. Одна из них вернулась с одноруким мужиком. Тот рассказал, что банда во главе с самим Табачниковым обосновалась в поселке. Зыков разделил отряд. Прибыткову с частью чоновцев приказал подойти к огородам с южной стороны поселка и залечь на обрывистой стороне ближе к ущелью, а сам он с остальными ударит по поселку.

Замысел полностью не удался. Верховой патруль банды, заметив группу Прибыткова, открыл стрельбу. Зыков, не дожидаясь, когда Прибытков займет исходные позиции, повел своих на поселок. Бандиты наспех седлали лошадей и, отстреливаясь, отступали к ущелью. Группа Прибыткова, ринувшись на окраину поселка, спешилась и, прячась за постройками, вела прицельный огонь.

Степа, стараясь не отставать от Прибыткова, стрелял в силуэты бандитов. После удачного выстрела Прибыткова один из бандитов вздрогнул, затем замер и сполз с седла. Стараясь подавить волнение, Степа прицелился в ближайший силуэт и спустил курок. Лошадь под бандитом грохнулась, а сам он полетел кубарем.

Бандитов, как показалось Степе, было много. По узкой расщелине за поселком группами и в одиночку они стремились скрыться в ущелье.

Стрельба в поселке стала затихать. Часть бандитов, переправившись через речку, вырывавшуюся из ущелья, неслась по ее правой стороне. Группа чоновцев бросилась за ними вслед.

Там, где начиналось ущелье, бандиты, прячась за камни, открыли огонь. Несколько чоновцев упали с лошадей. Зыков отдал команду прекратить преследование и закрепиться на окраине поселка, ожидая, что вот-вот по бандитам, как только они втянутся в ущелье, ударит засада Ожиганова.

Вдруг стрельба прекратилась и стало слышно, как шумит горная речушка.

— Ты жив? — спросил Прибытков Степу, выходя из-за сарая.

— Жив, дядя Ваня!

— А одного бандита ты, кажется, уложил.

Степа засиял.

— Проверь лошадей и обратно сюда!

Пока Степа выполнял приказание, Прибытков обошел укрывшихся за сараями и амбарами чоновцов и загнал обратно вышедших из изб любопытных жителей поселка.

Вернувшись на свое место, Степа услышал глухие выстрелы.

— Это наши с тыла нажали! — бросил Прибытков, прислушиваясь. Он поудобнее положил на жердь карабин, стал на левое колено. Степа проделал то же самое — так стрелять было удобнее.

Гул выстрелов нарастал, и вскоре из ущелья начали выскакивать верховые. Сбоку ударила группа Зыкова. Бандиты пытались прорваться к лесу, но попадали под прицельный огонь группы Прибыткова.

Степа израсходовал вторую обойму и полез за третьей. Он, как азартный игрок, позабыв обо всем, видел только проносившихся на полном скаку бандитов. Он не заметил, как из ущелья начали выскакивать чоновцы из засады Ожиганова; часть их кинулась к лесной опушке наперерез убегающим в панике бандитам. Потом все смешалось.

Прибытков дал команду прекратить огонь, боясь задеть своих, приказал:

— По коням!

Когда выскочили на пригорок, Степа заметил в ложбинке мчащегося во весь опор всадника и узнал в нем того самого кержака, который вез его, связанного, на заимку к хромому.

— Не уйдешь! — крикнул Степа и пришпорил свою неказистую лошадку. Поджав уши и вытянув шею, она помчалась с такой быстротой, которой от нее никак нельзя было ожидать.

Расстояние между Степой и бандитом сокращалось. Тот, поминутно оглядываясь, начал отстреливаться. Степа придержал коня, хотел прицелиться, но мушка металась в разные стороны. Тогда он соскочил на зем-

лю и, прицелившись с упора, выпустил остаток обоймы. Бандит как-то нелепо взмахнул руками, упал спиной на круп лошади, затем повалился. Нога, видимо, застряла в стремени, и конь поволок своего седока по земле.

IX

Пока Степа находился в горах, комсомольская ячейка не собиралась. Он был огорчен, узнав об этом по возвращении в Шумиловку. «Ведь такую ячейку по уставу можно отнести к числу развалившихся», — размышлял он, досадуя на ребят.

Горке попало первому. Степа потребовал у него папку с делами. Уже по тону Горка понял: разговор будет не из приятных, и решил особенно не перечить. Он честно признался:

— Закопана.

Степа вздрогнул, точно его неожиданно хлестнули.

— Как закопана?!

— Так, — промямлил Горка, — ребята боялись... Бандиты... сам знаешь...

— Боялись? Подумаешь, они боялись! — возмутился Степа. — А как же чоновцы там, в горах, тоже боялись? Как по-твоему?

Горка возразил:

— Ты хорошо подумал? Попадись список членов ячейки в руки бандитам, что тогда?

Этот веский довод, казалось, смягчил натиск Степы.

— Как это закопать?! Спрятать куда-нибудь — это другое дело, а то закопать, будто мертвеца какого!

Разговор происходил без свидетелей. Степа не хотел, чтобы историю с папкой узнали посторонние.

— Где закопана?

— Дома под навесом.

Папка действительно была закопана у стены под навесом, и, когда Горка извлек ее, Степа внимательно перелистал бумаги и газеты, сложенные в ней.

— А почта была?

— Была. Одни газеты.

— Куда девал?

— В печку сунул...

— Эх, ты... Надейся на тебя.

Степа с папкой пошел в сельревком.

Грачев сразу повеселел, когда Студенков подал ему

два нераспечатанных конверта в адрес шумиловской ячейки. В одном из них уездный комитет сообщал, что первого сентября созывается уездный съезд, а пятого — губернский. Во втором были газеты.

Прежде чем решать вопрос о выборе делегата, Степе хотелось выяснить, как расценивают комсомольцы свое собственное поведение. Когда ребята собрались в школе, спросил:

— Если бы я не вернулся, собрались бы вы или нет?

Горка взялся играть явно неблаговидную роль: он пытался оправдать себя и тех, кто струсил.

— Я звал ребят газеты читать и на собрание...

— А они? — снова посмотрел на склоненные головы комсомольцев и понял: им стыдно.

Первым откликнулся Тимка Дронов:

— Честное слово, Горка ничего не говорил, он первый струсил.

— Не струсил, и ты не ври... — покраснел Горка.

Его поддержал Тишка Дудин:

— Ей-богу, мы с Горкой не боялись! Тимка сам испугался.

— Когда? — не унимался Дронов.

— Тогда вот, забыл? Что мне ответил, когда я звал на собрание? Ну-ка, скажи.

Тимка отрицательно покачал головой.

— Так я тебе напомню: не буду, дескать, больше состоять в ячейке. Сказал или не сказал? — наседал Дудин.

Уличенный во лжи, Дронов промямлил:

— Не было такого разговора.

Но ребята не верили. Груня Занадворова напомнила о Скорнякове, который и сам не пришел на собрание и других отговаривал.

Поведение Скорнякова и Дронова Степе и раньше не нравилось. Но если бы дело только в них! Есть, наверное, грешок и за другими.

— Кто не желает состоять в ячейке, пусть встанет и скажет честно и прямо, — сказал Степа.

Ребята молчали. Дронов незаметно толкнул локтем Скорнякова. Тот шепнул в ответ:

— Начинай ты.

Груня услышала.

— Вот Миша хочет говорить, — сказала она умышленно громко.

Втянув голову в плечи, тот пробурчал:

— Я и без подсказчиков обойдусь. Надо — так и говори сама.

— Мне что говорить! Я не собираюсь из ячейки выписываться.

— А кто собирается? — вызывающе буркнул Скорняков, будто сказанное Груней к нему не относилось.

— Хватит спорить, давайте на съезды выберем делегата, — предложил Степа. — Кого пошлем?

Его кандидатуру первым назвал Горка. Скорняков предложил Дронова.

— Грачев председатель ячейки или нет? — вспылил Горка.

— Председатель! — раздались голоса.

— А раз так, его и надо выбрать.

Степу беспокоил вопрос о сухарях. Из разговоров с Горкой и Тишкой было ясно: ребята без него ничего не сделали. Как он поедет на съезд с пустыми руками? Вдруг там спросят, чем помогла шумиловская ячейка Красной Армии, что он скажет.

— А как, ребята, с сухарями и вещами для Красной Армии?

— Я два кисета сшила... — начала было Груня.

— Вот так отвалила, нечего сказать! — ехидно бросил Скорняков.

— Да не мешай ты, ну, честное слово... Ребята, уймите его!

— Говори, говори...

— Мамка сухарей сготовила, а мы с Ленкой связали две пары шерстяных носков.

— Еще кто скажет? — спросил Степа. — Например, ты, Скорняков, сколько насушил сухарей?

— Не до сухарей тут было! — пытался отмахнуться тот.

— Эх вы! Шабров воюй за вас, бей панов. А мы?.. И не стыдно вам! — Степа готов был наговорить еще немало обидных слов.

— Кто насушил сухарей, поднимите руки.

Кроме Горки и Груни, никто не поднял.

— Вот видите, постановляем, обещаем, а как до дела — так в кусты, — горячился Степа.

Ребята сидели за партами, опустив головы, и Степа чувствовал, что им стыдно и за трусость, и за невыполнение постановления ячейки.

— Тогда так. Начнем с Подгорной. Обойдем дворы, предупредим хозяев, а дня через два-три пройдемся по домам с мешками. Не милости просим, а для нашей Красной Армии хлопочем. Так и скажете хозяевам.

Ребята разделили улицу на десятидворки. Степа взял себе самый трудный десяток и в тот же вечер отправился по дворам.

Заходя в избы, Степа убедился, что сухари ячейка соберет и вещи теплые будут. Только в одном кержацком доме его встретили холодно. На просьбу помочь Красной Армии хозяйка ответила:

— Подохните вы, окаянные...

От этих слов Степе стало так обидно, что он еле сдержался от грубого ответа. «Да и что было ожидать от таких богатеев, как эти», — успокаивал он себя, уходя от негостеприимного двора.

X

Через неделю несколько подвод с сухарями были отправлены на пристань, а еще через три дня в город выехал и Степа. На пристани он был в первой половине дня. Вести ожидали Степу неутешительные: пароход «Жан Жорес» где-то застрял в пути, и никто толком не знал, когда он будет. «Неужели я не попаду на съезд?» — с отчаянием думал Степа, оглядывая неуютную пристань. Он разыскал заведующего пристанью и рассказал ему о своем положении.

— Не тужи, парень, что-нибудь придумаем, — утешительно сказал тот. — Снизу должен быть буксир, попробуем тебя посадить, хотя и запрещено это. Жди.

Действительно, не прошло и часа, как где-то вдалеке послышался гудок, а вскоре на глади реки показался буксирный пароход, шлепавший высокими колесами. Развернувшись, пароход пришвартовался к пристани. Заведующий пристанью весело подмигнул Степе, и, как только по трапу спустился высокий, сутулый в потертом мундирчике времен старого Западно-Сибирского пароходства капитан, Степа подошел к нему, протянул мандат...

А мандат был особенный. Он был написан аккуратным почерком самим Студенковым на гербовой бумаге, которая хранилась в заветном сундучке Фи-

липпа Ивановича. В мандате было сказано, что председатель шумиловской ячейки РКСМ товарищ Грачев Степан Васильевич командируется делегатом на уездный и губернский съезды РКСМ от шумиловской ячейки. Поэтому сельревком просит всех представителей советских органов оказывать товарищу Грачеву полное законное содействие по пути следования туда и обратно. Мандат был подписан председателем сельревкома Суминым и секретарем Студенковым.

Капитан парохода внимательно, с удивлением прочитал мандат и сверху вниз посмотрел на Степу. Перед ним Степа казался малышом.

— Придется взять, товарищ капитан, — сдерживая улыбку, сказал стоявший рядом заведующий пристанью, — иначе товарищ делегат опоздает на съезд.

Капитан постоял с минуту, посмотрел куда-то мимо Степы и ответил:

— Ладно, возьму! — и, повернувшись к пароходу, крикнул:

— Ребята! Пропустите его.

Степа со своим мешочком, куда мать положила буханку хлеба, сухари и печеную картошку, поднялся на широкую палубу пузатого буксира и, положив котомку у ног, стал наблюдать за работой матросов.

Капитан вернулся на пароход, и под его наблюдением матросы начали выгружать из трюма какие-то ящики и переносить их на берег. Когда капитан поднялся на мостик, раздался сиплый, словно простуженный гудок. Отдали концы, и пароход, шлепая колесами, отвалил от пристани.

Был безветренный день ранней осени. Степа любовался открывшейся перед ним картиной. Острова и островки, среди которых петлял пароход, густо поросли боярышником, облепихой, черемухой, ивняком. Лес и прибрежные кусты окутаны нежно-фиолетовыми тенями, из глубины которых выскакивали точно напоказ то позолоченные, то бледно-зеленые верхушки деревьев, тронутые осенним холодком.

Пароход время от времени подходил совсем близко то к одному, то к другому берегу, словно хотел спрятаться в темно-коричневой гуще отраженных в воде сосновых лесов с прожилками белоствольных берез. Навстречу пароходу, когда он шел вблизи берегов, неслись серебряные паутинки.

С раннего детства Степа полюбил леса. Он родился и рос в деревне, прилепившейся у опушки знаменитой Беловежской пущи. Может быть, в эти дни Красная Армия вела бои с белополяками именно в тех местах. Думая об этом, Степа пожалел, что послушался Прибыткова и не уехал вместе с Шабровым на фронт. Вспомнил он и хату, в которой родился, хату самую настоящую, крытую соломой. Она была отрезана от остальных изб песчаным трактом. Степа часто слышал от своих сверстников насмешки по поводу ветхой хаты и плохого хозяйства своего отца.

Утешало то, что хата была в деревне более известной, чем иной дом под черепицей. Зимой, особенно по субботам и в праздничные дни, в нее набивалось столько мужиков, сколько она могла вместить. Дело в том, что отец выписывал газету, единственную в деревне.

Обычно в такие вечера Степа забирался на печь и оттуда слушал, о чем говорят мужики.

Газета читалась вслух. В избе возникали споры и предположения об исходе войны, о царе, тяжелой жизни.

Размечтавшись под равномерное хлопанье колес, Степа вспомнил и свою школу, и учителя в коротком мундирчике. Учитель стригся под ежик. От него всегда пахло духами.

На первое занятие Степу привела мать. Школа показалась ему огромной и необыкновенно высокой. На стене висела большая карта, и, когда Степа научился читать по складам, он прочитал слово «Россия», напечатанное крупными цветными буквами через всю карту. Карта обрывалась где-то за Уралом, и Степа не знал тогда, что за ним лежало.

Учитель вел занятия сразу с тремя классами и был довольно строг. За шалости на уроках часто наказывал линейкой. Подойдет к шалуну и прикажет:

— Руку!

Виновник обычно неохотно протягивал левую руку, и широкая гибкая линейка опускалась с такой силой, что ладонь вскоре синела. За невыученный урок, особенно по закону божию, учитель заставлял выходить вперед и на виду у всей школы бить поклоны: двадцать пять, пятьдесят, а иногда и сто. Намотавшаяся голова становилась неимоверно тяжелой и как будто чужой. Но самым страшным наказанием для Степы было то, что его оставляли в школе после уроков. Сидеть одному в опустевшем

помещении дотемна, а потом бежать домой через всю деревню боязно. Хорошо, если мать приходила за ним.

Наказывая учеников, учитель, однако, делал для них и немало доброго. Степа вполне понял это, когда подрос.

Бывало, после уроков, чаще всего зимой, учитель оставлял группу учеников, выносил свою скрипку и учил петь. В такие вечера было тепло и радостно, песня сближала, роднила...

Весной, когда окрестные луга заливались водой, а в школьном саду, посаженном руками учеников, исчезал последний снег, вся школа выходила на работу. Под руководством учителя дети вносили под яблони и груши удобрения и подрезали ветки. А осенью, после долгих летних каникул, когда школа вновь заполнялась гомоном детских голосов, на столе учителя появлялись корзины со спелыми сочными яблоками и грушами из школьного сада. Каждый выбирал себе то, что хотел, а глаза учителя в эти минуты блестели как-то особенно, по-отечески радостно. И любили ребята своего учителя еще сильнее и, не желая огорчить его, старались учиться лучше, с удовольствием трудились в школьном саду, готовя его к зиме.

XI

Съезд открывался в городском кинотеатре. С волнением ждал Степа этого часа. Придя в кинотеатр заранее, он хотел все рассмотреть, обо всем узнать. Таких любознательных оказалось немало, и, к своему удивлению, Степа увидел в фойе толпу молодежи... Тут были и городские ребята, и красноармейцы, и особенно много делегатов из деревни, выделявшихся своей неказистой одежонкой.

Как только затрещал звонок, делегаты устремились в зал. Степа сел с делегатами своей волости недалеко от сцены. За пустым столом стоял рослый рыжеватый парень в военной гимнастерке — секретарь уездного бюро РКСМ Деев. Зал притих. Торжественно повышенным голосом Деев по поручению бюро объявил уездный съезд Российского Коммунистического Союза Молодежи открытым.

Молодежный хор Центрального клуба запел «Интернационал». Пролетарский гимн с его словами всепобеж-

дающей правды, с его широкой, как море, мелодией подхватил весь зал.

Когда выбирали президиум, Степа, увидев на сцене Ожиганова, обрадовался.

Доклад о работе уездного бюро пестрил цифрами вновь созданных драматических, хоровых, музыкальных и спортивных кружков, проведенных митингов, бесед, вечеров, спектаклей. А когда Деев сообщил, что комсомольская организация уезда насчитывает больше двухсот ячеек, в зале раздались дружные аплодисменты.

Говоря о работе отдельных ячеек, докладчик упомянул и шумиловскую. Степа от радости толкнул своего соседа локтем. В перерыве он подошел к Ожиганову, и тот, по-отцовски обняв Степу, громко сказал:

— Это наш шумиловский товарищ!

Краснея, Степа жал протянутые ему руки.

Доклад о работе уездного бюро обсуждался с повышенной горячностью. Тон задал представитель текстильной фабрики, рабочий по фамилии Кремнев.

Он начал с критики работы уездного бюро, и Степа сразу почувствовал, как большинство солидарны с выступавшим.

— Случайно или не случайно, — спросил Кремнев,— товарищ Деев только в конце своего отчета упомянул о субботниках? Думаю, не случайно. С хозяйственной разрухой надо бороться по-военному. А мы как? — Кремнев остановился и, как бы спрашивая каждого делегата, медленно обводил глазами притихший зал, притихший от того, что ему неожиданно бросили обвинение. А когда оратор заявил, что уездное бюро не мобилизовало всех комсомольцев на борьбу с хозяйственной разрухой, зал словно раскололся: посыпались реплики, нашлись несогласные. Кремнев не сдавался, наоборот, заговорил еще злее. Обращаясь к Дееву, он спросил:

— Во что вы превратили Центральный городской клуб молодежи? В место для свиданий, поцелуев и танцулек. Члены уездного бюро не замечают, как в городские нерабочие ячейки просачивается мещанская молодежь. Там много подкрашенных барышень.

— Позор! — бросили из зала.

— А вы что тут смотрите? — спросили Кремнева. — В одном городе-то живете.

На трибуну поднялся бледнолицый юнец в форме гимназиста. Заговорил как-то замысловато: все мы да

мы, а когда его спросили, кого он представляет, юноша, поблескивая пенсне в золотистой оправе, ответил:

— Учащуюся молодежь.

Степе он не понравился. «Белоручка, видать, маменькин сынок». Грачеву казалось, что ораторы не сказали главного — его так и подмывало выступить. Но от одной мысли, что ему придется стоять и говорить перед залом, бросало в жар.

В перерыве к нему подошел Ожиганов.

— Тут все говорят о городе, а ты расскажи, Грачев, о батрацкой молодежи. Как у вас там в деревне, а? Продумай. Я скажу президиуму, чтобы тебя записали... Хорошо?

Степа вышел на сцену и сразу растерялся. Сотни глаз внимательно изучали его. С трудом сдерживая волнение, сказал:

— Здесь все о городских делах говорили. А нужно сказать и о деревенских.

— Правильно, нужно! — закричали из зала.

Ободренный поддержкой, он уже спокойнее продолжал:

— Я считаю, что уездное бюро мало заботилось о сельских ячейках. Просили мы букварей, книжек — не шлют. Просили мы инструктора — не шлют. Какое же это бюро? Вон какие, оказывается, у вас в городе богатые клубы! Можно сказать, буржуйские! А у нас и керосину нет. Нам нужны книжки, плакаты, бумага, карандаши. Молодежь наша хочет учиться. Вот мы и просим помочь нам.

Зал дружно аплодировал, а Степа, потеряв нить мысли, соскользнул со сцены и сел на свое место. Он пригнул голову, боясь осуждающих взглядов.

— Мало, но хорошо оказал, — шепнул ему сосед, — надо бы еще о продразверстке потолковать.

Грачев осторожно поднял голову. Он и сам думал сказать, как шумиловские комсомольцы искали спрятанный кулаками хлеб, и теперь досадовал на себя, что не сказал.

...И вот заключительное заседание съезда.

Степа встрепенулся: выдвигая в состав уездного комитета РКСМ кандидатов, назвали и его фамилию. Он никак этого не ожидал. Один из делегатов поднялся с места и предложил избрать Грачева в уком от батрацкой молодежи. Ожиганов поддержал кандидатуру Сте-

пы и рассказал всем, какую работу он выполнял по поручению чоновцев.

Зал Грачев покидал окрыленный доверием товарищей.

XII

С уездной делегацией Степа прибыл на губернский съезд РКСМ.

Город только что просыпался. По улицам брели редкие прохожие, обыватели открывали ставни окон, опасливо поглядывая на движущуюся с вокзала по Соборной улице шумную колонну молодежи.

Делегатов разместили в городском клубе на Пушкинской улице. Небольшие комнаты клуба напоминали вокзал: везде лежали котомки, сумки, папки, стоял невообразимый шум от множества голосов. Степа выбрал себе место рядом с узеньким кожаным диваном у стены: тут было меньше вещей.

В первый же день пришлось быть участником молодежной демонстрации. Впереди колонны шагали делегаты Первого Алтайского губернского съезда.

Съезд проходил в старом деревянном цирке. Для каждой делегации — свои места. Каждый уезд со своим знаменем. В центре арены — стол для президиума. Под куполом цирка шум, много горячих голосов, много песен и споров.

Съезд принял решение о посылке на Польский фронт части делегатов и о мобилизации комсомольцев в продотряды.

«Теперь, — думал Степа, — никто не помешает мне поехать на фронт бить белополяков».

В перерыве он протиснулся к столу президиума и попросил записать его добровольцем. Секретарь губбюро Казановский пристально поглядел в глаза Грачеву, потом бросил взгляд на его тощенькую, почти детскую фигуру спросил:

— Сколько лет?

— Шестнадцать.

— Из какой ячейки?

— Из шумиловской. Моя фамилия Грачев.

Казановский еще раз оглядел Степу. «Наверно, не запишет», — подумал Степа, опуская глаза. Но Казановский ободряюще сказал:

— Пока запишу условно, — и подмигнул. Когда стали избирать делегатов на Третий Всероссийский съезд РКСМ, страсти разгорелись. Кому не хотелось поехать в Красную Москву! Выкрикивали фамилии кандидатов, спорили, отводили. Степа услышал и свою фамилию. Назвал ее Деев. Попросили встать. Зал словно поплыл перед глазами Степы, ноги как бы одрябли и он не знал, стоять ему или сесть на свое место.

— Пошлем батрака! — крикнул кто-то.

— Послать, послать! — поддержали другие.

После выборов в перерыве к Степе подходили знакомые и незнакомые ребята, поздравляли, пожимали руку.

«Неужели в Москву? Как же это случилось?» — думал Степа и все еще не верил. Он, батрак из какой-то Шумиловки, — и вдруг в Москву. Вспомнил Шуру, Горку с Тишкой, Груню... «Не поверят ведь! Почему именно ему одному выпало такое счастье? Разве он лучше других? Да таких, наверное, тысячи».

Съезд закрылся к вечеру. Все делегаты выстроились в колонну и двинулись на субботник.

Загружали вагоны с углем, солью и зерном. С каким-то ожесточением Степа таскал большие комья соли, не замечая царапин на руках. Разгрузку закончили поздней ночью. Делегатам выдали по полфунта черного хлеба и по куску сахара. Грачев моментально проглотил паек. Поцарапанные руки саднило. Но это не портило веселого настроения. В общежитие возвращались с песнями.

Домой делегаты увозили дорогие подарки губкома комсомола: литературу, плакаты, бумагу, карандаши. Степа бережно упаковал полученный для шумиловской ячейки подарок и попросил девушку из библиотеки комсомольского клуба сохранить сверток до его возвращения из Москвы.

Вручая мандат делегата Всероссийского съезда РКСМ, секретарь губкома Казановский спросил:

— У тебя другой одежонки нет?

— Нет, — Степа, краснея, посмотрел на свое сермяжное одеяние.

— Ничего, — успокоил Казановский и позвал из соседней комнаты управляющего делами.

— Можно его в таком виде отправлять в столицу?

Управделами взял Степу за плечо, повернул лицом к себе, осмотрел заплаты и покачал головой:

— Пожалуй, неудобно.

Степа с беспокойством смотрел то на одного, то на другого. «Голосовали, выбирали, а выходит, все дело в одежде. Вот тебе и Москва!»

— У нас найдется какая-нибудь шинелишка?

— Подберем что-нибудь, — ответил управделами и, кивнув Грачеву следовать за ним, повел его в подвальное помещение. Порывшись в ворохе сваленных без разбора поношенных шинелей, управделами извлек одну, черную и, просматривая ее на свету, сказал:

— Вот эта, кажется, подойдет. Матросская. Немного длинновата, но ничего, подрежешь или подвернешь. А ну-ка, надень, я погляжу.

Степа торопливо снял свой пиджачишко и натянул шинель.

— Замечательно! Теперь снимай свои сапоги. Вон в углу разная обувь — может, подберешь по ноге.

Поднимаясь наверх, чтобы получить командировочные, Грачев невольно взглянул в зеркало, стоявшее на парадной лестнице. Да, так он не одевался даже по праздникам.

...Медленно продвигался вагон четвертого класса, в котором ехала в Москву сибирская делегация: его то отцепляли, то снова прицепляли. Только на пятнадцатые сутки в предвечерней мгле замелькали огни московских пригородов. Делегаты прильнули к окнам. Стихли песни, прекратились шутки. Степа смотрел на большие каменные дома с благоговейным трепетом, как и все люди, приезжающие впервые в столицу. Поезд медленно вползал под крышу вокзала. Пассажиры, которым надоели и длинный путь, и этот прокуренный вагон, засуетились.

— Вы делегаты?.. Вы делегаты?.. — доносилось до ушей Степы. Сибиряков встретили представители Центрального и Московского комитетов РКСМ с красными повязками на рукавах.

Утром с группой сибиряков Степа побывал у Кремля. Серый день разгулялся, выглянуло солнце, и золотые маковки церквей засверкали.

Делегаты осмотрели памятник Минину и Пожарскому, башни Кремля. «Вот он какой, Кремль!» — и Степе припомнился волшебный город из сказки Пушкина. Както все еще не верилось, что он стоит перед настоящим, а не сказочным Кремлем.

Вернувшись с прогулки, Грачев застал в зале, где должен был открыться съезд, гудящую толпу. Тут были и матросы с боевых кораблей, красноармейцы, некоторые даже с оружием, делегаты с Украины, Урала и Севера, слышалась разноплеменная речь представителей многонациональной организации РКСМ.

Пока зал наполнялся делегатами, Степа просматривал розданный делегатам отчет о работе Центрального Комитета РКСМ. «Если к Первому Всероссийскому съезду насчитывалось лишь двадцать две тысячи членов, то к Третьему их уже стало четыреста пятьдесят тысяч», — прочитал Степа. Шум в зале начал затихать, и он отложил отчет в сторону, надеясь внимательно прочитать его потом.

После выборов президиума Грачев заметил, что кого-то ждут. В зале нарастал приглушенный говор, и многие не сразу заметили, как появился невысокий, подвижный человек в темном пальто. Увидев его при входе в зал, кто-то крикнул:

— Ленин! Ленин!

Загремели овации. Ленин прошел сквозь ряды к столу президиума, снимая на ходу пальто.

Поднявшись на носки, Степа заметил, что Ленин с кем-то здоровается кивком головы, ему показалось, что он кивнул и в его сторону.

Владимир Ильич положил пальто на поданный ему стул, достал из кармана пиджака листочек бумаги и, видимо, собирался говорить. Но шум в зале не утихал, каждый кричал что-то свое, приветствуя вождя революции.

Председательствующий усиленно потрясал звонком, но его никто не слушал. Ленин достал из кармана часы и показал их делегатам, как бы говоря: «Понапрасну время тратите». Потом правой рукой сделал несколько успокаивающих жестов в сторону зала. Степа заметил, как председательствующий что-то спросил у Ленина, а Владимир Ильич приложил руку к уху и, видимо, ничего не слышал. Тогда Ленин встал почти на краю сцены, взмахнул правой рукой, точно рассекая пространство, качнулся и начал говорить. Он сказал, что хотелось бы сегодня побеседовать об основных задачах Союза коммунистической молодежи.

Степа, как и другие делегаты, ожидал, что Ленин заговорит об империализме, о борьбе с хозяйственной разрухой, а он говорил об учебе.

— Задачи молодежи вообще и Союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться, — сказал Ленин. Он, продолжая говорить, вынул из кармана левую руку и, подавшись всем корпусом вперед, спросил: — Чему учиться и как учиться?

Степа старался найти ответ на поставленный вопрос, но не находил и с растерянным видом смотрел на Ильича. А Ленин, опуская руку, продолжал:

— А здесь все дело в том, что вместе с преобразованием старого капиталистического общества учение, воспитание и образование новых поколений, которые будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми... Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества...

Степа не совсем ясно понял мысль Ленина и, толкнув локтем сидевшего рядом матроса, хотел спросить его, но тот даже не пошевельнулся. Тогда, немного приподнявшись, Степа облокотился на спинку впереди стоящего стула и замер.

Ленин ясно и просто объяснил, чему и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической, она должна учиться коммунизму. Ильич указал на трудности и опасности, которые могут угрожать делу учебы и воспитания.

— Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни...

Степе казалось, что он только теперь ясно понял мысль Ленина и, положив на колени блокнот, стал записывать, но следующая мысль оратора захватила его.

— Без работы, без борьбы, — продолжал говорить вождь, — книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества.

«Значит, учиться и работать, работать и учиться», — размышлял Степа, оглядывая зал. По выражению лиц ему казалось, что все делегаты думают так же, как и он.

Ленин продолжал говорить, что надо взять для воспитания и обучения из старой школы и науки, а когда он заговорил о значении революционной теории Маркса, Степа, вспомнив о своем блокноте, начал записывать.

— Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, — говорил Ильич, повысив голос, — не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества...

...Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

По залу пробежало легкое движение. «Вот как много надо знать, чтобы стать настоящим коммунистом», — подумал Степа. А Ленин, уловив настроение молодежи, продолжал развивать свою мысль:

— Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания.

Степе показалось, что Ильич острым взглядом ощупывал зал, когда говорил о том, что нужно к знаниям отнестись критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека.

Грачев старался полнее записывать слышанное, но не успевал и беспомощно опустил карандаш.

Ленин говорил о том, что нельзя построить коммунистического общества, не возродив по-новому промышленность и земледелие на основе последнего слова науки.

— Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка.

Эти слова Ленина наполнили сознание Степы гордостью. Ведь он тоже принадлежит к числу тех первых строителей, но Ленин вдруг добавил:

— Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не построите.

«А сколько в Шумиловке ребят и девушек вне союза! — думал Грачев. — Что сделала ячейка для вовлечения в строительство сельской молодежи?»

Ленин стал говорить о коммунистической морали. Бросив пристальный взгляд на делегатов, он спросил:

— Существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? — и, остановившись на секунду, ответил: — Конечно, да.

Ленин объяснил, какую нравственность отрицают коммунисты.

— В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога...

...Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Степа мучительно вдумывался в слова Ленина, стараясь их понять и запомнить, а Ленин, точно угадав его мысли, спросил:

— А в чем состоит эта классовая борьба?

Поставив эти вопросы, Ленин отвечал на них простыми примерами из опыта жизни, из опыта революции. Он рассказал, как крестьяне Сибири и Украины, испытав на себе власть белогвардейщины, повернули к Советской власти, стали сторонниками коммунизма.

Логика ленинской мысли все больше и больше убеждала делегатов в том, как велики и как сложны задачи Союза молодежи. Степа вопросительным взглядом посматривал то на одного, то на другого делегата и видел, как напряженно слушают они оратора, стараясь запомнить каждое его слово.

«Как это Ленин все знает?» — подумал Степа и мысленно перенесся в Шумиловку. В его воображении возникли картины недавних партизанских и чоновских

походов. Отгоняя нахлынувшие воспоминания, Степа прислушался снова.

— Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в Союзе молодежи, сказали бы: это наше дело, мы объединимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных...

После этих слов Ленина Степа почувствовал стыд: ведь шумиловская ячейка еще и не думала заняться как следует ликвидацией неграмотности.

А Ленин говорил:

— Быть членами Союза молодежи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста...

...Члены Союза должны каждый свой свободный час употреблять на то, чтобы улучшить огород, или на какой-нибудь фабрике или заводе организовать учение молодежи....

Делегату из Шумиловки показалось, что Ленин взглянул в его сторону. «Ведь мы больше играем в городки и лапту, чем занимаемся полезным делом», — думал Степа и украдкой взглянул на рядом сидевших делегатов. Но смущения на их лицах он не заметил. «Значит, они лучше работали, чем мы».

— ...Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую, — разносились по залу слова Ленина. — И нужно, чтобы Коммунистический Союз Молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр.

Ленин говорил, что Союз молодежи должен помогать во всей работе и везде проявлять свою инициативу.

Сравнивая работу своей ячейки с теми задачами, которые ставил Ленин, Грачев понял, что увлекаться одной культурно-просветительной работой нельзя.

А когда Ленин начал говорить, что то поколение, которому теперь пятнадцать лет, увидит коммунистическое общество, зал пришел в движение. Многие делегаты поднялись со своих мест, а те, кто стоял в проходе, наклонились вперед, стараясь не пропустить ни одного ленинского слова. Степа тоже приподнялся.

Закончил Ильич свое выступление как-то неожиданно и шагнул к столу президиума. А через какие-то секунды гром аплодисментов потряс зал и делегаты потянулись к Ленину. Объявили перерыв, однако никому уходить из зала не хотелось. Было интересно наблюдать за происходившим на сцене. Ленин сел на стул у края стола и начал читать записки: их было много, а председательствующий еще добавляет новые.

Степа заметил — записки стали подавать Ленину еще во время его выступления. Некоторые из них Ильич пробегал глазами, не прерывая речи, и складывал в карман, другие передавал президиуму. Увидев горы бумажек, Ленин всплеснул руками, но с явным удовольствием. Теперь он складывал белые листочки по разным кучам, делая пометки, собираясь отвечать.

Степа видел, как один из делегатов в какой-то женской кацавейке, пробрался к Ленину и начал с ним говорить. Делегата из Шумиловки так и подмывало проделать то же самое, но он постеснялся.

Перерыв кончился. Председатель предоставил слово Ленину для ответа на записки.

— Записок очень много, — сказал Владимир Ильич, — но я постараюсь ответить. Спрашивают о военном и хозяйственном положении. К сожалению, я не могу делать вам сегодня второго доклада, — указывая на горло, Ленин добавил: — Особенно хриплым. — В зале оживились. — Спрашивают меня о положении крестьянства... — И он очень просто и доступно ответил на этот вопрос.

Ленина спрашивали об отношении Союза молодежи к интеллигенции. В ответ он рассказал о месте интеллигенции в классовой борьбе и добавил, что костяком РКСМ должна быть рабоче-крестьянская молодежъ, но работать с интеллигенцией нужно обязательно.

В зале вызвала смех записка: «Скоро ли кончится война?» Ленин тоже засмеялся и сказал, что он рад бы утешить делегатов, но сам не знает, когда она кончится. Ясно одно: чем скорее будет разбит враг, тем скорее кончится война, тем ближе будет общая победа над капитализмом.

Когда окруженный делегатами Владимир Ильич направился к выходу, Степа тоже кинулся, желая протиснуться к Ильичу, но его прижали к стене, и он только видел недалеко от себя голову вождя, слышал, как от-

вечал он на вопросы делегатов, но пробраться ближе к нему так и не смог. Толпа делегатов вынесла Степу на улицу, где он увидел, как Ильич попрощался с молодежью и сел в машину. Делегаты дружно скандировали: «Да здравствует Ленин!»

Речь Ленина взбудоражила съезд, фойе точно кипело. То тут, то там возникали горячие споры.

— Это для нас боевая программа!

— Не только программа, а конкретный план действий!

Вдруг Грачев увидел Деева, обрадовался и пристал к нему:

— Деев, нам дадут речь Ленина?

— Наверное. Ведь запись ее будет опубликована.

— Товарищ Деев, выходит, мы не так работали? — не унимался Степа.

— Да, после такой речи будем работать по-другому, я бы сказал, по-новому.

— Только бы в Шумиловку да всем ребятам рассказать, — рассуждал вслух Степа. Он уже думал о том, как ячейка займется ликбезом, будет помогать культурно-просветительному обществу, а самое главное — потребует помещение под молодежный клуб.

«Нельзя же воспитывать молодежь, не имея клуба».

Вернулся Степа в общежитие поздно и долго не мог уснуть. Перед его глазами все еще стоял Ленин, а в ушах звучал его голос, его слова: простые, мудрые, ясные.

XIII

Степа возвращался из Москвы в приподнятом настроении. У него как будто прибавилось сил, и хотелось скорее домой, а поезд, как назло, тащился медленно. После шумных разговоров он забирался на верхнюю полку. Перед его мысленным взором красовалась Москва, шумная, пестрая и интересная. Кремль с зубчатыми стенами, башнями и макушками соборов.

Перебирая в памяти события последнего месяца, Грачев не искал ответа на вопрос, почему он, батрак из глухой алтайской деревни, побывал сразу на трех комсомольских съездах: уездном, губернском, Всероссийском. Таких счастливчиков было немало, и никто из них этому не удивлялся. Все объяснялось просто: революция! Это

она подняла к большой жизни, повернула к свету рабоче-крестьянскую молодежь.

С приближением поезда к родным местам Степа чувствовал себя все беспокойнее. В губернском городе ему пришлось задержаться, чтобы взять оставленный в библиотеке комсомольского клуба сверток. Вместе с московскими подарками образовался увесистый тюк. Уходя из клуба, Грачев с завистью посмотрел на стоявший в зале рояль и решил выпросить в губкоме граммофон. Секретарь губкома Казановский встретил его дружески как старого знакомого.

— Сколько в вашей волости ячеек? — спросил он.

— Пять, — ответил Степа, недоумевая, к чему такой вопрос.

— А сколько сел?

— Одиннадцать.

— Тогда вот что, Грачев! Поручаю тебе организовать ячейки в каждом селе. Свяжись с волкомом и действуйте вместе.

— А как же фронт?

— На фронт добровольцы уехали, а ты возвращайся в свою ячейку и работай.

— Как же так... — Степа безвольно опустился на стул. — Другие воюют...

— В комсомоле дисциплина. Когда понадобится — отправим и тебя на фронт. Сейчас и здесь фронт. Слушал Ильича? Вон сколько работы!

Поняв, что спорить бесполезно, Степа молчал, а затем неожиданно для Казановского попросил дать шумиловской ячейке граммофон, который приметил в кладовой губкома, когда получал шинель.

— Какой граммофон? — с удивлением спросил Казановский.

— Который у вас на складе, с трубой...

Секретарь губкома даже привстал, и Степа подумал, что откажет.

— Понимаете, товарищ Казановский, в нашей деревне такой музыки не слыхивали. Привезу граммофон, тогда все ребята и девчата потянутся к нам, а там и в ячейку пойдут. Сами увидите.

Глядя в горящие глаза парня, секретарь губкома готов был поверить, что граммофон действительно будет притягивать молодежь, и, вызвав управделами, спросил:

— Разве на складе у нас есть граммофон?

— Есть, — ответил тот, не понимая, в чем дело.

— Выпиши его шумиловской ячейке. — А Степе Казановский сказал: — Вези как подарок губкома. Так и ребятам скажи: губком, мол, прислал. Да и предупреди: будете плохо работать — отберем и другой ячейке передадим.

— Постараемся не отдать! — обрадовался Степа и, забыв распрощаться, выбежал из кабинета вслед за управделами.

— Ну и попрошайка же ты, Грачев! — бросил тот недовольно.

Степа промолчал. Вместе с граммофоном он получил и пластинки. Их было штук двадцать; перебирая их, досадливо поморщился: ни одной революционной. Управляющий делами посоветовал сходить в губполитпросвет и попросить новых.

— А там попрошайкой не назовут? — улыбнулся Степа.

— Для первого раза не должны.

Вернувшись в Шумиловку, Степа твердо решил открыть комсомольский клуб и до того, как клуб будет оборудован, никому о граммофоне не говорить. Он спрятал его в шкафу сельревкома.

На другой день побежал к Прибыткову и едва ли не с порога потребовал:

— Отдайте нам под клуб бывший крутелевский дом.

— Ты бы поначалу рассказал о съездах, о Москве.

— Все расскажу. Главное сейчас — клуб.

— А куда мы денем правление сельпо?

— Как куда? В дом, где жила купчиха. Верх-то дома кто занимает?

— Я вижу ты все обдумал!

— А как же, дядя Ваня! Вон какие клубы у ребят в городе.

— То в городе.

— И в селах есть молодежные клубы, я от многих делегатов слыхал.

— Ладно, посоветуемся с Суминым, — согласился Прибытков.

Решив, что с вопроом о клубе покончено, Степа начал увлеченно рассказывать о Москве, о съезде, о Ленине. Прибытков слушал, расспрашивал, удивлялся и, когда Грачев ответил на все его вопросы, сказал:

— Да, повезло тебе!

Через несколько дней девушки мыли и скребли полы и лавки в крутелевском доме. Степа, Горка и Тишка развешивали привезенные из города плакаты и портреты. Маркс, Энгельс, Ленин, Роза Люксембург, Карл Либкнехт, казалось, участливо смотрели со стен на взволнованных ребят и девушек.

К вечеру, выдворив из клуба всех и закрыв его на замок, Степа, захватив с собой Горку, отправился за граммофоном. Музыкальное чудо было доставлено в клуб.

На другой день у клуба начала собираться молодежь. Когда пришла в клуб Шура, Степа был уже там. Он показал ей привезенные книжки, а потом повел в соседнюю комнату, осторожно предупредив:

— Т-с-с! — и снял скатерть с граммофона.

Шура ахнула:

— Ты привез?

— Губком подарил.

Открыв ящик стола, Степа вынул пластинки. Перебирая их, Шура читала:

— «Цыганский романс», «Гай-да тройка», «Вот вспыхнуло утро», «Вдоль по Питерской», «Полька-бабочка»... А там, в другом пакете, что? «Мы кузнецы...» — лицо Шуры сразу посветлело, — «Варшавянка», «Замучен тяжелой неволей...», «Смело, товарищи, в ногу...», «Вы жертвою пали в борьбе роковой»...

— Вот эту посмотри.

Шура бережно вынула пластинку из пакета, прочла:

— Неужели Ленин?!

— Конечно, — ответил сияющий Степа.

— Давай заведем граммофон, — попросила Шура.

— Нет, нельзя. О граммофоне никто не знает, мы его заведем после доклада.

Степа положил на диск пластинку с речью Ленина, завел до отказа пружину, проверил, крепко ли держит зажим.

Между тем шум на улице и стук в дверь усиливались.

Степа запер комнату с граммофоном и отдал ключ Дудину, а Сумина послал открыть дверь клуба. Зажгли керосиновые лампы, и в помещение повалила молодежь. Пришли и взрослые. Прибытков по-хозяйски оглядел увешанные плакатами и портретами стены и похвалил ребят.

Когда в клубе уже негде было повернуться, пришлось закрыть дверь, и те, кто не попал в помещение, примостились на завалинках, заглядывая в окна. Шура как секретарь комсомольской ячейки объявила собравшимся, что сейчас будет доклад товарища Грачева о Третьем Всероссийском съезде Коммунистического Союза Молодежи.

Степа старался не волноваться и, опираясь правой рукой на стол, начал было заглядывать в приготовленный блокнот со своими записями, но, увлекшись, забыл о нем.

Рассказав обо всем, что запомнил и что было записано в блокноте, Степа дал рукой условный знак Дудину и Сумину, и те быстро внесли стол, на котором, сверкая металлической трубой, стоял граммофон.

Зал ожил, все поднялись с мест, каждый по-своему выражал удивление и восхищение, но Степа быстро установил тишину.

— Товарищи! Сидите спокойно. Сейчас вы услышите речь Владимира Ильича Ленина «Что такое Советская власть?»

Не успели присутствующие опомниться, как в зале раздался живой голос Ленина.

Кто-то громко крикнул:

— Неужели Ленин?

— Не мешай! — одернули его.

Напряжение в зале росло, а Ленин говорил и говорил.

Граммофон замолк. Все бросились к столу, всем хотелось еще раз послушать Ленина.

— Чудо! Чудо! — Граммофон трогали руками, заглядывали в трубу...

Степа торжествовал. Когда волнение улеглось, пластинку попросили повторить, а потом послышались вопросы: «Сколько Ленину лет? Где он живет? Такой ли Ленин, как его рисуют на портретах? Как Ленин одет?»

Степа говорил, что знал, а после остановился на минуту, посмотрел на всех, вытер рукавом вспотевший лоб и тряхнул головой.

— Слушал я Ленина и стыдился за свою ячейку. Что мы сделали?

— Правду говоришь, Грачев, — отозвался Прибытков.

— Теперь у нас свой клуб, и граммофон нам губком подарил. Мы должны работать по-новому, — сказал Степа, повышая голос. — Будем чаще устраивать субботники, больше помогать сельревкому и сами будем учиться.

Затем стали проигрывать пластинки. Когда граммофон заиграл, оставшиеся на улице, за стенами клуба, стали бить ногами в дверь. Пришлось одних выпроводить из клуба, а другим дать возможность послушать диковинный ящик с трубой.

Особенно радовался дед Егор, которого Степа пригласил на открытие клуба. Он дважды подходил к граммофону и, обращаясь к молодежи, говорил:

— Думал ли я, ребятки, что доведется услышать самого Ленина? В жись не думал! А он, будто туто-ка, рядом с нами, каково, а? Нет, другая теперь пойдет у вас жись, другая, свободная, вот что! — смахнув слезу, дед погладил рукой трубу и добавил:

— За такой ящик лошадь отдать не жаль...

XIV

После возвращения из Москвы Степа, помня наказ Казановского, побывал в волкоме РКСМ. Там ему поручили съездить в соседнее село Мохово и организовать ячейку. Не откладывая, Степа выехал. В сельревкоме он застал мальчишку лет четырнадцати.

— А где председатель? Почему нет дежурных? — с напускной важностью спросил Степа.

— Я дежурный, — сказал не без гордости мальчуган и поправил на голове шапку с длинными ушами.

— Ты?

— Ну да! Тятька за кормом уехал, а я за него дежурю.

— Ты бы хоть пол подмел, смотри, сколько мусора тут. — На полу валялись окурки, шелуха от семечек, щепки.

— А ты чей будешь? — спросил мальчуган.

— Инструктор.

— Инструктор?! Ну и врешь!

В глазах мальчугана искрился смех, и по их выражению было видно, что он не верит Степе.

— Сходи за председателем.

— За председателем? Зачем он тебе?

— Дело есть.

— Председателя дома нет.

— Где же он?

— Почем я знаю? Может, в гости уехал, может, куда еще...

Степа решил переменить тактику. Он сел на лавку и повел такой разговор:

— У вас в деревне есть бойкие ребята? Постарше тебя?

— Полно! Позавчера у тетки Акулины окно снегом вышибли. И все это курносый Васька. От него проходу нет, того и гляди пырнет ножиком в бок.

— Поди-ка сюда, что я тебе покажу.

Мальчуган подошел.

— Садись рядом, — предложил Степа и, развязав папку, показал несколько брошюр, которые он прихватил с собой.

Мальчишка сел и, покачав головой, с сожалением сказал:

— Не умею читать. Кабы с картинками...

— Почему же в школу не ходишь?

— Тятька не велит. Говорит, делов по хозяйству много.

— А кто твой тятька?

— Известно, мужик.

— Какая же у тебя фамилия?

— Коноплев.

— А зовут как?

— Антипом.

— Моя фамилия Грачев. Я из города. Молодежь собирать будем.

Любопытство мальчика росло, он придвинулся ближе к Степе и спросил:

— Ребят переписывать будешь?

— Зачем мне их переписывать? Союз молодежи организуем. Понятно?

— Гы... Какой союз? Отродясь не слыхал.

— Вот из таких ребят, как ты, и постарше. — Сказав это, Степа хлопнул Коноплева по шапке. Тот заулыбался.

— Кто из ребят в вашей деревне самый бедный?

— Да их полдеревни. Вон Скурихины, так те в землянке живут, Ванька и Петька.

— Понимаешь ты, — начал растолковывать Степа, — вот из таких-то ребят и создадим ячейку. Запишем в Союз молодежи, учить станем.

— И меня запишешь?

— Тебе сколько лет?

— Пятнадцать скоро.

— Можно.

Коноплев осмелел и притронулся к Степиному локтю.

— А ты не обманываешь?

— Зачем же я буду тебя обманывать? Ты вот лучше скажи, кто бойчей — Ванька или Петька?

— Знамо, Петька. Он такой...

— Тогда вот что, Коноплев, сходи, позови сюда Петьку и Ваньку. Спросят, зачем, скажи: инструктор приехал, ребят собирает. Понял?

Сорвавшись с лавки, Антип убежал. Степа поднялся и прошелся несколько раз от стола к двери. На улице быстро темнело. Ждать долго не пришлось. Вскоре он услышал топот на крыльце, и в распахнувшейся двери показалось несколько ребячьих голов. Гуртом ввалившись в сельревком, они окружили Степу.

— Зажигай лампу! — крикнул один из них.

Разглядывая незнакомых ребят, Степа не торопился удовлетворить их любопытство, а только задал вопрос:

— Который из вас Петька?

— Я!

Перед Степой стоял широкоротый, смуглый парнишка в рваной шапке. Его живые черные глаза весело искрились, и Степа теперь готов был поверить словам Коноплева о том, что Петька парень бойкий и драчун.

— Есть ли среди вас старше семнадцати лет?

— Я, — ответил один, и Степа догадался, глядя на Петьку Скурихина, что это его брат.

— А мне пятнадцать.

— А мне только тринадцать, — пропищал кто-то.

— Я здесь всех старше, — нарочно громко сказал плотный белобрысый парень. Он хотел уже выйти вперед, но Петька осадил его.

— Я к вам приехал по делу, — сказал Грачев. — Во многих селах созданы ячейки Союза молодежи. А вы? Что, разве ваше село хуже других?! Или у вас ребята и девчата другие? Учиться, помогать новой власти не хотят? Сможете ли вы сейчас собрать побольше молодежи?

— Это мы враз! — заверил Петька и начал называть фамилии тех, кто, по его мнению, обязательно придет. Окружавшие его подростки с готовностью подсказывали, на кого еще можно надеяться.

— Ну, а девушек-то совсем забыли! — напомнил Степа.

И по тому, с какой горячностью обсуждалось, кого надо пригласить на собрание, с какой готовностью называли девушек по имени или по фамилии, Степа понял: ячейка в Мохово будет.

Петька распределил ребят, кто за кем пойдет, и, выпроводив их из сельревкома, вернулся к Степе. Они разговорились. Грачев интересовался настроением молодежи, показал взятые с собой брошюры. Пока они беседовали, подошел и председатель ревкома.

Степа предъявил ему свой мандат и сообщил о цели приезда. К делу Грачева председатель ревкома отнесся очень серьезно и сочувственно. Пока разговаривали, начали собираться ребята. Пришло более двадцати. Степа горячо агитировал за союз и, кажется, все рассказал о его целях и задачах. Тем не менее ему начали задавать вопросы: «Кого будут записывать в ячейку, всех или только желающих?» «Запретят ли вечеринки?» «Будут ли заставлять членов союза вступать в коммуну?»

Чувствуя недоверие к союзу, Степа рассказал о работе ячеек в других селах и намекнул об отсталости молодежи в Мохово. А потом, когда он спросил, есть ли желающие записаться в ячейку, несколько человек тут же ушли.

— Ячейку организуем! — громко сказал Петька. — Во всех селах давно ячейки созданы, только в нашем нет. Бояться нечего. Ячейка грамоте научит. Я и мой брат записываемся первыми.

Петьку горячо поддержал председатель сельревкома, и в ячейку записались тринадцать человек. Секретарем ячейки ребята выбрали Петьку Скурихина.

Петька и Ванька забрали Степу ночевать к себе.

Их провожали гурьбой. Ребята не хотели расставаться с Грачевым. По дороге Степа узнал, что отец у Скурихиных погиб в мировую войну, что у них сгорела избенка, жили по людям, пока не подросли ребята и не соорудили себе землянку.

Мать Скурихиных гостя встретила приветливо. На ужин она подала большую деревянную миску с картош-

кой в мундире и дала по маленькому кусочку хлеба с примесью просяной муки. Спали на нарах, укрывшись толстой дерюгой.

XV

Пока Степа был в Мохово, кто-то разбил камнем окно в молодежном клубе, Степа решил, что оставлять такой случай без последствий нельзя. Он считал, что случай с окном — это не просто хулиганский поступок, а что-то и другое.

Шура жаловалась на то, что посещаемость в ликбезе заметно упала. У молодежи ослаб интерес и к работе комсомольского клуба. Во всем этом Степа винил деревенские вечеринки. Там целовались, шалили, горланили песни. Парни часто приходили на них подвыпившими, и нередко случались драки.

Грачев сразу же собрал ячейку. На собрании постановили: членам ячейки вечерки не посещать. Но в клубе люднее не стало. Что делать? На этот вопрос в волкоме Степа не получил ответа: волком и сам не знал, как быть. «Запретить вечерки постановлением сельревкома, а кто не подчинится — дать принудиловку», — решил Степа.

Председатель сельревкома Сумин пытался доказать ему, что запретить молодежи собираться было бы равносильно нарушению революционной законности.

Увидев, что Грачева переубедить трудно, Сумин посоветовал ему запросить мнение укома, но Степа согласился только для вида. Он решил вечерки разгонять. И в первое же воскресенье после разговора с Суминым Грачев послал комсомольцев разгонять вечерки в один конец села, а сам с Тишкой Дудиным и другими комсомольцами отправился в кержацкий конец. Когда ребята подошли к дому, где собралась молодежь, в окнах было темно. «Наверное, в поцелуи играют, мы их сейчас накроем», — со злорадством подумал Степа и, обращаясь к ребятам, сказал:

— Я постучусь, и, как откроют, вы сразу — в дверь.

На всякий случай он взял с собой наган и теперь для храбрости показывал его ребятам.

На стук отозвались быстро. Девичий голос в сенях спросил:

— Кто такие?

— Свои. Не узнаешь разве?

— Что нужно? — это уже спросил мужской голос.

Ребята узнали Микитку Федулова.

— Это я, Микитка, Грачев.

— А, Грачев, давай входи!

Заскрипел засов, дверь открылась. Ребята спокойно прошли в переднюю.

— Почему темно? — нарочито удивленным голосом спросил Степа.

— Будет сейчас и свет... Зажгите! — крикнул в темноту Микитка.

Лампа осветила просторную горницу. Девушки, сидевшие парами с ребятами, щуря глаза, захихикали. Степа, пропустив Микитку вперед и став на пороге горницы, громко сказал:

— Предлагаю всем разойтись!

— Почему? Зачем? — послышались недоуменные голоса.

— Вечерки запрещены, — важно сказал Дудин.

— Теперь свобода, и никто не запретит нам веселиться, — возразил один из парней.

— Для этого клуб есть.

— Валитесь вы со своим клубом к... Кому где нравится.

Стёпа приметил, кто выругался, и, повысив голос, добавил: — Добром не уйдете, составлю акт, и сельревком даст принудиловку.

В спор вступили девушки. Они окружили Степу, продолжавшего стоять у порога.

— Оставайтесь с нами, поиграем!

У девушек был такой просящий вид, что Степа заколебался, а когда взглянул на своих комсомольцев, то понял, что и они не прочь остаться.

Хозяйская дочка уже взяла Степу за руку и хотела провести в передний угол. Момент был критический, но Степа твердо решил настоять на своем. Не ради своих удовольствий он хочет покончить с вечерками.

Девушки поглядывали друг на друга, неожиданно начали собираться и одна за другой уходить. За ними потянулись и ребята. Степа задержался до тех пор, пока не ушли все. Уж очень легко удалось ему закрыть вечеринку. Только не вернутся ли они обратно? Но никто не возвращался, и ребята направились в клуб.

Горке со своей группой тоже удалось мирным путем разогнать вечерки на Подгорной улице, и он весело рассказал Степе, как было дело.

Теперь ждали вестей от Дронова, который со своей группой был направлен в Овражий переулок.

Явились ребята скоро, но вид у всех был совсем не воинственный. У Дронова под глазом красовался большой синяк.

Первой бросилась к нему Груня Занадворова.

— Тимка, кто тебя так разделал?

От боли и сочувствия комсомольцев у Дронова задрожали губы, и он жалобно ответил:

— Кто, кто?! Говорил же — ничего не выйдет, а вы...

— Кто тебя ударил? — выступил вперед Степа.

— Почем я знаю! Разберись там в темноте. А заехали так, будто перед глазами молния сверкнула, — жаловался Дронов.

Груня предложила потереть синяк медным пятачком. А Степа вновь спросил:

— Ушли с вечерок или нет?

— Как раз, ушли! Больно испугались, — ответил за Дронова кто-то из ребят.

— Эх вы, слюнтяи! — презрительно бросил Степа и выбежал на улицу. За ним двинулись Горка и Тишка.

От досады на неудачу в Овражьем переулке Степа готов был с кем угодно подраться, лишь бы не уронить престиж ячейки. Думал с ходу ворваться в избу и от имени ячейки предложить всем немедленно разойтись. Но ведь его теперь после Дронова могут и не впустить. Поразмыслив, Степа решил переменить тактику и, остановившись, сказал ребятам:

— Постучим. Если спросят кто, скажем: сельисполнители.

— Зачем же обманывать? — усомнился Горка.

— Ударили Дронова? Ударили! Вот и подумают, что за хулиганами пришли.

— Понял, — согласился Горка.

В избе, где была вечерка, окна светились. Подкравшись к окну, ребята разглядели несколько девушек.

— Ага, испугались! — шепнул Горка Степе и добавил: — Наша возьмет!

Шура не уходила из клуба, пока не вернулся Степа: боялась, как бы его не побили. А когда он пришел, пригласила:

— Пойдем к нам чай пить.

Обрадованный Степа, идя с ней по заснеженной улице, бойко рассказывал о своей поездке в Мохово.

В комнате Шуры было тепло, уютно. Она попросила у хозяйки чаю и, сев напротив, неожиданно спросила:

— Правильно ли мы поступаем, разгоняя вечерки?

— По-революционному поступаем, — сухо ответил Степа. — Если на вечерках дерутся, хулиганят, разве это хорошо?

— Я не за вечерки. Только боюсь, что мы рассоримся с молодежью. Наша ячейка может потерять авторитет.

— Не потеряет!

— Тебя, я вижу, не переспоришь, и я бы не стала тебя переубеждать... — Шура замкнулась, и в глазах ее Степа увидел укор. Ему было стыдно. Сдерживая себя, Шура продолжала:

— Ведь на вечерки собираются не только в нашей деревне. Надо уком запросить.

— Ладно, запрошу, — согласился наконец Степа.

XVI

Неожиданно Грачев получил распоряжение срочно выехать в уком. Только успел после съезда взяться за дела ячейки, а тут на тебе, опять в город. «Не поеду! — сгоряча решил Степа. — А может, какое совещание в укоме?» За советом побежал к Прибыткову. Тот не меньше Степы был озадачен распоряжением укома. Но посоветовал ехать.

Быстро собравшись, Грачев выехал. С каким-то нехорошим предчувствием поднимался он по лестнице бывшей гостиницы, где находилось укомовское общежитие.

На стук никто не отозвался. Степа открыл дверь и увидел на одной из трех коек спящего парня. В комнате был беспорядок. На столе и на полу клочья серой бумаги, койки не заправлены, на стенах обрывки плакатов и лозунгов. Спящий задвигал ногами, обутыми в рыжие валенки, и, протирая глаза, зевнул.

— Постой, постой! — заговорил он, приглаживая взъерошенные волосы. — Я где-то видел тебя.

— И я тоже.

— Да мы на уездном съезде встречались! — уверенно сказал укомовский жилец. — Ну, здравствуй! Ашрапов.

— Здорово. Грачев.

— Ты что, по делу или так? — спросил Ашрапов.

— В уком вызвали.

— Ах, да! Я и забыл. Тебя хотят на укомовскую работу выдвинуть.

— Меня?! — удивился Степа.

— Садись, поговорим. — Ашрапов подвинул Степе стул с поломанной спинкой.

— Начинают орабочивать аппарат, — пояснил Ашрапов. — И ты первый кандидат. Не вздумай отказываться.

Для Степы услышанное явилось большой неожиданностью. Он не успел уяснить новости, но Ашрапов продолжал:

— Я организационно-инструкторскими делами ворочаю, а помощи никакой! Шамать хочешь? — спросил Степу и, не дождавшись ответа, вышел. Вернулся с чайником. Достал из тумбочки жестяные кружки, зачерствелый кусок ржаного хлеба и несколько ломтиков сухого сыра.

— Мы тут коммуной живем. От пайка не разжиреешь. Выкладывай, что у тебя в котомке! — бесцеремонно предложил он, наливая в кружки кипяток.

Степа достал сухари и кусок вареной печенки.

— Им что, Деев и Бабкин литерный паек получают, а наш брат как хочешь! Хоть зубы на полку...

— Неужели паек плохой? — переспросил Степа.

— Плохой! Брошу все к черту и — в деревню. То ли дело блины с маслом или сметаной! — Лицо Ашрапова расплылось в блаженной улыбке.

Грачев решил сходить в уком. Ашрапов предупредил:

— О чем говорили — молчок. Сам увидишь. А ночевать приходи сюда. Вон в углу свободная койка.

Секретарь укома Деев встретил Степу приветливо.

— А мы хотели вторично писать тебе, — начал он весело, усаживая гостя на диван. — Думаем назначить тебя заведующим экономическо-правовым отделом.

«Должность-то какая! — поежился Степа и покраснел. — Откажусь!» Он даже не представлял, что ему придется делать.

— Ну, какой же из меня заведующий, товарищ Деев! У меня образования нет.

— Знаем. Не в этом дело. Ты слышал, как нас ру-

гали на съезде за плохую защиту прав рабочей молодежи? Вот и берись за этот участок работы.

— Рабочей?.. Я же отродясь на фабрике не был.

Зазвонил телефон, и Деев снял трубку.

— Приехал. У меня. Хорошо, — положив трубку, сказал: — Ожиганов просит тебя сейчас же зайти к нему. После зайди ко мне.

Грачев шел в уком партии взволнованным. Когда он появился в кабинете секретаря укома партии, Ожиганов обнял Степу как старого знакомого. Расспросив о шумиловских делах, сказал:

— Мы решили выдвинуть тебя на ответственную работу в аппарат укома комсомола.

— А нельзя ли кого-нибудь другого?

— Странно. Тебе оказывают доверие, а ты не ценишь.

— Не подходящий я для работы в городе.

— Боишься не справиться?

— И не справлюсь, и... охоты нет уезжать из Шумиловки.

— Смотри, как он прилип к Шумиловке, словно муха к меду, — пошутил Ожиганов. — А у нас другое мнение, и я не вижу основания его менять. Таких, как ты, надо выдвигать и учить на работе. Поэтому и советую тебе не отказываться.

Степа слишком уважал Ожиганова, чтобы упорствовать, да и веских оснований для отказа у него не было. «Но если я сейчас дам согласие, то — прощай, Шумиловка».

Видя смущение Степы, Ожиганов сказал:

— Вот так, Грачев! Будем считать вопрос решенным!

И не дав опомниться, заговорил о том, что надо делать в укоме.

Уже к концу дня после второго разговора с Деевым Степа заглянул в отдел, куда его назначили заведующим. В небольшой, почти квадратной комнате никого не было. На зеленом письменном столе красовались большие чернильные пятна. В нескольких местах сукно было совсем протерто. Около стола — два старых стула. Степа тоскливо оглядел неуютную обстановку. «Ну зачем я согласился?» — ругал он себя. Его мрачные мысли прервал появившийся в дверях шустрый паренек в военной шинели до пят.

— А, Грачев, кажется, — почти крикнул паренек. — Я заждался тебя. Мне уезжать, а тебя нет и нет.

Степа догадался, что перед ним Клявин, которого уком посылает на коммунистические курсы в Москву.

— Давай, браток, принимай дела. У меня тут в отделе все в порядке.

Он подошел к столу, дернул средний ящик, порылся в нем и опять закрыл. Выдвинув другой, начал вытаскивать бумаги. С листов сыпалась мелкая труха. Клявин, видимо, и сам был удивлен таким состоянием своей канцелярии. Порывшись в ворохе неподшитых бумаг, нашел зеленую папку с обглоданными углами.

— Тут все: входящее и исходящее. Делопроизводителя в отделе нет, приходилось самому...

Степа взял папку и, рассматривая ее, спросил:

— Кто же ее обглодал?

Клявин ответил не сразу. Засунув руку в ящик стола, он вытащил оттуда кусок засохшего хлеба.

— Мыши! Ах, они окаянные! — возмутился он, вертя в руке объеденный кусок хлеба. Сунув его в карман шинели, начал складывать бумаги обратно.

— Я, брат, бюрократизм не разводил и тебе не советую.

Грачева возмутила безответственность, с какой Клявин относился к бумагам. Он решил пожаловаться Дееву, но тот уже ушел, и Степа поплелся в общежитие.

На другой день он явился в уком рано утром, думая, что застанет Клявина в отделе. Но того не было. Захватив с собой обглоданную папку, Грачев направился к Дееву. Тот встретил его весело.

— Ну вот и хорошо, что приступаешь к работе. Дела принял?

— Принял, — иронически протянул Степа и обо всем рассказал Дееву.

Секретарь укома, казалось, возмутился, но тут же махнул рукой:

— Наплевать, Грачев! Не придавай этому значения и берись за работу. Главное — дела, а не бумаги. Сходи в уездное профбюро, познакомься с работниками, почитай указания губкома по твоим новым обязанностям и действуй.

«Хорошо сказать — действуй! А как?» — размышлял Степа и принялся читать и перечитывать циркуляры и письма губкома.

Прошло два дня, а Степу еще никто ни о чем не спрашивал. «Вот работай тут, учись. Посижу с недельку, а потом попрошусь обратно в Шумиловку вроде как за вещами, за продуктами и обратно не вернусь».

На третий день к Степе в отдел зашел Деев.

— Есть сведения, что в некоторых селах наши ячейки разгоняют молодежные вечерки.

Степа встревожился.

— Такой подход к отдыху молодежи может оторвать ее от союза. Как по-твоему, Грачев?

— Не знаю.

— Как так — не знаю? Ты только из деревни. Разве в Шумиловке молодежь не ходит на вечерки?

— Предложили ребятам и девчатам на вечерки не собираться.

— И вас послушались?

— Не совсем... — сознался Степа.

— Тогда вот что, Грачев! Садись и от имени укома напиши письма всем ячейкам РКСМ. В письме укажешь: вечерки разгонять нельзя.

Деев вышел, Степа положил перед собой лист бумаги, написал на нем сверху: «Циркулярно всем ячейкам РКСМ» и посередине слова: «Дорогие товарищи!» А дальше что? Он вспомнил Шуру и тот неприятный разговор между ними в последний вечер. Ему стало стыдно за свое упрямство. «Но ведь Шура тоже не сказала, как быть с вечерками», — пытался найти оправдание Степа. Отогнав сбивчивые мысли, он начал писать:

«По имеющимся в укоме данным, многие сельские ячейки разгоняют вечерки. Например, в Шумиловке...» Степа остановился: он вообразил, как вытянутся лица у Тишки и Горки, у всех комсомольцев, когда они будут читать это письмо. Ему представилось, что подумают они о нем, и он решил Шумиловку в письме не упоминать. «Это, выходит, самого себя отшлепать». Шумиловка была вычеркнута. Других примеров под рукой не оказалось. Не писать же о Шумиловке — самого себя громить. Степа пошел к Дееву.

— Примеры мне нужны для письма.

Деев порылся в столе и достал серую папку.

— Обязательно приведи. И наиболее яркие. — Подавая папку с бумагами, Деев добавил: — Факты возьмешь из отчетов ячеек, и как быть с вечерками — почитай передовую статью в газете «Путь молодежи».

Вернувшись, Степа стал перелистывать папку. Некоторые ячейки ставили себе в заслугу разгон вечерок. «Как похоже на нас, шумиловцев!» Принялся за передовую. В статье было сказано, что думать, будто разгоном вечерок можно завоевать авторитет у молодежи, — ошибка. «Вечерки надо не разгонять, а использовать для разъяснения целей и задач Союза молодежи».

«Будут там слушать о целях и задачах Союза, — усомнился Степа. — Целоваться куда интереснее! Тот, кто писал статью, наверное, не знает деревенской жизни».

Далее в статье говорилось, что вечеркам нужно противопоставить содержательную работу клубов, что комсомольские активисты должны посещать вечерки и стараться завоевать их изнутри.

С первой частью мысли Степа согласился, а в то, что можно «завоевать вечерки изнутри», он не верил. «Такого завоевателя или выгонят, или просто просмеют», — подумал он.

Письмо не получалось. Степа грыз конец ручки, зачеркивал написанное, начинал снова, хотел уже пойти к Дееву за помощью, но самолюбие не позволило. Письмо было готово только к вечеру. Читая его, Деев то покачивал головой, соглашаясь со Степой, то вычеркивал целые строчки и вписывал свои. Секретарь, закончив правку, вскинул на Степу синие глаза в припухших веках и весело сказал:

— Ничего, научишься писанине. Отдай делопроизводителю — пусть размножит на стеклографе и разошлет всем ячейкам.

XVII

Степа старался побыстрее вникнуть в дела укома, узнать людей. Деев работал рывками, по настроению. Были дни, когда он в укоме даже не появлялся. В таких случаях говорили, что он что-то пишет дома, а что именно — никто не знал. Вторым лицом в укоме был Бабкин. Он замещал секретаря укома и фактически редактировал комсомольскую газету, которая выходила раз в неделю. В газете часто появлялись стихи и фельетоны за его подписью.

Бабкин Степе не нравился. Держался он высокомерно, в его манере разговаривать было что-то фальшивое.

Желтые маленькие глаза, казалось, только и искали кого уколоть, а на тонких, резко очерченных губах постоянно держалась ехидная улыбка. Говорил Бабкин крикливо, и, слушая его, Степа замечал, как тщательно он подбирает слова, стараясь щегольнуть замысловатой фразой. На заседаниях бюро Бабкин почти каждый раз выступал со своим особым мнением, но при голосовании часто оставался в единственном числе.

На одном из заседаний между членами бюро Ольгой Ивиной, возглавляющей политпросветотдел, и Бабкиным возникла перепалка. Ивина предложила обсудить фельетон в стихах, опубликованный в молодежной газете. Она назвала стихи футуристическими.

О футуризме Степа не имел понятия, и ему было трудно разобраться в существе возникшего спора. Деев пытался примирить Бабкина с Ивиной, но это ему не удалось, и он, не спросив мнения других членов бюро, поспешно закрыл заседание.

Выходя из кабинета секретаря, Ашрапов тихонько сказал Степе:

— Буза будет, вот увидишь!

А когда они зашли в отдел, Ашрапов продолжил начатый разговор:

— Деев и сам пишет стихи, поэтому он ни туда ни сюда.

— А Ивина не пишет?

Ашрапов невольно рассмеялся.

— Да что ты! Разве такая умная девушка будет писать стихи?

В это время, как нарочно, в дверь заглянула Ивина. Степа стушевался: вдруг она слышала их разговор. Ему не хотелось, чтобы о нем Ивина могла подумать плохо. А она быстро вошла в комнату и шутливо заметила:

— Уж не особую ли батрацкую фракцию вы организовали? — Села напротив Степы, деловым тоном спросила: — Как вы оцениваете фельетон Бабкина?

Еще на заседании бюро укома Степа опасался, как бы она не спросила его мнения. Сейчас он заметил, что Ашрапов неспроста отвернулся к окну: тоже боится этого разговора.

— В фатуризме я ничего не понимаю, — чистосердечно признался Степа.

— Не в фатуризме, а футуризме, — поправила Ивина и без запиночки, словно заранее выучила наизусть,

рассказала ребятам, что такое футуризм, где и когда он возник.

Каждый раз, когда Степа слышал что-нибудь новое, ему становилось неловко за свою малограмотность. Так было и сейчас. «Возьмусь за книжки и буду заниматься самообразованием», — решил он и поругал себя за то, что несколько раз собирался зайти в библиотеку и все откладывал.

Когда Ивина вышла из комнаты, Ашрапов воскликнул:

— Вот какая! Всегда хочет, чтобы ее обязательно все слушали, все ей подчинялись. За это не люблю ее, хотя она и умная.

— А где Ивина училась? — спросил Степа.

— В университете. Говорят, два курса окончила. Мать у нее старая коммунистка, заведует женотделом в укоме партии... — помолчав, Ашрапов предложил: — Пойдем в клуб.

В укоме часто говорили о непорядках в центральном городском клубе. Стéпа начал туда заглядывать. Клуб был маленький и почти пустовал. Рабочая молодежь бывала там редко. Завсегдатаями клуба были члены центральной ячейки и их знакомые из среды мещанской молодежи. Степе довелось увидеть и томных барышень, и бледнолицых парней, нигде не работающих. По вечерам в клубе занимались два-три кружка, а чаще всего устраивались закрытые танцы для избранных.

Центром клуба была молодежная драматическая труппа, выросшая из драмкружка. Она с успехом ставила спектакли не только в центральном, но и в других клубах. Постановки этой труппы в отчетах укома неизменно расхваливались.

Несколько раз Степа заставал в клубе Деева, и каждый раз тот неотлучно находился около стройной девушки с пышной прической.

В один из вечеров к Степе подсела полненькая брюнетка и, назвавшись Полей, начала расспрашивать, нравятся ли ему городские девушки, чем он занимается по вечерам.

— Мне нравятся русские песни и частушки. Вы недавно из деревни и должны знать свежие частушки.

Степа пожал плечами:

— Частушек я не собирал.

Девушка надула губки.

Постепенно втягиваясь в работу укома, Степа все больше и больше убеждался, насколько был прав Ашрапов, предупреждая его, что рассчитывать на помощь таких работников, как Бабкин, не приходится. Больше других Грачеву помогал инспектор охраны труда. Знакомство Степы с производством началось под его руководством.

Уездным инспектором охраны труда был старый большевик Яшин, высокий грузный человек с добрыми ясными глазами.

Первый их выезд был на ткацкую фабрику. В котельной инспектор проверял исправность предохранительных клапанов, а в машинном отделении и в цехах — заградительные решетки, вентиляцию и другие приспособления, устраиваемые в соответствии с правилами техники безопасности.

Фабрика поразила Степу шумом. Ходил он за инспектором с опаской. Ему все казалось, что вот-вот сорвется какое-нибудь колесо или лопнет ремень. Особенно поразила его котельная, где натужисто шипел и свистел пар в котлах, гудели топки, а когда инспектор приказал кочегарам поднять в котлах давление пара до контрольной отметки, чтобы проверить исправность контрольных клапанов, Степа даже оробел.

Осмотр фабрики занял почти весь день.

Вечером он присутствовал на комсомольском собрании фабрики и слушал, с какой заинтересованностью комсомольцы обсуждали вопрос об улучшении работы фабричного клуба. Секретарь ячейки Кремнев, с которым Степа уже был знаком по уездному съезду, резко критиковал бюро укома за плохое руководство работой центрального городского клуба, назвав его «мещанским болотом». Он предложил Грачеву поговорить об этом на бюро укома.

После посещения фабрики Степа решил ближе познакомиться с работой центральной городской ячейки.

Утром он застал у двери своего отдела коренастого парнишку в выцветшей гимназической шинели. Взглянув на него, поморщился: гимназист — значит, из богатой семьи, буржуй.

Не успел Грачев открыть дверь, как посетитель шмыгнул за ним и отрекомендовался:

— Чихняев! Слыхал?

Степа повернулся к нему. Его внимание привлекла

необыкновенная физиономия стоящего перед ним парня. Лицо, широкое у подбородка, суживалось к вискам, напоминая перевернутую брюкву. Посетитель неожиданно хихикнул и сказал:

— Кухаркин сын! — При этом непомерно широкий рот его растянулся, обнажив крепкие неровные зубы.

Степа молча сел за стол, а посетитель, наигранно улыбаясь, заявил:

— Я из центральной ячейки, зашел спросить, когда станете к нам на учет?

— А ты что, секретарь ячейки?

— Нет, только учетчик.

Разговор прервала вошедшая в отдел Ивина. Увидев ее, Чихняев съежился и юркнул за дверь. Ивина рассмеялась, а потом уже сердито сказала:

— Бездельник!

Она стала расспрашивать о молодежи на фабрике. Степа рассказал все, что знал, и спросил в свою очередь:

— Почему много в Союзе городских мещан?

— А разве в деревне без них обошлось? — в упор спросила Ивина.

Вспомнился уездный съезд РКСМ. Степе еще тогда показалось странным, почему в числе делегатов оказался сын лавочника из соседнего села и еще двое из зажиточных семей. Не дождавшись Степиного ответа, Ивина возбужденно заговорила:

— Наверное, ты заметил, сколько в нашем центральном клубе околачивается таких бездельников, как Чихняев. Они теперь выдают себя за кухаркиных детей. Быть может, их мамаши и были когда-нибудь кухарками, дело не в этом. Ты спрашиваешь, зачем принимали таких в Союз? К сожалению, в первое время после изгнания Колчака некоторые рассуждали так: если молодые люди хотят вступить в ряды РКСМ, то они, стало быть, настроены революционно, идут наперекор своим родителям, порывают со старым. Имей в виду, индивидуальные мотивы вступления молодежи в наш Союз из нетрудовых классов могли быть самые различные. Одни вступали с искренним желанием служить делу революции, другие ради маскировки, третьи в поисках необычной романтики. Ясно одно: если мы не начнем беспощадной борьбы с мещанскими настроениями в Союзе, нас захлестнет мелкобуржуазная стихия.

Степа вспомнил слова Ленина о классовой борьбе, сказанные на съезде, и готов был согласиться с Ивиной. А она, угадав его мысли, предупредила:

— Как члены бюро, мы должны ориентироваться не на центральную ячейку, а на рабочие ячейки. — Заметив озабоченный вид Степы, Ивина добавила: — Не подумай, что я тебя обрабатываю. Нет, я просто хочу, чтобы ты правильно разобрался в обстановке. Потом увидишь, кто прав: Бабкин с Деевым или я.

Степе было приятно, что в укоме с ним начинают считаться, но он продолжал не доверять тем, кто говорил ему плохо о секретаре укома. В его глазах Деев был выше других. Такое мнение сложилось у Степы со времени уездного съезда, и он не хотел разубеждать себя. Правда, Деев относился к нему почти официально, но Степа не обижался, полагая, что секретарь укома не обязательно должен хлопать по плечу каждого укомовского работника.

Горячность, с которой говорила Ивина, увлекала Степу. Он видел в этом частицу своего характера, но все еще не решил, как держать себя с ней. Степа не предполагал раньше, что рыжие девушки могут быть красивыми. Ивина ему нравилась. Когда она стояла против света, казалось, что ее волосы горят ярким пламенем. Розовое лицо густо покрыто конопатинками, а из-под тонких бровей смотрят темно-синие умные глаза. Наблюдая за подвижным лицом Ивиной, Степа так и не мог понять, добрая она или злая. Он невольно сравнивал ее с Шурой и находил, что Ивиной не хватает мягкости. В ее фигуре, движениях и жестах было что-то резкое, мужское. А слушать ее приятно. Говорит она ясно и определенно.

После небольшой паузы, перед уходом, Ивина сказала:

— Дело идет, Грачев, не о личностях, а об опасности классово враждебного влияния на молодежь.

XVIII

Как-то в Степин кабинет заглянул Деев.

— Зайди ко мне, — предложил он. — Есть срочное задание.

Лицо Деева показалось Степе помятым, как будто он целую ночь провел без сна. «Уж не случилось ли чего-нибудь?»

— В городе нет топлива. Плоты улеском заморозил на реке. Их не успели до морозов выгрузить на берег. У нас задание — поднять на выгрузку плотов молодежь. — Деев откинул назад голову и хрустнул пальцами. — Рабочие ячейки пойдут в воскресенье, а вот центральную надо поднять на субботник завтра. Сегодня же вызови секретаря центральной ячейки Зиммера. Мы прикрепляем тебя к этой ячейке в качестве представителя укома. Собери ребят и действуй.

— А не лучше ли мне сперва сходить в улеском? — озабоченно спросил Степа.

— И в улескоме, и на реке побывай.

Вначале Степа решил осмотреть плоты. Картина была малоутешительная. Вместо плотов перед ним было взъерошенное ледяное поле, присыпанное снегом. Здесь каждое бревно придется брать с боем.

В улескоме он договорился о выделении топоров, ломов, лопат.

Вернувшись в уком, Грачев послал рассыльную за Зиммером. Вскоре появился высокий, белобрысый юноша в золотых очках и официальным тоном отрекомендовался:

— Зиммер.

Из-за очков на Степу смотрели недружелюбные, холодные глаза. Зиммер заявил, что в такой холод трудно будет заставить членов ячейки выйти на реку.

Степа взял список комсомольцев и, называя фамилии, стал спрашивать:

— Может пойти на субботник?

Но у Зиммера выходило так, что один был болен, у другой не было специальной одежды для «черной» работы.

— Значит, на танцы есть во что одеться, а на работу нет?

Степе хотелось сказать еще что-нибудь колкое, но он сдержался.

— Никаких отговорок, товарищ Зиммер! За явку всех членов ячейки на субботник отвечаете вы.

— Я буду жаловаться Дееву.

— Идите жалуйтесь, но чтобы все члены ячейки завтра в восемь утра были у плотов.

Зиммер пожевал от досады губами и опять уставился на Степу стеклянными глазами.

— О мобилизации комсомольцев на выгрузку плотов есть решение укома партии, товарищ Зиммер, и попробуйте не выполнить его!

Гонор, с каким Зиммер явился к Степе, начал заметно убавляться, и ему пришлось по-деловому обсуждать суть дела.

В первый день на работу явилось менее половины членов центральной ячейки. Степа хотел бежать в уком жаловаться, но побоялся, как бы и эти не разбежались. Ему с трудом удалось раздать инструмент: одна не хотела брать лом, другая — топор, третий — лопату. Он слышал в свой адрес ехидные слова, но не обращал на это внимания. Расставив людей по местам, Грачев взял лом и первым начал работу. Глядя на него, приступили остальные. Одни выкалывали бревна изо льда, другие баграми и веревками вытаскивали их ближе к берегу.

Степа собирался послать кого-нибудь за Зиммером, но тот вскоре явился сам: в новенькой шинели и тоненьких перчатках. Его подняли на смех. К нему подскочил Чихняев, что-то угодливо объяснил. Он успел всем надоесть своим зубоскальством и больше мешал, чем работал. Степа с удивлением слушал иронические замечания по адресу Зиммера. Особенно он не узнавал девушек. Их точно подменили. На голову Зиммера посыпались новые насмешки.

— Где Сычева, где Поповы?

Степа отвел Зиммера в сторону и посоветовал учесть настроение молодежи. Он предложил ему вернуться в город и объявить каждому члену Союза о явке на субботник.

Зиммер опять уставился на Степу своими неживыми глазами и выдавил:

— Попробую...

Немного погодя за ним бросился Чихняев.

Три дня Степа с группой членов центральной ячейки выдалбливал бревна. Сделано было немало. И когда на заседании укома похвалили Степу за умелое руководство, он пожалел, что не удалось заставить выйти на субботник всех комсомольцев центральной ячейки.

...Шли дни. Степа незаметно для себя привыкал к новой работе. И вместе с тем чувствовал нехватку знаний.

Как-то Яшин пригласил его поехать на стеклозавод. Приехали туда еще засветло.

В высоком, почти круглом здании, внутри похожем на огромный сарай, стояла большая круглая печь с деревянными подмостками. В ее чреве клокотала расплавленная масса, из которой выдувались стеклянные предметы: посуда, бутылки, холявы для оконного стекла. Через небольшие отверстия в печи рабочие набирали на длинные трубки, словно тесто, раскаленную массу и начинали дуть. На конце трубки появлялся пузырь, и, когда он достигал нужного размера, его опускали в форму и продолжали дуть. Затем форма раскрывалась, и остывшее изделие обрезалось, освобождаясь от трубки. Степа стоял завороженный.

У печи невыносимая жара. Рабочие часто пили воду, вытирали пот, обливали голову и лицо. Подростки до шестнадцати лет к работам у печи не допускались, их использовали на подсобных работах. Топливо завод заготовлял своими силами, и ребят посылали в лес собирать порубочные остатки. Степа съездил на лесосеку и установил факт нарушения законодательства о труде подростков, которые вместо четырех-шести часов работали больше.

Пожалуй, никогда прежде не чувствовал он такого стеснения на собрании, как в этот раз, когда в клубе собралась заводская ячейка РКСМ. Ему казалось, что не только секретарь ячейки смотрит на него свысока, но и другие тоже. Но в их взглядах Степа прочитал интерес и любопытство к нему.

«Что же скажет этот скромный и застенчивый паренек из города, против которого их секретарь кажется пожилым человеком?»

Преодолев робость и какую-то непонятную ему самому скованность, Степа решил поговорить серьезно, начистоту обо всех подмеченных им недостатках. Но прежде задал вопрос:

— Почему на собрание пришло так мало несоюзной молодежи?

Действительно, в небольшом зале находилось всего человек тридцать, тогда как только в ячейке числилось двадцать шесть членов.

Не дождавшись ответа, Степа решил задеть членов Союза за живое. Он рассказал о том, как работают рабочие ячейки в городе, особенно на текстильной фабри-

ке, на кожзаводе и на холодильнике, намекнул на отсталость стеклозаводских ребят. Правда, эту мысль ему подал секретарь партийной ячейки, с которым он беседовал после осмотра предприятия. Он тогда сказал:

— Наш завод в глуши, оторван от города, работать здесь трудно. У многих рабочих собственные лошади, коровы, гуси да куры. Их, конечно, интересует больше личное хозяйство, чем работа завода.

Довольно удачно Степа изложил в своей речи задачи РКСМ на современном этапе. Вглядываясь в лица слушателей, он понял, что взял правильный тон — он это видел по открытым улыбкам и подбадривающим дружелюбным взглядам. Рассказал о выступлении Ленина на съезде РКСМ и о Москве... А когда он вновь спросил, почему же несоюзная молодежь не очень охотно посещает клуб и молодежные собрания, по залу прошел шумок и несколько голосов вразнобой выкрикнули:

— К Марусе на вечерки ходят!

— Там интереснее, чем в нашем клубе!

А кто-то совсем осмелел:

— У Маруси и выпить можно!..

Степе пришлось разъяснить, что дело не в Марусе, а в плохой работе ячейки РКСМ. Он рассказал, как сам в свое время разгонял вечерки и что из этого вышло. Секретарь ячейки попытался оправдаться, но Степа перебил его:

— В ликбез почти никто не ходит, драмкружок работает вяло, физкультура у нас не в почете...

— Летом в лапту играли...

— Лапта еще не физкультура.

Много неприятных слов высказали ребята в адрес своего секретаря ячейки. Слушая их, Степа думал о том, как далеко вперед видел Ленин, когда говорил делегатам Третьего Всероссийского съезда комсомола об учебе и работе на фабриках, на заводах, на селе.

После собрания при участии всех комсомольцев был выработан план работы заводской ячейки.

При расставании с ребятами у Степы было такое ощущение, словно он чего-то недоделал, недосказал. Винил Грачев не только секретаря, но и уком. Такую отдаленную производственную ячейку укому следовало все время держать в поле своего зрения. А на деле до сих пор из укома на стекольный завод никто не заглядывал. Пожимая руку секретарю ячейки, Степа видел,

как изменилось его отношение к нему. Куда девалось то высокомерие, которое бросилось в глаза при первой встрече. Сейчас это был простой, милый рабочий парень. И он, и комсомольцы просили Степу чаще приезжать к ним на завод. На прощание подарили укому и лично Степе замысловатые чернильницы, выдутые комсомольцами из стекла.

По пути домой Яшин спросил Степу:

— Политграмоту читал?

Степа отрицательно покачал головой.

— Зайдем ко мне домой, поговорим.

От Яшина Степа узнал много нового и ушел от него с книжками под мышкой. Просматривая книги, Ашрапов с плохо скрываемой усмешкой спросил:

— Политграмоту зубрить собираешься?

— А что в этом плохого?

— Не в секретари ли метишь?

Степа вырвал из рук Ашрапова книжки и сунул их себе под подушку. В Ашрапове ему многое не нравилось и больше всего — развязность. Ашрапов и в споре редко соглашался. Степе казалось, что эта неуступчивость мешает дружбе между ними. Ладить с ним было трудно.

XIX

В начале 1921 года проводилась неделя комсомольской работы. Когда в укоме договаривались, кто с кем пойдет агитировать за Союз, Ивина сказала:

— Мы с Грачевым.

Степа смутился. Как это он пойдет выступать с таким оратором, но возразить не хватило смелости. Да к тому же подумал: «Поучусь у Ивиной».

Несколько раз им пришлось выступать перед молодежью в кинотеатре и в клубе кожзавода. Степа с умыслом выступал первым. Говорил он сбивчиво, мало, а потом предоставлял слово Ивиной. Ей хлопали больше, чем ему, но Степа был не в обиде. Он сам восхищался ее способностью хорошо говорить.

Как-то, возвращаясь с очередного выступления, Ивина пригласила его к себе. Он нерешительно топтался. Ольга сказала, что дома никого нет — мать в командировке.

Степа с любопытством разглядывал квартиру Ивиных. Жили они в большом купеческом особняке в глухом переулке, занимали две угловые комнаты с высокими окнами. Видимо, когда-то здесь была гостиная. Теперь она разделена дощатой перегородкой. Сиреневые обои на стенах покоробились, штукатурка на потолке и лепные карнизы местами обвалились, двери казались обглоданными. Вдоль глухой стены стояли в ряд мягкие стулья, шелковая материя на них истерлась и из сидений торчали пружины. В простенке между окнами висело тусклое зеркало, в углу столик с кривыми ножками, с потолка свисала люстра с облезлой позолотой. Квартира выглядела неуютно.

Заметив с каким вниманием Степа осматривает обстановку, Ивина пояснила:

— Не наше, от прежних хозяев осталось. До ремонта еще руки не дошли.

Степа хотел снять шинель, но Ивина втолкнула свое пальто в гардероб и, быстро накинув шаль, предупредила:

— У нас холодно. Вот затоплю буржуйку, тогда и разденешься.

Пока она разжигала небольшую чугунную печку, Степа разглядывал фотографии на стене. Его внимание привлекла одна, висевшая над старым диваном: с фотографии смотрело на Степу умное, усатое лицо человека в незнакомой форме.

— Это мой папа, — сказала Ивина, и голос ее прозвучал тихо и нежно.

Степа обернулся. Ольга стояла с лучиной в руке и с грустью смотрела на портрет. Тяжело вздохнула.

— Был инженером-путейцем. Большевиком. В томской тюрьме белые убили.

Ольга отошла и продолжала хлопотать у печки.

— Раздевайся и садись сюда, — позвала она через некоторое время, ставя стул к печке, от которой уже потянуло теплом.

— Давай помечтаем вместе — я люблю мечтать. А ты? — тихо сказала Ивина, несколько удивив Степу. Он посмотрел в ее синие глаза, которые показались сейчас темнее обычного, и заметил по их выражению, что она сказала это серьезно.

— Не пробовал. — Он пожал плечами.

На улице гудел ветер, залепляя снегом окна, в пе-

чурке весело потрескивали дрова, шумел закипающий чайник. Стало теплее и уютнее.

— Кем бы ты хотел стать в жизни?

Степа, не задумываясь, ответил:

— Археологом.

— Странно. Нет, ты серьезно говоришь?

— Серьезно. На берегу Шумиловки я могильники археологам раскапывать помогал.

— Ты? — Ольга громко рассмеялась. — Что же ты искал? Золото?..

— Не я искал. Ученые из Томска.

— Ну и что вы там нашли? — уже серьезно спросила Ольга.

— Костяки, черепки, наконечники стрел...

— Интересно! Честно говоря, я не подозревала у тебя такого желания. Смотрю на тебя и думаю: учиться тебе надо. Конечно, в университет тебе не поступить — образования мало, а вот на коммунистические курсы в Москву примут.

— Буду учиться на работе.

— Работу освоишь, а потом что?

Степа молчал.

— Я в гимназии училась, в университете два года пробыла, а что знаю? Если бы меня губком отпустил с работы, я бы сейчас же уехала в Томск. Дай только дождаться уездного съезда.

Степа уже знал, что стоит только ей заговорить о чем-то серьезном, как она начинает увлекаться. Ольга порывисто встала и стала ходить по комнате, размахивая руками, точно собиралась лететь. Она рассказывала, как хорошо ей было в университете.

— А как же быть с советом Ленина? — перебил Степа Ивину. — Ведь Ленин советует не допускать разрыва учебы с жизнью.

Ольга засмеялась:

— Ты буквально это понял. Ленин хотел сказать, что ограничиться одной зубрежкой теории нельзя. Ленин возражал только против сухого книжного учения, оторванного от жизни. Он призывал учиться новому и работать. Нам, молодому поколению, нужно успеть критически переработать старую науку и создать новую. Так или не так?

Стоявший на печке жестяной чайник бурно закипел. Ольга принялась собирать на стол. Она опять стала

простой, домашней и в таком виде казалась более близкой.

После чая Степа стал собираться домой. Было около часа ночи. Вдруг сквозь завывание ветра начали долетать какие-то всхлипывающие звуки.

— Я сейчас! — торопливо сказала Ольга и быстро вышла. Грачев слышал, как она бегом спустилась по лестнице к двери и открыла ее. Противные звуки, словно кто-то визжал осипшим голосом, ворвались в коридор вместе с ветром. Ивина быстро вернулась.

— В городе тревога, бежим!

Грачев, как и другие комсомольцы, состоял на учете в отряде ЧОН. Он схватил шинель, а Ольга — старенький жакет. Ветер гнал снежную пыль, больно хлестал в лицо. Ольга схватила Степу за руку, и они быстро побежали.

— Кто визжит? — громко спросил Степа, чувствуя, как его слова относит ветер.

— Сирена электростанции, — сказала Ивина, сжимая его руку. — Это боевая тревога... Сбор на городской площади.

Впереди, словно привидения, маячили бегущие фигуры. Сильная поземка скрывала их ноги, и казалось, что люди летят в снежном вихре.

Когда Степа и Ольга прибежали на площадь, там уже строились в ряды. По тому, как люди уверенно занимали свои места, Степа понял: тревога эта не первая.

Командир уездного штаба ЧОН начал перекличку, а затем назвал несколько фамилий, в том числе Ивиной и Грачева, и приказал им явиться в штаб.

Ольга шепнула Степе:

— Это на ночное дежурство.

Штаб ЧОН размещался в большом купеческом доме на главной городской улице. Там дежурным раздали винтовки и по обойме патронов. Степу назначили дежурить на пару с Ивиной. Караульный начальник указывал каждой паре участок. Укомовцам досталась одна из городских окраин — «Казанка». Патрулировать было приказано до восьми утра, потом явиться в штаб и сдать винтовки. Буран усиливался, улицы, казалось, растворились в белой мгле. У Казанской церкви остановились.

— Ты пойдешь по Табачному переулку, а я по Казанской. Сойдемся у табачной фабрики. Понял?

— А может, пойдем вместе?

— Нет, так будет лучше.

Пощупав в кармане обойму, он свернул в переулок. Дома под большими снежными шапками казались сказочными. Поравнявшись с одним из домов, Степа увидел струйку света, в которой мелькали снежинки. Подошел ближе. Свет пробивался через щель в ставне окна полуподвального помещения. Нагнувшись, заглянул в щель. В комнате за столом сидело человек шесть прилично одетых мужчин. Играли в карты. Возле одного, должно быть банкомета, стопка монет. Вглядываясь в лица, Степа среди играющих узнал часового мастера Тюнина. Он слыл лучшим часовщиком в городе. Все знали, что его брат — председатель первого уездного Совдепа — был расстрелян колчаковцами и поэтому относились к Тюнину с большим уважением. Один из игроков вытащил из кармана крупную золотую монету.

«Золотоскупщики!.. Ясно, — подумал Степа, от волнения забыв, где он находится. — Надо брать! А как? Они могут быть вооруженными». И побежал к фабрике, чтобы встретиться с Ивиной. У фабричных ворот остановился, чтобы отдышаться. Из снежного вихря вынырнула Ивина, вся облепленная снегом и похожая на привидение.

— Ну что, все в порядке?

Торопясь, он рассказал о виденном.

— Надо вызвать чекистов, понимаешь? Чекистов. Я зайду на фабрику и позвоню в Чека, а ты беги обратно, наблюдай. Да смотри, не выпусти.

«Хорошо сказать: не выпусти. Их шестеро, а я один! Ну и везет же мне на бандитов», — подумал он, вспомнив рыжего «отшельника».

Игроки по-прежнему метали карты и монеты. Степа поудобнее устроился под окном и замер, сжимая винтовку. Где-то тявкнула собака, за ней другая. Степа встревожился. Но вот и Ивина. Тревога рассеялась, он уже не один и как-никак — две винтовки.

— Скоро будут. Ну-ка, я посмотрю, — тронула Ольга Степину шапку.

Степа отодвинулся, а она припала к щели.

— Ого! Если будут выходить, надо брать, — шепнула Ольга на ухо и уступила место у ставни. Он увидел, как один из игроков зевнул, прикрыв рукой рот, потом что-то сказал и, нагнувшись, достал бутылку, налил

рюмки. Игроки еще не успели выпить, как подошли чекисты. Их было четверо. Один осторожно занял Степино место, заглянул в щель ставни. Распрямившись, приглушенно сказал:

— Товарищи, займите места у ворот, у парадного, возле окон, взять под наблюдение черный ход.

Степе поручили стоять у наглухо закрытой ставни. От холода и волнения по его телу пробегала дрожь. Что происходило в доме, он не видел. Только через несколько минут все шестеро игроков с заложенными назад руками стали выходить наружу.

Патрулирование продолжалось. К утру буря затихла. Только огромные сугробы напоминали о силе стихии.

В восемь утра Ольга и Степа явились в штаб ЧОН, отрапортовали дежурному о происшествии, сдали винтовки. В уком Грачев пришел к вечеру. Ивина уже была там.

— Отоспался?

— Да.

— Мне звонили из Чека. Нам с тобой объявили благодарность. Твоя заслуга, — улыбнулась Ольга и неожиданно спросила:

— Ты знаешь писателя Гарина-Михайловского?

Степа впервые слышал такую фамилию, и ему стало досадно, что мало читал. Не дождавшись ответа, Ольга пояснила:

— Замечательный был человек. Он строил Сибирскую железную дорогу. — Ольга выдвинула ящик стола, вынула книгу. — Повесть «Гимназисты». Книгу эту писатель подарил папе. Они были друзьями. Прочти. Потом поговорим.

XX

В укоме считали, что неделя комсомольской работы прошла хорошо. Деев так и сказал на бюро укома, когда обсуждали итоги недели. В уезде было создано много новых ячеек и проведена большая разъяснительная работа о целях и задачах Союза. Заседание бюро шло по-деловому, но все испортил Бабкин. Когда он начал расхваливать газету и ее роль в проведении недели, Степа заметил, как Ивина сразу насторожилась, а потом встала.

— Брось трепаться, Бабкин.

Тот обиделся и, обращаясь к Дееву, запальчиво потребовал:

— Прошу призвать ее к порядку, иначе...

Бабкин не договорил, но лицо его дышало такой злобой, что члены бюро почувствовали себя неловко. Степа впервые неодобрительно посмотрел на Ольгу. А та не унималась.

— Ты почему не печатаешь письмо кожзаводских ребят?

Бабкин пригнул голову, словно опасаясь удара, примирительно ответил:

— Придет время — напечатаем.

Степа не знал, о каком письме идет речь. Он заметил, что Деев и Бабкин не знакомили членов бюро с материалами, которые выносились на обсуждение, и это ему не нравилось.

— Можно, я скажу, — обратилась Ивина к Дееву и, не дожидаясь разрешения, заговорила:

— Я знаю, почему вы, товарищ Деев, не ознакомили членов бюро с письмом ячейки кожзавода...

Секретарь укома отрицательно замотал головой, а Степа вытянул шею, наблюдая за Ольгой.

— Да, знаю! — подчеркнула Ивина. — Там упоминаются барышни, за которыми вы ухаживаете. Там, в центральном клубе, подвизаются бездельники и, извините за выражение, — Ольга помедлила, — девицы очень сомнительного поведения. Глядя на них, рабочая молодежь не хочет посещать клуб. Я предлагаю очистить драматическую труппу и центральную ячейку от обывателей и вообще заняться работой клуба.

— Так поспешно решать вопрос нельзя, — возразил Деев, — о труппе надо судить объективно. Она ведет большую культурно-просветительную работу.

— Но некоторые барышни оказывают на молодежь обратное влияние! — упорствовала Ивина.

Степе было интересно наблюдать за поведением Деева и особенно Бабкина. Как только Ивина упомянула о барышнях, Бабкин сразу потупил глаза, а Деев уставился в свой стол. А когда Ивина заявила, что она поедет в губком и будет жаловаться, Деев буркнул:

— Можешь ехать.

— Бузотерка! — ехидно бросил Бабкин.

— Посмотрим еще, кто из нас бузотер! — почти крикнула Ивина.

Деев применил свою обычную тактику: не вдаваясь в суть дела и надеясь на поддержку большинства, спросил:

— Кто поддерживает предложение Ивиной о чистке драматической труппы?

«Будь что будет!» — решил Степа и поднял руку.

— Ивина и Грачев! — объявил Деев и закрыл заседание.

Степа был уверен, что Ивина поедет в губком, и был крайне удивлен, когда вечером Ашпаров сказал:

— Никуда она не поедет. Карьеристка. Ты зря стал на ее сторону.

Степе было обидно за Ольгу. Все ее поведение никак не вязалось с такой характеристикой. «Вот Бабкин, наверное, карьерист!» — думал он.

— Наше дело сторона. Пускай бузят! Побузят и слетят, — сказал Ашрапов. — Я только до съезда здесь, а там в деревню. Вот увидишь!

Если раньше Степа готов был сам бежать в деревню, то теперь наоборот — работа в укоме стала увлекать его, да притом было интересно знать, чем кончится борьба Ивиной с остальными. То, что Ашрапов назвал Ивину карьеристкой, озадачило Степу. Он перебрал в памяти все события, связанные с участием Ивиной, все ее поступки и не находил причин, чтобы заподозрить ее в неискренности. Кроме того, он давно понял, что она знает не меньше, а больше других, к работе относится честно и терпеть не может фальши. При чем же тут карьеризм! Вот Бабкин — другое дело. Непонятно, почему его поддерживает Деев, которого Степа продолжал считать способным, авторитетным работником. Не нравилась в нем одна лишь черта — излишняя замкнутость. Степа ожидал, что после голосования по вопросу о труппе Деев его вызовет к себе, станет укорять, но этого не случилось.

Ивина сдержала слово и выехала в губком. В укоме сразу притихли, словно ждали беды. Бабкин на работе не появлялся, а Деев часто справлялся у делопроизводителя, нет ли телеграммы из губкома. Степа тоже чувствовал себя неспокойно. Его занимал вопрос: поддержат там Ивину или нет? Ему казалось, что от этого зависит и его работа в укоме. Вскоре Деев неожиданно для Степы объявил:

— Меня и Бабкина вызывают в губком.

Секретарь укома был сердит и не смотрел на него.

Прежде Грачёв несколько раз порывался откровенно поговорить с ним о делах отдела, но его сдерживала отчужденность секретаря. Теперь же, видя, что Деев сердит и, может быть, недоволен его поведением на последнем заседании бюро, решил высказаться, но он не успел открыть рта, как Деев удивил его еще больше.

— Ты остаешься исполняющим обязанности секретаря укома. Садись за мой стол и работай.

Деев положил перед опешившим Степой ключи от стола и поспешно вышел.

Оставшись один, Степа не знал, что делать. «Уж если говорить о старшинстве и об опыте работы, то за секретаря надо было оставить Ашрапова, а не меня», — размышлял он, машинально вертя в руке ключи. Откуда-то из глубины души выплывало и ощущение удовлетворенности: «Значит, мне доверяют, и, может быть, зря я так отношусь к Дееву и Бабкину».

Первым явился Ашрапов. Увидев Степу за секретарским столом, он застыл в такой позе, словно кто-то внезапно связал ему ноги.

— Ты что тут делаешь?

— За секретаря остался, а что?

Степе было неловко, будто боялся, что его обвинят в чем-либо, а насмешек Ашрапова он не выносил.

— А где Деев?

— В губком вместе с Бабкиным вызвали.

Степа думал, что Ашрапов пустится в рассуждения и начнет строить догадки, но тот только махнул рукой и вышел. Степа услышал смешки в коридоре, а вскоре в кабинете появился делопроизводитель Костя. По его лицу было видно, что он старается сдерживать смех и смотрит на секретарство Степы как на шутку. С напыщенной важностью Костя сказал, подавая Степе папку с бумагами:

— На ваше рассмотрение.

Степе очень хотелось хлопнуть Костю по шее, но тот поспешил удалиться.

В дверь постучали.

— Разрешите? — послышался хриплый голос, и в дверях появилась рожа Чихняева.

— Хи-хи! — он вкрадчиво вошел в кабинет и насмешливо поглядел на Степу, широко расставив кривые ноги. — Секретаришь?

Появляясь часто в укоме, Чихняев не забывал хихикнуть и у двери Степиного кабинета. Грачев давно собирался отучить его от этой выходки. Выскочив из-за стола, он схватил Чихняева за шиворот, повернул к двери и так сильно толкнул, что тот вылетел в коридор, не успев крикнуть. Степа быстро закрыл дверь и повернул в замке ключ, чтобы успокоиться наедине. Из канцелярии доносился визжащий голос Чихняева:

— Бюрократ, выскочка! Я ему покажу! Жаловаться буду!

«Жалуйся!» — сказал про себя Степа. Он никак не мог преодолеть неприязнь к этому парню.

Прошел еще день. Степа успел побывать у кожзаводских ребят и на текстильной фабрике. Там он узнал содержание письма в редакцию молодежной газеты, из-за которого и получился спор на последнем заседании бюро укома. В письме сообщались факты недостойного поведения членов молодежной труппы. Оказывается, копию письма Ивина увезла в губком.

Бывая в центральном клубе, Степа видел почти одну и ту же молодежь, приходившую сюда убить время. Было ясно: под вывеской комсомольского клуба процветают те же вечерки.

Первой из губкома вернулась Ивина. Это обрадовало Степу.

С первого взгляда на Ольгу он догадался, что в губкоме ее поддержали, и ее веселое настроение передалось ему. Улыбнувшись, Ольга спросила:

— Не ожидал?

— Да, — признался Степа. — Что сказали в губкоме?

— Нелегко было одной воевать, но вопрос решен: труппа распускается. Заново будет создаваться из рабочей молодежи. И имей в виду, Грачев, обновленные труппы — только начало нашего наступления на мещанство. Мы должны вплотную заняться центральной ячейкой, перетрясти ее, очистить от примазавшихся классово враждебных элементов и оздоровить там обстановку. Подумать только, во что превратили клуб! Знаю, меня карьеристкой назовут, бузотеркой. Пусть! Это неправда. Я не гонюсь за секретарским местом. Не собираюсь занимать должность Бабкина. Давай, Грачев, спросим себя: мы как члены бюро несем ответственность за политическую линию укома перед съездом?

Пыл, с которым говорила Ольга, действовал на Степу, и он во всем соглашался с нею.

— Конечно, — горячилась Ивина, — можно было бы, как думает Ашрапов, сидеть и ждать съезда, чтобы сложить с себя ответственность и радоваться провалу Бабкина.

Ивина зашагала по кабинету так энергично, словно хотела придать больше силы своим словам.

— Деев не безнадежный работник, только у него не хватает силы воли, а из Бабкина уже ничего не выйдет — завзятый карьерист. Ты еще узнаешь его! — Ивина присела на стул и, успокоившись, спросила: — Прочитал «Гимназистов»?

— Прочитал. И «Детство Темы» тоже.

— Ну и как?

— Интересно написано.

— А ты не догадался, что я не зря принесла тебе «Гимназистов»?

— Догадался.

— Твое отрицательное отношение к гимназической шинели я понимаю. Ты батрак, классовое чутье тебя не обманывает. Но пойми и другое: не все те, кто носил и еще продолжает носить форму гимназиста, чужие нам люди, мещане. Среди них есть и революционно настроенные и колеблющиеся, и мы должны таких привлекать к работе, воспитывать. Нельзя всех мерить одной меркой.

После возвращения из губкома Деев как-то сказал Степе обычным деловым тоном:

— К концу дня поговорить нужно.

Степе трудно было понять отношение к нему секретаря укома. Деев ни разу не интересовался его работой, не спрашивал, что он делает. Правда, когда Степа впервые составил план работы и явился с ним к Дееву, тот внес свои поправки, а позже на просьбу посмотреть план работы следующего месяца ответил:

— Действуй сам.

Когда Степа вошел к Дееву, тот встал из-за стола, подошел к двери и плотно закрыл ее, словно собираясь сказать что-то секретное. Вернувшись на свое место, сухо спросил:

— Что тут произошло у тебя с Чихняевым?

— Ничего особенного, я просто вытолкнул его за дверь, — и Степа рассказал, почему это сделал, доба-

вил, что Чихняев преследует его своим хихиканьем, называет сермяжным батраком.

Деев достал из стола бумагу, сказал:

— На, читай!

Это был протокол общего собрания центральной ячейки. Степа читал, все больше и больше удивляясь. Постановлением собрания ячейки он был исключен из членов РКСМ. В протоколе было записано: «За грубо бюрократическое отношение к члену ячейки товарищу Чихняеву, порочащее Грачева как члена Союза и тем более как члена бюро укома, Грачева Степана из членов Союза исключить». Ниже — приписка: «Постановление принято большинством».

Сгоряча Степа не придал значения прочитанному и сказал заносчиво:

— Ерунда!

— То есть как? Ты думаешь, что говоришь?

Степа сел на край дивана, еще раз прочитал постановление и, возвращая протокол, заявил:

— Как хотите. Я не оправдываюсь! — и быстро вышел, так и не поняв серьезности случившегося. Мысль о том, что он допустил оплошность, пришла к нему позднее.

В общежитии он попытался выведать у Кости, какие материалы о нем он передавал Дееву. Костя уверял, что кроме протокола общего собрания центральной ячейки ничего не видел. Правда, к Дееву приходил Зиммер, и Бабкин вызвал Чихняева.

Ворочаясь на жесткой холодной постели, Степа думал: «Так мне и надо, в другой раз буду умнее!» А утром смело вошел в кабинет секретаря и потребовал заявление Чихняева. Деев удивился и сказал, что никакого заявления Чихняева у него нет, как и нет других материалов, кроме протокола ячейки. Тогда Степа спросил:

— Может быть, мне сдать кому-нибудь отдел?

Деев поморщился.

— Ты не горячись, Грачев! Но бюро по этому делу придется созвать.

Он явился на бюро готовым к ответу. Очень обрадовался приходу Ожиганова. Поздоровавшись со всеми, Ожиганов сел в углу и внимательно слушал сообщение Зиммера о решении ячейки. Зиммер высокопарно говорил о значении дисциплины в комсомоле, потом бесстрастным голосом заявил:

— Ячейка исключила Грачева за то, что он при исполнении служебных обязанностей с наганом в руке угрожал расправой Чихняеву.

Степа сорвался с места и крикнул:

— Чепуха!

Зиммер бросил на него свой стеклянный взгляд, медленно пожевал губами и продолжал:

— Ячейка обосновала свое решение на заявлениях Чихняева и делопроизводителя укома.

— А вы, товарищ Зиммер, с Грачевым беседовали до собрания? — громко спросила Ивина.

— Я его вызывал, но он не изволил явиться. Вообще у Грачева есть привычка игнорировать центральную ячейку...

— Пусть Зиммер скажет, когда и через кого меня вызывал, — потребовал Степа.

Зиммер завертел головой, будто отгонял пчелу.

— Вызывал через канцелярию укома.

Тогда Деев, обращаясь к делопроизводителю, который, уткнувшись носом в бумагу, вел протокол бюро, спросил:

— Был такой вызов?

— Что-то не помню, — замялся Костя.

— Пойди и немедленно проверь по журналу, — строго предложил Деев.

Костя вышел. Слово взял Чихняев. Его мышиные глаза скользнули по лицам присутствующих.

— Грачев терпеть не может нас, городских. Гимназистиком дразнил меня, а когда я зашел к нему по делу, он начал кричать, что я ему надоел, мешаю работать. Я назвал его бюрократом, факт, а он начал грозить мне наганом и так толкнул, что я головой ударился об дверь! — Чихняев скривил рожу, будто ему и теперь еще больно.

Ивина, взглянув на Степу и насмешливо улыбаясь, перебила Чихняева:

— Наганом грозил?

— Грозил.

— А кто подтвердит?

В это время вошел Костя.

— Он подтвердит, — обернулся к нему Чихняев. — Ты видел в тот день наган у Грачева?

— Он иногда наган в кармане носит, — начал неуверенно Костя.

— Где он носит — это не важно. Ты отвечай прямо на поставленный вопрос: видел наган у Грачева в тот день? — повторила Ивина.

— Нет, не видел.

— Как же, Костя? — вдруг замахал руками Чихняев. — Ты ведь слышал, как я вылетел из кабинета.

— Слышал, а наган не видел.

— Вы мне, товарищи, кажется, не верите, — дрогнувшим голосом продолжал Чихняев. Он уже начал опасаться, как бы дело не повернулось против него.

У Степы мелькнула мысль, не сказать ли, что в руках у Чихняева было шило? Все знают, что он ходит с шилом. Мысль была соблазнительной, но Степа одумался: «Врать не стану».

Секретарь ячейки текстильной фабрики Кремнев задал Чихняеву вопрос:

— По какому делу вы, товарищ Чихняев, приходили к Грачеву?

— Я, собственно, приходил к секретарю укома Дееву, но застал на его месте Грачева.

— А зачем вам нужен был Деев? — допытывался Кремнев.

— Это уж мое дело. — Чихняев изобразил такую улыбку, словно с Деевым у него были близкие приятельские отношения.

Поднялся Бабкин. Степа предвидел, что Бабкин будет защищать решение центральной ячейки.

— Такого безобразного случая у нас в укоме еще не было, товарищи, — начал Бабкин. — Грачев забыл, где находится! Грачев принес в нашу городскую среду хулиганские замашки деревни!..

Говорил Бабкин и о правилах поведения комсомольцев, и об обязанностях членов бюро. Зиммер оживился, поблескивая золотыми очками.

— Что же ты, в конце концов, предлагаешь? — спросила Ольга Бабкина.

— Я предлагаю постановление центральной ячейки утвердить и Грачева из Союза исключить! —и, уже садясь, тихо добавил: — В укоме чище станет.

— Разреши мне, Деев! — Ивина встала, и Степа заметил, как лицо ее мгновенно преобразилось.

— Товарищ Зиммер! Сколько было членов на собрании ячейки, когда решался вопрос о Грачеве?

— Не помню.

— А я знаю. Меньше половины. Грачев исключен из Союза с грубым нарушением Устава, исключен заочно и меньшинством членов ячейки. Так или не так, товарищ Зиммер! Что вы скажете? — Ивина с презрительной усмешкой посмотрела на Чихняева и продолжала: — Вопрос о Грачеве возник не случайно. Собралась вокруг ячейки группа мещан, папенькиных сынков и дочек, которая пытается оказывать влияние и на дела членов укома. Грачев — растущий, способный товарищ. Инспектор труда Яшин о нем тоже хорошо отзывается, старательный, говорит, парень. — Ивина вскинула голову, будто хотела что-то припомнить, а затем махнула рукой. — Я предлагаю постановление центральной ячейки отменить как неправильное по существу и принятое в нарушение Устава, а мальчишеский поступок Грачева осудить.

Все ждали, что скажет Ожиганов. К удивлению всех, Ожиганов сказал мало.

— Разве вы настолько богаты работниками, чтобы так ими разбрасываться? Я, товарищ Деев, ждал, что вы будете растить из Грачева уездного работника, а вы будто забыли о нем. Его поступок, безусловно, надо осудить, но исключать Грачева из комсомола — не дело.

Деев поставил на голосование постановление центральной ячейки, а затем предложение Ивиной об его отмене. За первое голосовал один Бабкин, за второе — все члены бюро.

Ожиганов подмигнул Степе:

— Не поддавайся, Грачев!

XXI

Как-то утром Степа застал в укоме переполох. Члены бюро и сотрудники аппарата сгрудились в комнате Бабкина. Сам Бабкин имел растерянный вид. Очутившись с Ашраповым, Степа тихо спросил:

— Что случилось?

— Газету прихлопнули.

Увидев Степу, Ивина объявила:

— По указанию укома партии задержан в типографии очередной номер нашей газеты.

Степа подошел к столу и увидел макет газеты, лежащий перед Бабкиным. Деев стоял рядом и, наклонив-

шись над столом, быстро читал оттиск газетной полосы.

На лице Ивиной Степа увидел презрительную гримасу.

— Да вы читайте вслух, товарищ Деев, — попросила она.

— Да что читать такую галиматью! — махнул тот рукой и быстро ушел к себе.

Бабкин, швырнув макет газеты, выбежал за ним.

— Что же все-таки там написано? — поинтересовался Степа.

— Очередной фельетон Бабкина! — Ивина кивнула в сторону стола. Только этот явно рассчитан на сочувствие мещански настроенной интеллигенции и отстаивает право поэта на независимость от общества. Подумать только!

В это время в укоме появился Ожиганов. Началось бюро. По всему было видно — вопрос о Бабкине уже решен. Ожиганов достал из кармана газету и, передавая ее Дееву, сказал:

— Читайте!

Деев скороговоркой и с неохотой начал:

— «И солнце изрыгает блевотину на землю, как пьяный, и конь, задравши хвост, несется на улице рьяный...» Какая ерунда! — возмутился Деев.

— Не ерунда, а хулиганство! — уточнила Ивина.

«Урусливый конь», под которым автор фельветона, конечно, подразумевал себя, оказывается, лягает тех, кто в Союзе молодежи мешает «культурным поэтам» писать футуристические стихи и выбросить в мусор Пушкина.

Прочитав фельетон, Деев ждал, что скажет Ожиганов.

Бабкин с видом пострадавшего поэта презрительно оглядывал всех.

— Какие будут предложения? — спросил Ожиганов.

Первой поднялась Ивина.

— Я предлагаю: Бабкину сдать дела. Хватит фокусничать.

Ее предложение приняли единогласно. Бабкин вздохнул, прищурив и без того узкие глаза.

Степа был огорчен. Как-никак, а это был удар по авторитету молодежной газеты. После бюро он зашел к Ольге.

— Кто же все-таки этот Бабкин?

— Ты еще не знаешь Бабкина? — удивилась она. — Работаешь сколько времени и не знаешь, кто он? Родители у него из бывших, хотя Бабкин пишет в анкетах, что он сын служащего.

Ольга села за свой стол. Степе хотелось спросить у нее, кто теперь будет выпускать газету, но она продолжала:

— Бабкина я быстро раскусила. Это типичный самолюб, человек, который мнит себя гением. Терпеть не могу таких.

— И я тоже! — нечаянно выпалил Степа.

— Вижу. Насквозь тебя вижу, — переходя на шутливый тон, продолжала Ивина. — У тебя, на мой взгляд, излишняя стеснительность, а это будет мешать тебе в дальнейшем.

В душе Степа согласился с Ивиной, но подумал: «Почему получается, что я иду на поводу у других?»

Эту мысль Степа вспомнил вечером. В общежитии было тоскливо. Ашрапов где-то пропадал, а с Костей, который лежал на койке и читал книгу, говорить не хотелось. После случая с Чихняевым Степа изменил отношение к нему. Оно и раньше было не особенно дружелюбным, а после того, как Костя был уличен во лжи на бюро, Степа стал относиться к нему более сдержанно.

Улегшись под свое трубое одеяло, Грачев по привычке заложил руки под голову, вспоминая последний разговор с Ольгой. «Чем объяснить, что я легко поддаюсь чужому влиянию?» На этот вопрос он нашел ответ: «Мало знаю, нет опыта и должен поучиться. А вот почему иногда соглашаюсь с чужим мнением, с которым в душе не согласен? Или я трус, или беспринципный». Ему стало не по себе. Быть может, он слишком суров к себе? И ему припомнились случаи, когда он не подчинялся, если кто-либо пытался навязать ему свою волю и свои суждения, делать то, что ему не нравилось. А что касается девушек, то ведь и Шура, и Ольга хорошие, внимательные к нему. Было даже трудно сказать, какая из них лучше. Ему нравятся умные люди, но он не завидует им, а только уважает. Умными Степа считал Ожиганова и Прибыткова, не говоря уж об Ивиной. Он даже как-то спросил Ольгу, почему ему нравятся умные люди. Та ответила:

— Не лгут, просты в обращении, помогают в беде, они чаще всего настоящие люди.

С уходом Бабкина комсомольская газета не выпускалась. В укоме надеялись, что редактора пришлют из губкома, но надежда эта не сбылась. Деев и сам мог бы редактировать газету, но он предпочел остаться в стороне.

Решили созвать бюро.

Редактором по предложению Грачева утвердили Ивину, а его самого назначили уполномоченным по проведению посевной кампании.

С уходом Бабкина бюро стало работать оперативнее. Раньше о содержании номера газеты до его выхода в свет члены бюро ничего не знали. Теперь же все изменилось. Ивина обратилась к членам бюро с просьбой писать в газету статьи и заметки, помогла подготовить материал Степе.

Собравшись в политпросветотделе, горячо обсуждали укомовцы первый, после Бабкина, номер газеты. Хвалили передовую. Ребята знали — статья написана Ивиной. Острие статьи было направлено против мелкобуржуазного влияния на молодежь. В газете была подвергнута суровой критике работа центральной ячейки и центрального клуба.

В день выхода газеты Ашрапов сказал Степе:

— Раньше газета была органом Бабкина, а теперь будет органом Ивиной. Она любит командовать и скоро станет у нас диктатором.

Степе было неприятно это слушать, и он не понимал, почему Ашрапов расходится с Ивиной во взглядах. Из зависти? Но зачем же завидовать? Она же вся на виду и, сколько могла, помогала и Степе, и Ашрапову.

Материалы каждого номера газеты обсуждались коллективно членами бюро, и газета на глазах превращалась в боевой печатный орган. При подготовке к очередному съезду РКСМ среди членов бюро возник спор: что считать главным? Одни предлагали усилить вовлечение в Союз новых членов, другие — расширить культурно-просветительную работу. Ответ дала газета. Под рубрикой «Партийная жизнь» в газете начали появляться заметки с мест, рассказывающие о взаимоотношениях с партийными ячейками.

В уком и раньше поступало от ячеек немало жалоб на ненормальность этих взаимоотношений. Партячейки или уж очень опекали ячейки Союза, или не обращали на них должного внимания. Газета придала этим жало-

бам гласность, и уком партии поддержал ее. В молодежной газете было напечатано открытое письмо укома РКП(б) всем парторганизациям уезда. Уком разъяснил, что успех борьбы за коммунистическое влияние на молодежь зависит от уровня партийного руководства работой ячеек РКСМ.

Незадолго до съезда губком отозвал в свое распоряжение Деева. Степа не жалел об этом. Он считал, что Ивина будет руководить работой не хуже. Его смущало только то, что в телеграмме на имя Деева было сказано: «Сдать дела Ивиной до приезда нового работника». Зачем здесь нужен какой-то новый работник?

Собрав бюро, Ивина сказала:

— Деев поступил неправильно. Он уехал как раз тогда, когда надо держать ответ за свою работу перед уездным съездом. За работу бюро мы отчитаемся, а за Деева пусть краснеют в губкоме.

Составляя отчет, Степа как бы заново переживал все, что ему пришлось пережить за пять месяцев работы в укоме. Его радовали успехи и огорчали промахи в работе.

Посещая фабрики, заводы и мастерские, как ассистент инспектора охраны труда, Степа составлял акты, указывая на недостатки в защите экономических прав молодежи, а вот проверить, что было потом, не удосуживался. Об этом он честно писал в своем отчете.

После отъезда Деева в состав бюро укома был введен Кремнев. Степа начал присматриваться к нему. Он помнил его яркое выступление на первом съезде против мещанского засилия в центральной ячейке и в клубе. Не забыл и поддержку, оказанную Кремневым, когда обсуждалось постановление о его исключении из рядов комсомола. Степе нравился этот плечистый парень с большими руками рабочего. Говорил Кремнев не всегда грамотно, зато всегда точно. На фабрике он работал слесарем и был там на хорошем счету. Если при Дееве Кремнева изредка приглашали на бюро как члена укома, то теперь он стал постоянным участником всех заседаний. Ивина нередко бывала на текстильной фабрике, хорошо знала там всех комсомольцев, и Степа не замечал, чтобы между Ольгой и Кремневым возникло хотя бы раз какое-нибудь разногласие.

За несколько дней до уездного съезда по настоянию Ивиной на бюро укома был поставлен вопрос о работе

центральной ячейки. Зиммера попросили отчитаться. С напускной важностью он начал расписывать успехи ячейки, особенно часто упоминал работу драматической труппы. Первым прервал оратора Кремнев:

— Сколько членов ячейки работает?

— Все. А если кто и не работает на производстве, то числится в составе труппы.

— Именно числится. А на какие средства они живут? За счет своих родителей. А кто эти родители? Буржуи, вот кто они. Да и ведут себя некоторые артистки не по-комсомольски. Вы об этом знали и молчали. Всех, кто захочет остаться в наших рядах и достоин быть членом РКСМ, предлагаю распределить по производственным ячейкам и заставить работать. Так, кто окончил гимназию, надо послать в деревню учить неграмотных.

Зиммер стоял с видом оскорбленного.

— По-вашему, насколько я понял, в Союзе нет места для учащейся молодежи? — По тону, каким был задан вопрос, нетрудно было понять, куда клонит Зиммер.

Ивина резко поднялась с места:

— Нет, мы не против приема в Союз лучших представителей учащейся молодежи. Если на то пошло, то давайте организуем ячейку в школе второй ступени?

Пока Ивина говорила, Ашрапов сидел с опущенной головой. Глядя на него, Степа думал: «Наверняка не согласен и с Ивиной, и с Кремневым». Так и вышло. Попросив слова, Ашрапов не высказал своего мнения, а задал вопрос:

— По Уставу ли мы поступаем?

Вопрос тут же был подхвачен Зиммером.

— Разумеется, не по Уставу. Ликвидировать центральную ячейку вам не позволят!

Степа не утерпел и спросил:

— Кто?

Зиммер не мог не знать, что борьба с проникновением мелкобуржуазного влияния в среду молодежи — одна из первейших задач Союза. Знал он и мнение губкома по организационному вопросу. И, уклоняясь от ответа на прямой вопрос Грачева, сказал:

— Я пойду в уком партии и посоветуюсь.

— Иди. Это твое дело. Но решать будем мы сейчас же, — и обращаясь ко всем членам бюро, Ивина спросила: — Кто за расформирование центральной ячейки и за закрепление ее членов по рабочим ячейкам?

Проголосовали единогласно. Правда, Ашрапов поднял руку вяло, и Степа подумал, не готовит ли он какую-нибудь каверзу.

Опасения Степы подтвердились на съезде. Ашрапов, вопреки истине, обрушился с обвинениями в адрес Ивиной. В укоме будто бы не было товарищеской обстановки, и вопросы решались или предрешались лично Ивиной. Сказал Ашрапов и о том, что Ивина не терпит критики и любит подхалимов. Он прозрачно намекнул, что такие подхалимы есть и в укоме, явно имея в виду Грачева.

Степе стало неприятно, как человеку, которого незаслуженно обидели, и он посмотрел на Ивину. Она, казалось, ничем не выдавала своих чувств, только румянец на ее щеках стал гуще.

Степа знал истинное отношение Ашрапова к Ивиной, да и она знала. Оскорбляло другое: как такой человек, проработавший около года и голосовавший за все предложения Ивиной, теперь от всего отказывается. Не собирается ли Ашрапов таким путем занять ее место в укоме? Думая так, Степа шепнул Ивиной:

— Я выступлю?

— Не смей. Я сама с ним справлюсь, — прошептала она в ответ.

Когда обсуждался проект резолюции по отчету укома, один из делегатов поднялся с места и заявил:

— Я предлагаю на обсуждение другой проект резолюции.

А когда его спросили, от имени кого он вносит этот проект, тот, не смущаясь, ответил:

— От имени беспартийной молодежи.

В зале раздался смех. Кто-то из членов президиума попросил объяснить поточнее, кто же все-таки является автором проекта, вносимой резолюции.

— Ну, Ашрапов, я и еще кое-кто...

Из дальнейших вопросов выяснилось, что, кроме Ашрапова и Зиммера, никто эту резолюцию не поддерживает. Результаты для Ашрапова были плачевны. Его кандидатура в состав нового укома была провалена большинством голосов. Сказать, что Степа только радовался провалу Ашрапова, было бы неверно. Поучителен был сам по себе урок. Легкомыслие и переоценка своих способностей привели Ашрапова к той болезни, которая называется карьеризмом, а заболеть этой болезнью в то

время было нетрудно. Неужели Ашрапов так ничего и не понял из истории Бабкина? Ведь и он тоже пытался играть роль исключительного человека и старался поставить себя выше других.

Слушая заключительное слово Ивиной, Степа понял, что поступил правильно, не выступив против Ашрапова. Он не сумел бы так разоблачить его, как это сделала Ольга. Она логично доказала, что условием справедливости является объективность, а ее-то и не было у Ашрапова. Работу укома, взаимоотношения между его членами он оценивал слишком субъективно, и нетрудно было догадаться, что Ашрапов сам метил в секретари укома. Степа считал, что для роли секретаря он не годится. Слишком опрометчив и самонадеян, да и грамоты у него недостаточно. Ивина прямо не говорила об этих качествах Ашрапова, но она не оставила у делегатов никакого сомнения в том, что бюро укома поступило правильно, расформировав центральную ячейку. А когда Ивина в упор спросила Ашрапова, голосовал ли он за это решение, Ашрапов в ответ промычал что-то невнятное, и все поняли — парень хитрит.

Степу выбрали в новый состав укома единогласно. Ему хотелось поехать на губернский съезд и на Сибирскую конференцию РКСМ, но в день закрытия съезда из губкома было получено письмо о посевной кампании. Губком сообщал, что по разнарядке губземотдела для ячеек уезда отпускаются семена. Письмо губкома зачитали на съезде, и съезд поручил новому составу укома образцово провести сев комсомольских десятин. Степа был уверен в том, что сельские ячейки незамедлительно отзовутся на письмо укома и пришлют свои заявления. Правда, в земотделе его предупредили: семена надо отпускать только ячейкам, которые действительно засеют комсомольские десятины. Ведь может случиться и так: семена возьмут и съедят, потом и взыскивать будет не с кого.

Перед отъездом на губернский съезд Ивина, передавая Степе папку с текущими делами, сказала:

— Если Ашрапов согласится, пошли его на работу в волость.

Степа знал, что Ашрапов посылал заявление в губком и просил отозвать его для работы в другом уезде. Губком переслал заявление в уком. Пришлось разговаривать с Ашраповым официально. У Степы не было ка-

кой-либо озлобленности против Ашрапова, но чувство неприязни оставалось, и, когда Ашрапов пришел в уком для выяснения своего положения, он принял его почти дружески.

— В деревню думаю, — Ашрапов подошел к окну, — скоро весна, в городе ее и не почувствуешь.

— Что же ты там намерен делать? — спросил Степа, выходя из-за стола.

— У нас в горах хорошо! Рыбу буду ловить, сено косить, грибы собирать...

— Стало быть, работу побоку?

Ашрапов молчал.

— Давай говорить начистоту. Мы хотим послать тебя в волость. Как ты на это смотришь?

Ашрапов явно взволновался. Видимо, не ожидал такого предложения и дрожащим голосом ответил:

— В волость? Можно и в волость.

«Парень, видимо, раскаивается, осознал свои промахи. Это хорошо, пойдет на пользу», — думал Степа.

Как-то, роясь в кладовой укома, где были свалены разные брошюрки, Степа наткнулся на сборничек стихов Есенина. О нем он слышал от Бабкина, который отзывался о поэте, как о певце кулацкой деревни и звона церковных колоколов. Степа поверил тогда, а сейчас решил убедиться сам. И странно, доверие к Сергею Есенину росло от стиха к стиху. Картины сельской природы с ее неповторимыми звуками и запахами зримо и ощутимо воспринимались Степой. А вот раздумья поэта об утраченной юности не находили отзвука в его сердце. Он чувствовал себя счастливым. У него возникло желание с кем-нибудь поделиться своими мыслями о стихах Есенина.

На другой день в укоме появилась Поля.

— А я к тебе.

Степа прошел на свое секретарское место и пригласил Полю сесть у стола. Она небрежно придвинула стул, положила на край стола сумочку и начала:

— Без дела хожу. Жить стало не на что. Прошу устроить на работу.

— А ты в какой ячейке на учете?

— К кожзаводу прикрепили.

— Что же ты умеешь делать?

— В аптеку хотела устроиться, понимаешь, я кое-что соображаю в лекарствах.

— Ну и за чем дело встало?

— Заведующий аптекой определенно контра! Он у старого хозяина провизором служил, а теперь прикидывается другом Советской власти. Будь я пролетарского происхождения — другое дело. — Слова эти Поля произнесла с таким искренним сожалением, будто и впрямь хотела быть дочерью рабочего.

— Скажи, Поля, работать будешь честно?

— Ну, что за вопрос?!

Степа позвонил в Чека.

Поля неспокойно заерзала на стуле, а Степа, вызвав кого нужно, сказал в трубку:

— Слушай, у меня сидит девушка... Поля. Да, член РКСМ. Надо помочь ей устроиться в городскую аптеку. Она говорит — место есть, но заведующий аптекой не берет ее из-за непролетарского происхождения. Я пошлю ее к тебе, ладно?

Степа тут же написал записку в Чека, где работал один из членов укома РКСМ и, прежде чем отдать ее Поле, спросил:

— Ты Есенина знаешь?

— Нет, такого не знаю. А он что — комсомолец?

Степа улыбнулся.

— В аптеку зайду обязательно, посмотрю, как ты там работаешь.

Глаза Поли блестели радостно, и, когда она ушла, Степа подумал, что все же очень приятно делать людям добро.

О Есенине Степа спросил у Ивиной при первой же встрече после ее возвращения с Сибирской конференции.

— Это что, очередное увлечение? Слушай, Степа, я заметила — ты увлекаешься то одним, то другим, — начала серьезно Ивина. — Есенина я читала, и мне кажется, что в его поэзии есть много неустоявшегося, есть спорное... Как бы тебе сказать — идущее от старой патриархальной деревни, что ли. Я тебе советую прочитать стихи Некрасова, Кольцова, Никитина. Тогда и поговорим. Истина познается в сравнении, сказал один философ.

Он взял в библиотеке сборник стихов. Читая и перечитывая стихи, Степа убедился, как созвучны революции многие стихотворения Некрасова. Есенин показался ему теперь каким-то односторонним, но все же он не мог не отметить, что стихи Есенина не оставляют равнодушным.

Почему? Степа рискнул спросить об этом старого инспектора. Яшин уже привык к неожиданным вопросам своего ассистента.

Инспектор только что вернулся с паровой мельницы и вид у него был усталый. Но в разговор он вступил охотно, выложив сначала из своего емкого портфеля какие-то бумаги в стол, вытер платком лоб, посмотрел на Степу и сказал чистосердечно:

— Есенина читал мало, судить о нем не могу. А уж если его стихи берут за сердце, значит, в них есть что-то близкое тебе, хорошее. Может быть, это сельское раздолье, природа.

Как-то вскоре после возвращения с конференции Ивина предложила Степе пойти с ней в театр.

— А в чем я пойду?

Ивина осмотрела одежонку Степы, покачала головой.

— Да, надо подумать. — И, помолчав, воскликнула: — Есть выход! Давай напиши в уком партии и попроси единовременное пособие на приобретение костюма. На барахолке можно купить. Я твою просьбу поддержу. — Ивина тут же сунула Степе листок бумаги, и скоро заявление было готово. Ольга написала на заявлении сбоку: «Управляющему делами укома РКП(б). Грачеву необходимо помочь. У него нет приличной одежды».

Первый раз в жизни Степе пришлось обращаться с такой просьбой да еще в уком партии. Через день он получил деньги и тут же побежал на барахолку. Ему удалось купить поношенную студенческую тужурку, брюки и ботинки с галошами. Долой старые сапоги! Светлые казенные пуговицы были отпороты и заменены простыми, брюки чуть подшиты. И, когда Степа, облачившись в новый наряд, появился перед Ивиной, она с любопытством его оглядела.

— Вот видишь! Как я раньше не догадалась? — Понизив голос, добавила: — Видимо, не зря меня называют черствой.

В городском театре Грачев был несколько раз. Но случалось это в дни революционных праздников. Театр был очень хорош. Даже в губернском городе не было такого. Просторный партер, бельэтаж, высокие открытые ложи, вместительные фойе.

Ивина имела постоянный пропуск в театр, а Степе достала разовый. Он пришел за полчаса до начала

спектакля. В фойе прогуливалась пестрая публика. Став у колонны недалеко от входа, Степа поджидал Ольгу. А вот и она в светло-сером шерстяном платье с белым воротничком — просто и строго.

— А я замешкалась. Одна хозяйничаю. Мама уехала в Новониколаевск. Пойдем.

Они вошли в исполкомовскую ложу. Там никого не было. Заиграл небольшой оркестр.

Степа не понимал исполняемой музыки, и ему казалось, что музыканты не играют, а просто «пилят».

Ольга вынула из сумочки небольшой бинокль и начала разглядывать публику. В соседней ложе появились две девушки, и одна из них что-то сказала другой, кивнув в сторону Ивиной.

Степа принялся рассматривать девушек.

Ивина заметила, куда смотрит Степа и спросила:

— Которая тебе больше нравится?

Степа хотел было указать пальцем на ту, которая моложе, с косой, но Ольга придержала его руку и прошептала:

— Показывать пальцем неприлично.

Ставили пьесу «Дурные пастыри» на тему из времен французской революции. Пьеса показалась Степе скучной; мало действия и много разговоров.

После спектакля быстро шли по темной улице. У знакомого дома на углу Глухого переулка остановились.

— Зайдем?

Степа не успел ответить, а Ольга уже открыла дверь парадного. Щелкнул замок в квартирной двери. Ольга включила свет, и вот он в знакомой комнате.

— Раздевайся и растопи буржуйку, — попросила Ольга.

Степа снял шинель. Странно, он как будто только вчера был здесь. Все на прежних местах: и фотография Ольгиного отца на стене, и круглый стол посредине комнаты, и ширма, и потертый диван. Только из дивана и стульев не торчали, как прежде, пружины. А вот книг на этажерке стало больше. Степа хотел уже заняться ими, но, вспомнив наказ Ольги, подошел к буржуйке и, присев на корточки, стал разжигать дрова.

Тем временем Ольга успела переодеться и поставить на печку чайник.

Кутаясь в материнский халат, Ольга села на диван.

Степе захотелось выведать, какие Ольга строит планы на будущее, и он спросил:

— Помнишь, когда я был здесь в первый раз, ты меня спросила, кем бы я хотел быть? Теперь я задаю тебе такой вопрос.

— Моя мечта — университет. Кое-какие на то шансы есть. Но ты не думай, что я все так брошу и уеду, как это сделал Деев. Конечно, меня могли бы взять на работу в губком, но дело не в этом. Я не против любой практической работы, но если чувствуешь, что начинаешь ее перерастать, что она перестает тебя удовлетворять, не засиживайся. Особых талантов у меня нет. Но, получи я высшее образование, пользы людям принесла бы больше. Я люблю русскую литературу и хочу стать филологом.

«Вон куда метит!» — думал Степа, слушая Ольгу, и для ясности задал вопрос:

— Хочешь стать писателем?

— Писатель, наверное, из меня не выйдет, а литературовед, преподаватель, возможно, и получится. Стремление к совершенствованию не есть карьеризм, как думает Ашрапов и еще кое-кто. Нет, карьеризм другое. Карьерист тот, кто берется за дело, которое ему не по плечу или нечестным путем добивается повышения в должности. А, впрочем, наплевать! Давай лучше пить чай.

На другой день Степа получил письмо из Шумиловки. На конверте укомовский адрес. Не подозревая беды, он разорвал конверт. «Родной Степа. Похоронили мы твою матушку. Умерла от сыпного тифа. Болела мало, всего неделю. А как она тебя видеть хотела! В бреду все звала. Мы ей и примочки к голове прикладывали, и настой травы давали пить. Не помогло. Похоронили ее рядом с могилками твоих родных. Ужо приедешь — сходим на могилку». Так под диктовку Анисьи было кем-то написано письмо. Перед мысленным взором Степы мгновенно возник образ матери, вспомнились ее ласки и заботы о нем. Почему не написали о том, что она больна? Ведь он хотел со временем взять ее в город, чтобы жить вместе. И вот теперь... Он никак не хотел верить в то, что мамы больше нет.

Превозмогая боль, Степа тихо поднялся из-за стола и направился к Ивиной. Она сразу поняла, что случилось какое-то несчастье. Степа подал ей письмо, она

быстро пробежала глазами по строчкам и какие-то секунды молчала, а потом встала и подошла к нему.

— Ужасно! Потерять самое дорогое на свете! — голос ее дрогнул.

Она присела на диван и сказала:

— Утешительные слова в такой момент кажутся неубедительными. Садись рядом... Когда стало известно о гибели отца, я не находила себе места. Жизнь тогда показалась мне ненужной, неинтересной. — Она помолчала и, вздохнув, попросила: — Расскажи о своей маме.

— Что я скажу о ней? Жизни она не видела. Схоронила троих детей еще до моего рождения. Да и с отцом ей было не сладко. Выпить любил.

Степа умолк, а Ольга сказала:

— У нас было иначе. — И задумалась.

Степа не находил себе места. За что бы ни брался, мысль о случившейся беде не покидала его. В воображении мать оставалась живой, такой, какой он оставил ее, уезжая из Шумиловки. По вечерам Ивина несколько раз заходила в общежитие и, чтобы отвлечь Грачева, однажды поручила ему побывать в школе второй ступени и подготовить почву для организации там комсомольской ячейки.

После установления в городе Советской власти гимназия была преобразована в школу второй ступени. Помещалась она в одноэтажном здании. Придя в школу, Степа очутился в длинном, со сводчатым потолком коридоре. Пол в нем выложен из тяжелых плит, как в церкви. Не успел Степа сделать несколько шагов, как его остановил человек в старомодном сюртуке.

— Вы к кому, юноша?

— Я из укома. Мне нужно кого-нибудь из членов ученического комитета.

— Пойдемте.

Человек в сюртуке открыл одну из дверей.

— Вот здесь.

Степа увидел склонившуюся над продолговатым столом девушку. Она быстро выпрямилась. «Где же я ее встречал? Ах, да — в театре».

— Вы ко мне?

— Да. Моя фамилия — Грачев.

— Я вас знаю, — она подошла к Степе и крепко, по-мальчишески, сжала его руку. — Лена Жаркова.

Он впервые очутился в городском учебном заведении

и с интересом рассматривал объявления, таблицы, развешанные по стенам.

— Укомовские работники нас не баловали вниманием. Вы первый зашли к нам.

— Мы думаем создать у вас ячейку, — сказал Степа.

— Мы сами давно об этом мечтаем, только вот мешает социальный состав: все больше дети бывших. Правда, у нас были две комсомолки, но они уже окончили школу и их послали учительствовать в деревню. — Лена говорила с каким-то сожалением в голосе. Она охотно рассказала о работе ученического комитета, ее деловой тон ему понравился.

— Какие у вас взаимоотношения с заведующим школой?

— В основном, нормальные. Только, знаете... — Лена замялась, — он ведь тоже из бывших. Директором гимназии был и теперь приспосабливается, пытается угодить.

— А вы? Тоже из бывших? — полюбопытствовал Степа.

— Да как вам сказать. И да, и нет. Я родилась в семье лесничего. Вы, наверное, слышали об озерном лесничестве, оно недалеко от стекольного завода.

— Родители живы?

— Да, и папа по-прежнему лесничий.

Резкий звонок прервал беседу.

— Перемена. Пойдемте в другую комнату.

Они прошли коридор, и в конце его Лена открыла одну из дверей. Грачев очутился в узкой комнате, увешанной и заваленной географическими картами; на подоконнике и на столе стояли глобусы разной величины.

— Нам здесь никто не помешает, — сказала Лена и придвинула Степе стул. — Дня через три-четыре приходите в школу — подготовим собрание.

— Я прошу вас предварительно выяснить, кто из учащихся старших классов пожелает вступить в ряды РКСМ.

— Многие пожелают.

— Да, но не всех желающих можно принимать в Союз. Прошу учесть, что необходим строго индивидуальный подход. Не следует принимать в Союз выходцев из купеческой и поповской среды. В первую очередь поговорите с теми, кто ближе к нам в классовом отношении.

Лена слушала внимательно.

— В общем, побольше таких, как вы.

Лена улыбнулась.

Через несколько дней Степа сидел рядом с Ивиной в небольшом актовом зале школы. Первые ряды заняли педагоги и среди них бывший директор гимназии. Степа почувствовал себя как-то неуютно, чужим. А когда гостей попросили занять места за столом президиума, то ему показалось, что первый ряд смотрит на него с высокомерием. Ивина, как всегда, говорила просто и логично. От ее слов в зале теплело. Заведующий школой и женщины преподаватели сидели с невозмутимым спокойствием. «Это, наверное, те самые классные дамы, о которых писал Гарин-Михайловский», — думал Степа.

В ячейку пожелало записаться пятнадцать человек. Троих не приняли. Секретарем ячейки избрали Жаркову.

XXII

В начале мая Степу вызвали к Ожиганову. В его кабинете сидел председатель Чека — человек с кудлатой головой и завидной физической силы.

— На вот, читай! — Ожиганов приподнялся со стула и подал Степе бумагу.

Секретарь волпарткома Зыков сообщал, что второго мая поздно вечером неизвестно кем убит Прибытков.

— Кто, по-твоему, убил Прибыткова? — спросил председатель Чека.

Ошеломленный Степа ответил не сразу:

— Может быть, Федуловы...

— Они арестованы. Напиши о них все, что знаешь. Для нас это очень важно.

Председатель Чека достал из портфеля чистый бланк протокола допроса с вложенным листом бумаги. Он показал, с какого места следует начать писать.

— Иди к себе, все хорошенько припомни и не торопясь изложи. Фактов побольше, фактов.

— Гады! Надо было раньше их посадить, когда мы в горах были! — зло сказал Степа и посмотрел на Ожиганова.

Ожиганов одобрительно кивнул головой.

Раздумывая о Прибыткове и о том, что напишет, Степа думал и об Анисье, о ее предостережении. Где-то

в глубине сознания назрела мысль о поездке в Шумиловку. «Вот сдам в Чека материал — и на пароход!» Он был почти уверен, что Ивина не задержит его.

Когда он закончил писать объяснение для Чека, ему стало легче и он направился в уком к Ивиной. Рассказав об убийстве Прибыткова, спросил, не следует ли ему съездить в село.

— В Шумиловку тебе действительно надо поехать, но с одним условием: на обратном пути загляни на стекольный завод. Нам пора поставить вопрос о фабрично-заводском ученичестве. — Ольга достала из ящика стола письмо Главпрофобра, подала его Степе. — Тут много полезных указаний. Изучи, подумай, посоветуйся со стекольщиками, потом обсудим на бюро.

Степа купил билет на один из первых рейсов парохода «Киргиз» и сходил проведать Яшина, посоветоваться с ним перед отъездом. Инспектор труда был болен. Степа застал его в постели.

— Пришел? Хорошо! — Яшин оживился. — Ноги вот сдают, отекают, да и сердце. Прожил порядочно. Путь был длинный и трудный, а пожить бы еще надо при новом строе. — Яшин улыбнулся, но улыбка получилась вымученной, как будто он превозмогал боль.

— Поживите! Вы же еще не совсем старик! — подбодрил его Степа, не веря своим словам.

— Все, что живо, неминуемо умирает, кажется, так сказал Энгельс. Стараюсь держаться. Сам посуди: живет, живет человек, что-то делает, к чему-то стремится, ищет, добивается, накапливает жизненный опыт, становится умнее, и вдруг природа сперва намекает, а потом и прямо говорит: хватит! Ныряй в темноту и навечно.— Яшин положил правую руку под голову, помолчал, а затем продолжал: — Вот смотрю я на тебя и мне делается веселее, будто сам моложе становлюсь. А в красивую старость я не верю. Недаром народ говорит: старость — не радость. — Яшин пошевелил опухшими ногами и тяжело повернулся на бок. — Да, не забыть бы: книжку я тебе принес. Возьми вон там, на столике.

«Франц Меринг «Карл Маркс», — прочитал Степа, взяв книгу, а на первом листе рукой Яшина было написано: «Товарищу Грачеву, начинающему марксисту».

— Прекрасная, глубокая книга. Она широко открывает дверь к Марксу. Изучишь — убедишься.

— Спасибо.

Тревожное чувство владело Степой, когда он уходил от Яшина. Не таким привык он видеть его.

Через несколько дней большой обский пароход «Киргиз» увозил Степу к Шумиловке. Оби не узнать. Вешние воды еще крепко держали ее в своих объятиях. Под водой скрывался ее правый берег и целые острова. Из воды торчали деревья, вид у них был, как у людей, попавших в стихийное бедствие. С левого высокого берега кое-где свисали кронами вниз подмытые водой сосны. Степа впервые видел буйство воды. Он помнил Обь осеннюю, тихую, а тут целое море. «Киргиз» смело рассекал мутные воды, ходко несясь вниз по течению.

Из Кудеевской пристани на попутной подводе Степа приехал в Чернушку. Там попросил подводу до Шумиловки. Дорога тяжелая, непролазная грязь. На душе невесело. Он так стремился в Шумиловку, а теперь, когда она была близка, с душевной болью думал о том, что в Шумиловке дома, как такового, у него нет. Дом был, когда была жива мать. А теперь к кому он едет? Матери нет. Прибыткова тоже. Конечно, ему хочется повидать ребят, друзей... Повидать всех разом.

От березовой рощи, где партизаны разгромили колчаковских карателей, Степа пошел пешком. Из лесных глубин тянуло запахом талых вод и прелого листа. Здесь каждая береза ему знакома. А вот и поворот. Завиднелись хаты на косогоре, Лысый камень — место девичьих игр и хороводов. Повеяло родным и близким...

В сельревкоме Степа застал Студенкова. Увидев Грачева, он вынырнул из-за стола и обхватил парня своими длинными руками.

— Сколько же не виделись. А я тебе письмо собирался писать. Давай присядем, разговор есть серьезный...

Сели на широкую лавку. Степа скользнул взглядом по стенам, по столу, по лицу Студенкова. Тот, заметив, спросил:

— Что, постарел?

— Нет, все такой же.

— Я как гриб сушеный, только в сырую погоду помягче становлюсь, — хмыкнул он. — А ты возмужал, совсем взрослым стал. В гору идешь. Это хорошо. Только о нас, обозниках, не забывай. Бывает так: вырвется человек вперед и забыл, что кто-то позади остался. Это у меня присказка, а сказка будет впереди. Вот слушай.

Неладно у нас в Союзе. Ребята, кажись, совсем собираться не стали. Горка в вожаки не подходит. Размазня он. Мое бы дело сторона, да непорядков не люблю, сам знаешь. В секретари, по-моему, больше подходит Дудина сын, с мозгом парень растет. Он ячейку потянет. Груня Занадворова тоже может, она девка звонкая...

Разговор о Прибыткове оба намеренно оттягивали... Но вот Студенков достал платок, поднес его к носу, однако Степа заметил, что он старался скрыть скатившуюся по щеке слезу.

— Порешили ведь Ивана. Вся деревня плакала. Справедливый был человек. За что возьмется — сделает. Подход к людям имел. И мать твоя умерла. — Студенков вздохнул и как-то поспешно заговорил о другом. — Надумали мы сельскую читальню открыть. Основа есть. Книги из библиотеки попа и купчихи Охлопковой я тогда по приказанию Прибыткова припрятал, а то бы мужики на курево растащили.

Из ревкома Степа пошел к Анисье. Ее изба оказалась на замке, и Степа, стоя у крыльца, раздумывал, к кому пойти.

— Степанушка, родной, ты ли это? — окликнули его, и Степа увидел у забора тетку Феклу. — Анисья скоро придет, а ты иди сюда, иди.

Степа перемахнул через изгородь.

— Ты, чать, слыхал, Матвей Коныч помер. — Старуха перекрестилась. — Царство ему небесное. Пойдем в избу.

Уходить с улицы не хотелось, и Степа присел на завалинке под окном. Фекла сходила в сени и принесла скамеечку.

— На своем стульчике и помер. Утром, как всегда, поел и за работу, тут и повалился. Метнулась к нему, гляжу, а он и не дышит. — Фекла вытерла передником глаза: — Беда за бедой. Не успели Матвея Коныча похоронить, убили Ивана. Господи! Прими их души в рай. — Фекла снова перекрестилась. — Сама еле ноги таскаю. Прибрал бы господь и меня, грешную. Жизнь становится невмоготу.

Жалобы Феклы прервал появившийся в воротах Анисьин Рыжик. Степа опять метнулся через забор. Анисья бросила вожжи и очутилась в объятиях Степы. Повзрослевшая Нюрка отвернулась, а Анисья, прижавшись лбом к Степиному плечу, горько заплакала.

— Нету моего Ивана, Степа, нету! Загубили его враги лютые...

Степа дал ей выплакаться, придерживая ее за плечи, а когда она, несколько успокоившись, махнула рукой и направилась к Рыжику, Степа обратился к Нюрке:

— Крепко ты вымахала.

Нюрка застеснялась, покраснела.

— А ты меня узнаешь? — поглаживая Рыжика по холке, спросил Степа. И конь, как бы отвечая, мотнул головой.

Когда пили чай, пришла Груня Занадворова. Пожав крепко Степину руку и сверкая большими выразительными глазами, Груня сразу набросилась:

— Ни письма, ни совета, ни привета! Забросил ты, Степа, нас, зазнался, поди! Виноградова тоже хороша! Взяла и уехала...

— Как? Куда уехала? — удивился Степа.

— Разве ты не знаешь? — в свою очередь удивилась Груня. — Говорят, в другой уезд перевели.

«Вот так Шура! — подумал опечаленный Степа, — даже не написала... Впрочем, я и сам не писал. Все собирался».

Подготовленный Студенковым, Степа не удивлялся, слушая Груню о делах ячейки. Конечно, было бы куда приятнее встретиться запросто, как со старыми товарищами. Но то, что рассказала Груня, возмутило Степу. У него отпало желание повидать сегодня Горку и Тишку, к которым он собирался пойти вечером. Он попросил Груню завтра же созвать комсомольское собрание.

Вечер прошел в разговорах с Анисьей о болезни и смерти матери, о дяде Ване. Потом, ворочаясь на полатях, он долго не мог уснуть. После жизни в городе все виделось и оценивалось в другом свете. И, если бы вдруг ему предложили остаться в Шумиловке, он вряд ли бы согласился.

Такое ощущение еще более усилилось на следующий день, когда Степа пришел в клуб. Портреты и плакаты пожелтели. Книжки и брошюрки лежали в беспорядке. Известка на стенах и на потолке местами облупилась. Только труба граммофона, стоявшего в переднем углу, по-прежнему весело сверкала, живо напоминая Степе первые дни работы клуба.

Появившееся чувство отчужденности начало отсту-

пать, когда в клуб стали собираться члены ячейки. Степу сжимали в объятиях, хлопали по плечу. Только Горка, как показалось Грачеву, чувствовал себя скованно.

Председателем собрания выбрали Дудина. Груня села писать протокол. Горку попросили рассказать о делах ячейки. Он шмыгнул носом.

— Не работали. Ясно. Собрания давно не было. Ну, допустим, я виноват. А другие? Каждого за шиворот, что ли тащить на собрание?

Степа не сдержался:

— Разве работа ячейки сводится только к одним собраниям? — перебил он Горку. — Посмотрите на стены вашего клуба, на шкафчик с книжками. Все ободрано, книжки порваны, в школу не ходите, политграмоту не учите. Так или не так?

Горка опять шмыгнул носом, негромко ответил:

— Так.

— А неорганизованная молодежь ходит к вам?

— А что ей тут делать? — вспыхнула Груня, поднимаясь с места. — Она ходит не к нам, а туда, где можно целоваться и горланить частушки.

— Видишь ли, Груня, отрываться от молодежи нельзя...

— Ты же сам разгонял вечерки, помнишь?

— Разгонял. Но мы неправильно тогда поступали. Частушки можно петь и всем нам — и в клубе, и на улице.

— Много напоешь... Музыка-то где у нас? Один Тимка бренчит на разбитой балалайке...

— Эх, двухрядку бы мне! — мечтательно сказал Дронов разводя руками, будто растягивая меха гармошки.

— Ой, да ты на балалайке-то сперва научись играть! Вечно одно и то же бренчишь.

— И научусь! Дай только двухрядку.

— Дело, товарищи, не в двухрядке, — поднялся опять Степа. — Гармошку можно купить. Вот посеете хлеб, уберете урожай с комсомольских десятин, вернете государству семена, сдадите зерно хлебопродукту, и он заплатит деньгами. На эти деньги можно много сделать: купить гармонь, книги, отремонтировать и получше оборудовать клуб...

— Почему нам об этом не говорили? — возмутилась Груня.

— Не знаю, почему вам об этом не сказали, но это так. Самое главное, вы забыли Устав РКСМ, и я даже сомневаюсь, считать ли вас членами Союза...— Степа заметил, как зашевелились ребята, поглядывая друг на друга, какая растерянность отразилась на их лицах.

— Допустим, Горка виноват в развале работы. Я его не оправдываю. А вы где были?

Все молчали.

— Есть Устав. Переизбрать Горку было нетрудно. Дело в другом, повторяю: в вашем нежелании проявлять себя комсомольцами, состоять в Союзе. Кто не хочет состоять в Союзе — поднимите руки.

Ребята быстро переглянулись, но руки никто не поднял.

— Тогда в чем же дело? Нельзя же быть членом Союза и ничего не делать. Такой пассив нам не нужен.

Груня осмотрела собравшихся и зло сказала:

— Ну хорошо. Вот давайте спросим Дронова, что он сделал для Союза?

— Ты сама себя спроси, — отпарировал Дронов.

— Пока о тебе разговор. Если есть совесть, если болеешь за Союз — будешь работать. Бумажных членов нам не надо. Я все сказала.

— Правильно сказала, — похвалил Степа. — Я предлагаю Горку переизбрать. Кого предлагаете в секретари? —спросил Степа, скользя взглядом по лицам ребят.

— Дудина, Дудина! — отозвалось несколько голосов.

— Кого еще?

Других не выдвигали.

— Тогда ставим вопрос на голосование. Кто за Дудина? Все. Единогласно. Хорошо. Итак, секретаря мы выбрали. А дальше что? Какая у вас теперь главная задача? — спросил Степа.

Ребята молчали. Наконец кто-то сказал:

— Ликбез.

— Ликбез — дело важное, но и хлеб нужен стране. Рабочим он нужен. Вы досыта едите?

— Хватает.

— А рабочим не хватает. Вы знаете, какой паек я получаю? Восемь фунтов овсяной муки, два фунта пшена и бутылку постного масла... в месяц.

— Неужели? — удивился Дудин.

— Как же ты живешь? — серьезно спросила Груня.

— Коммуной живем. А иногда спать ляжем — и сон не идет: в животе пусто.

— Бедненький! — сочувственно отозвался девичий голос.

— Получил наряд на семена? — обратился Степа к Горке.

— Получил.

— Где же он?

— У меня в папке.

Горка достал из ящика стола тощенькую папку, извлек из нее лист бумаги и подал Степе.

— А письмо из укома?

— Здесь же у меня.

— Читал комсомольцам?

Горка промолчал.

Степа прочитал вслух укомовское письмо о посевной кампании и, передавая Дудину наряд, твердо сказал:

— Семена получи завтра же. Сам поедешь на пристань?

— Я поеду, — решительно заявил Горка. Ему хотелось чем-то загладить свою вину.

— И я, — отозвался Дронов. — Дорога плохая, и я поеду с Горкой на паре.

Чувство недовольства работой ячейки не покинуло Степу и после собрания. Правда, шумиловская ячейка в этом отношении не была исключением. Перечитывая в укоме отчеты сельских ячеек, Степа не мог не заметить пассивности в их работе. И, что самое главное, ячейки слабо росли, мал был приток новых членов. Где же причина? С таким вопросом Степа обратился к Ивиной, когда она составляла отчет уездному съезду. Она тогда ответила:

— Гражданская война окончилась, революционный пыл остыл. Начались будничные дела. Теперь нужны другие методы работы на селе.

А вот какие другие — она не сказала, наверное, и сама еще не знала. И Степа не знал.

Перед отъездом из Шумиловки Степа попросил Анисью сходить с ним на кладбище. Вечерело. От редких берез на могилы ложились тени. А вот и могила в деревянной оградке. Тумба с пятиконечной звездой. Здесь нашел вечное пристанище Иван. Постояли молча и тихо направились к могиле матери. Многое, многое припом-

нилось Степе в то короткое время, которое он провел у этого небольшого бугорка, где покоится самое родное. Еще так недавно мама была с ним, любила его и заботилась о нем. Его мама...

С кладбища возвращались каждый со своими думами, каждый по-своему переживал утрату дорогих людей.

Утром за Степой прибежал из сельревкома сельисполнитель.

— Студенков послал. Бумага какая-то, слышал, пришла. Важная, говорит. Пущай, говорит, на рысях бежит... — докладывал малознакомый Степе мужик, размахивая руками.

Неизвестность волновала воображение. Какая бумага, по какому поводу и кому адресована? Вопрос за вопросом возникали в сознании Степы и оставались без ответа.

В ревкоме Степу встретил Студенков:

— Понимаешь ты, оказия какая! Из Чернушки передали приказание немедля выехать тебе в город.

— От кого приказание? Зачем ехать?

— Да ты не горячись! — скрипел Студенков и, подавая Степе телеграмму, указал на скамью: «Садись, мол».

«Выезжай немедленно уком. Ивина». — Прочитал Степа и задумался. Хорошо сказать выезжай, да еще «немедленно» в такую-то распутицу. Сюда с трудом добрался.

— До пристани вмиг доставим, а там, глядишь, и пароход подвернется, — попытался успокоить расстроившегося парня Студенков. — Дело, должно быть, государственное, раз спешно вызывают.

Пока Студенков наряжал подводу, Степа сбегал к Анисье проститься с ней. Ей же он оставил вещи матери, себе на память взял ее гребенку и кашемировый платок, который она носила только по праздникам.

Вернувшись в город, Степа сразу же пошел в уком. Было около десяти утра. Он не замечал ни ясного майского солнца, ни одевавшихся в зеленый наряд деревьев. Ивину он застал в кабинете и, не успев закрыть за собой дверь, спросил:

— Что случилось?

— Да ты разденься сначала, — спокойно предложила Ивина. — Представляешь, все произошло неожи-

данно. На, читай. — Ивина подала Степе телеграмму.

«Срочно командируйте одного из ответственных комсомольских работников Москву на курсы при Коммунистическом университете», — прочитал Степа.

— Ты понимаешь, при Коммунистическом университете! И мы решили послать тебя. Я, правда, колебалась, но Ожиганов настоял.

К удивлению Ольги, Степа круто повернулся и стремительно вышел из кабинета. Он решил немедленно повидать Ожиганова и поблагодарить его. «Учиться! Я еду учиться в Москву!» — ликовало все его существо.

— Я к вам, Борис Андреевич! — крикнул Степа, едва войдя в кабинет секретаря укома партии.

— Вижу! — голос Ожиганова прозвучал радостно и возвышенно. Потирая руки, он вышел из-за стола навстречу Степе.

— Я пришел поблагодарить вас...

— Меня? — удивился Ожиганов. — За что же? Я и сам подумываю об учебе, а таких, как ты, обязательно учить надо. Партии нужны грамотные во всех отношениях кадры, свои кадры — из рабочих и крестьян, — подчеркнул Ожиганов. — Настанет время, когда на одних митингах и лозунгах далеко не уедешь. Так или не так говорил Ленин на Всероссийском съезде?

— Так.

— Вот почему мы тебя и посылаем на учебу, и благодарить меня не за что. Как сложится твоя жизнь — не знаю, но путь ты избрал верный.

XXIII

Дни учебы на коммунистических курсах в Москве пролетели так быстро, будто время нарочно ускорило свой бег. Сколько интересных лекций прослушал Степа, сколько интересных прочитал книг! Было досадно, когда лекторы, начиная свои предметы, предупреждали, что они из-за недостатка отведенного им учебного времени не могут развернуть свой курс.

Степа больше всего увлекался историей развития общественных форм. Маститый профессор, читавший этот курс, не раз откровенно говорил, что марксист он еще «молодой» и поэтому не ручается за подлинное марксистское изложение курса. Как в сказке рисова-

лись в голове Степы картины первобытного, родового, рабовладельческого, феодального и капиталистического обществ. Наиболее интересными, как казалось Степе, были античная эпоха и эпоха Возрождения. Может быть, именно потому, что вопросы искусства занимали в лекциях профессора большое место.

Грачев проштудировал книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», усиленно рекомендованную профессором, и это помогло ему лучше осмыслить историю развития общественных форм.

Хуже было с политэкономией. «Капитал» Карла Маркса давался нелегко. Общий краткий курс философии казался Степе проще. Увлекал и курс географии. Читал этот курс старорежимный профессор. Обычно он приходил на занятия со своим ассистентом, которого курсанты окрестили чучелом. Вероятно, потому, что одет он был в костюм явно с чужого плеча. Не обращая внимания на курсантов, ассистент развертывал географические карты, развешивал их на стене и брал в руку указку.

Лекцию профессор начинал одними и теми же словами:

— Ну-с, господа, сейчас мы совершим небольшое путешествие вот в этом участке земного шара.

Он поворачивался к карте, и ассистент тыкал указкой в то место, куда «должны были совершить путешествие». Как-то после лекции курсанты спросили у профессора: «Почему вы называете нас господами?» Профессор хитро улыбнулся и быстро ответил:

— А как же, ведь все мы теперь господа жизни. В «Интернационале» как поется: «Кто был ничем, тот станет всем».

Попробуй возрази!

После итоговых бесед с профессорами и преподавателями Степа получил справку о том, что он успешно окончил коммунистические курсы. С этой справкой Грачев направился в ЦК РКСМ. Там решался вопрос, где ему работать. Инструктор ЦК, ведавший предварительным распределением курсантов, настойчиво уговаривал его ехать на комсомольскую работу в Барабинск. Степа просился на Алтай. Он не знал, что в папке инструктора лежит письмо Ивиной с просьбой вернуть Грачева на работу в уком. Инструктор, забрав справку об оконча-

нии Грачевым курсов, вышел и вскоре вернулся. В руках он держал командировочное удостоверение, где было сказано, что курсант Грачев направляется в распоряжение Алтайского губкома РКСМ. Вручая удостоверение Степе, инструктор сказал:

— Иди к управделами. Там получишь деньги и продукты на дорогу.

В то памятное утро, когда надо было расставаться и с товарищами по курсам, и с Москвой, Степа как человек, с которого разом свалились все заботы, спал долго. Проснувшись, удивился тишине. Косые лучи осеннего солнца скользили по пустым койкам и столикам. Большинство курсантов уже разъехались кто куда. Степа вспомнил вчерашний разговор в ЦК РКСМ и был доволен, что едет домой, в свой уком. Позавтракав ломтем черствого хлеба и сухой воблой, — на дорогу ему дали несколько вобл, полфунта сахару и буханку хлеба, — Степа решил побродить перед отъездом по Москве. Прямо на улице, напротив общежития, худая маленькая старушка торговала ржавой селедкой. Она держала одну рыбину за хвост и тихо, монотонно бубнила прохожим:

— Меняю на хлеб, меняю на хлеб. Молодой человек, вам нужна жирная селедка?

В столовой общежития каждый день давали суп из селедочных голов. Он опротивел настолько, что Степа просто не выносил селедочного запаха. День был теплый — стояла благодатная пора бабьего лета. Целую неделю перед этим моросил дождь, и теперь москвичи высыпали на улицы и скверы, отдыхая от надоевшей сырости. Степа пробирался на Красную площадь. Ему казалось, что там он обязательно встретит машину с Лениным. У одной из лавчонок в Охотном ряду Степа услышал разговор о голоде в Поволжье. Худой крестьянин в лаптях говорил сгрудившимся вокруг него людям:

— Как же, я недавно из Самары приехал. Мрет народ вповалку. В нашей деревне, почитай, половины не осталось...

В Москве много судачили о голоде, преувеличивая то, о чем писали в газетах. «Может, и на Алтае голод», — подумал Степа, слушая мужика. — Нет, не должно быть. Иначе Ивина написала бы». Как-то совсем незаметно он вышел на Красную площадь.

За собором Василия Блаженного сгрудились трамваи — вероятно, случилась авария. Один трамвай застыл

в самом центре площади. Бранясь, люди выходили из вагона и расходились в разные стороны. Степа остановился возле Спасских ворот и стал ждать: не появится ли машина с Лениным. Он запомнил эту машину в тот день, когда вместе с толпой делегатов провожал Ленина после его выступления на Третьем Всероссийском съезде РКСМ. Постояв, Степа обошел ряды братских могил у стен Кремля и почему-то вспомнил, как они хоронили чоновцев в горах Алтая после разгрома бандитского отряда. «Погибли за Советскую власть и тут, в Москве, и там в горах». Степа снял кепку, постоял и вернулся поближе к Спасским воротам. Машины не появлялись. Прошагала строем группа курсантов...

Вернувшись в общежитие, Грачев сложил книжки в вещевой мешок и, перед тем как уйти на Ярославский вокзал, зашел к вахтеру и сказал, что он уезжает. Тот посмотрел командировочное удостоверение и, пожав руку, пожелал Степе доброго пути.

* * *

После продолжительной отлучки все прежнее, давно знакомое и привычное кажется каким-то другим. Как будто время накладывает на все свой отпечаток, хотя в общем все осталось тем же. Идя с вокзала в губком, Степа другими глазами глядел на город. После Москвы все было маленьким, незначительным, даже люди не такие — медлительные и спокойные. Не было московской толкотни, суетливости.

В коридоре губкома ему встретился управделами.

— А, Грачев! — улыбаясь, закричал он еще издали. — Вернулся? Опять что-нибудь для своих клянчить станешь?

— Пока нет, а там видно будет. Казановский у себя?

Лицо управляющего делами мгновенно преобразилось — стало печально-строгим. Пожав Степе руку, он тихо ответил:

— Похоронили его недавно — ездил в командировку, привез брюшной тиф. Вот такие-то дела. Секретарем теперь Гуров. Ты знаешь его?

Степа не ответил.

— Пойдем, я тебя познакомлю.

Гуров, небольшого роста парень с живыми карими глазами, сидел за столом, читая какие-то бумаги.

— Знакомьтесь, — сказал управделами, пропуская вперед Грачева.

— Да мы, кажется, видели друг друга, — ответил Гуров, поднимаясь из-за стола. — Ты ведь Грачев?

— Да. Мы на губернском съезде с вами встречались, — припомнил Степа.

После расспросов о Москве, о курсах Гуров показал телеграмму Ивиной. В ней было сказано: «Настаиваем возвращении Грачева на прежнюю работу».

— Это меня устраивает, — заявил Степа, пробежав глазами телеграмму. — Вот мои документы.

Он выложил на стол удостоверение об окончании курсов и направление ЦК РКСМ. Гуров внимательно прочитал то и другое. Удостоверение вернул, а направление положил себе в стол.

— Работа по защите экономических прав рабочей молодежи приобретает теперь, в связи с новой экономической политикой, особое значение. Нэпманы открывают частные мастерские, нанимают подростков, будут их нещадно эксплуатировать. Вот тут-то мы и должны глядеть в оба. — Помолчав, Гуров добавил: — Впрочем, начнешь работать — сам поймешь что к чему. Передай привет Ивиной. Если что — пиши.

Степа так и не понял, для чего это было сказано, однако подумал, что Гуров, видимо, имел в виду ту нездоровую обстановку, которая была в укоме при Дееве и Бабкине.

В свой город Степа приехал утром. Дул сильный, холодный ветер, срывая с деревьев последние листочки. Здесь уже стояла глубокая осень, в воздухе попахивало заморозками.

В общежитии было пусто. Порядок, вернее беспорядок, был таким же, как и тогда, когда Степа впервые вошел в эту комнату. Койка, на которой он спал, оказалась занятой. «Ничего, что-нибудь найдут», — подумал он и, оставив вещевой мешок у сторожихи, направился к Ивиной. Не терпелось узнать, как уком сейчас работает, какие изменения произошли без него.

Ольга с кем-то разговаривала по телефону. Увидев неожиданно вошедшего в кабинет Степу, она громко охнула, крикнула в трубку: «Я позже сама вам позвоню», — и бросила ее на рычаг. Потом как-то боком, не-

уклюже вышла из-за стола, сделала несколько шагов навстречу, остановилась и, радостно улыбаясь, прошептала:

— Вот кого не ожидала увидеть сегодня, так это тебя. Ну, здравствуй, товарищ Грачев.

Степа крепко стиснул ее тонкую худенькую ладонь.

— Ладно, вижу, что возмужал, — засмеялась она. — Ну, рассказывай, какими ветрами, надолго ли?

— Надолго, — кивнул Степа.

— А я боялась, что после курсов ты не вернешься. Поэтому написала письма в ЦК и телеграмму Гурову. Да что ж это мы стоим, — вдруг спохватилась Ивина. — Присаживайся на диван.

Ольга тоже села, только чуть подальше, чтобы лучше было видно Грачева.

— Рассказывай давай, как учеба, как Москва? Ишь, какой важный стал. Что там нового? Видел ли Ленина? Нет, обожди. — Она соскочила с дивана и заперла дверь на защелку.

Степа стал рассказывать, где жил, какие лекции слушал, как одолевал «Капитал». Ивина вздохнула.

— Не одному тебе, всем «Капитал» трудно дается, зато когда начинаешь понимать — нет ничего интересней.

Не перебивая, Ольга слушала Степу. Когда он наконец кончил, она встала и молча зашагала по кабинету.

— Завидую тебе. Побывать в Москве, прослушать столько интересных лекций, это здорово. Ну, а у нас дела такие...

Лицо ее стало серьезным, решительным. Теперь она снова была секретарем укома.

С труппой все кончено. Попробовали ее обновить — влить в нее наш пролетарский элемент, но барышни надули губки и перестали ходить на репетиции. Вот так — посоветовались с укомом партии и решили труппу распустить. Центральный клуб тоже перестал действовать.

Степа удивленно взглянул на Ивину.

— Да, да, распустили. А что оставалось делать! Решения десятого съезда партии изучал?

Степа кивнул.

— Ну так вот. Начался переход от военного коммунизма к новой экономической политике. Нам надо восстанавливать хозяйство, кончать с разрухой. А обывателю до этого нет никакого дела.

Ольга села за стол.

— Они нам будут мешать и, конечно же, используют новую экономическую политику в своих интересах, начнут спекулировать. Из центральной ячейки само по себе выбыло более половины состава членов. Держать клуб для горсточки обывателей мы не стали. Уцелевшую мебель, рояль и пианино передали в рабочие клубы. Там надо теперь больше работать. Балы, маскарады теперь в клубе пожарников — рассаднике мещанства. Надо бы им всерьез заняться — молодежь портить мы не дадим. Но это, так сказать, для сведения. Тебе придется опять брать на себя защиту экономических прав молодежи и работать нашим представителем в отделе труда. Дела там сейчас идут как в земской канцелярии — ни шатко ни валко. Если разобраться, то работы там невпроворот. Да, а где твои вещи?

— У сторожихи общежития оставил.

— Твоя койка занята, но у нас есть одна свободная комната. Помнишь, в которой жила инструктор женотдела? Возьми ключ у завхоза и занимай. На днях я к тебе загляну. Посмотрю, как устроился.

Отдел труда теперь был уже не тот. Прибавилось два новых инспектора: технический и санитарный. Технический инспектор Степе не понравился. Пафнутий Никонович небольшого роста, ходил скособочившись, говорил всегда каким-то назидательным тоном и ворчал по каждому поводу. Совсем другим человеком был санитарный инспектор Шевко. Круглолицый, с голубыми веселыми глазами, с открытой душой — про таких говорят, рубаха-парень. У него была природная способность заразительно смеяться. Даже капризный и вечно ворчливый Пафнутий Никонович начинал улыбаться, когда Шевко что-нибудь рассказывал.

Первым объектом, намеченным для всестороннего обследования состояния охраны труда, был кирпичный завод. Добраться до него было непросто — завод располагался на окраине города у высокого глинистого обрыва. Как только инспекторы вышли на улицу, Шевко вдруг свистнул и сказал:

— Вы как хотите, а я поеду на завод в собственной карете.

— Где же ты ее сыщешь? — недовольно пробурчал Пафнутий Никонович. — Я бы не прочь проехаться, чем топать несколько верст.

— Вы пока идите. Кто ищет — тот находит, а я вас догоню.

И Шевко, перебежав улицу, скрылся в узком переулке.

— Баламут, — сказал Пафнутий Никонович, когда они остались со Степой вдвоем. — Ишь чего придумал: собственная карета!

Однако минут через пятнадцать их догнала низенькая монгольская лошадка, запряженная в телегу. На телеге вместе со стариком возчиком сидел улыбающийся Шевко.

— Господа, прошу занять места, — крикнул он, показывая на телегу.

Пафнутий Никонович удивленно посмотрел на остановившуюся лошадь, покачал головой. Когда лошадь тронулась, Пафнутий Никонович толкнул Шевко в бок и осторожно спросил:

— За сколько нанял?

— За бесплатно, Пафнутий Никонович, — рассмеялся Шевко. — Они, — он кивнул на возчика, — кирпич с завода на стройку возят.

Пафнутий Никонович облегченно вздохнул, и на его лице появилось подобие улыбки. Степа вспомнил наставление Ивиной — она просила его обратить внимание на качество кирпича. «Понимаешь, — говорила она. — Теперь мы работаем на себя, а не на хозяев. И у некоторой части рабочих понизилось чувство ответственности за свое дело. Раньше они дрожали за свое место, чуть что не так — хозяин выгонял нерадивых. Сейчас рабочие чувствуют себя свободно — это хорошо, но у некоторых эта свобода превращается в халатность. Таких надо воспитывать, надо добиться понимания ими, что, работая на государство вообще, они в то же время работают и на себя лично».

Степа пододвинулся к возчику, тронул его за локоть:

— Скажи, довольны ли печники кирпичом?

— А ты что, начальник какой? — спросил тот в свою очередь у Степы.

— Да как вам сказать, я из укома комсомола. Сейчас мы все начальники и хозяева. На себя же работаем.

— А-а, — понимающе кивнул головой старик, — понятно, — и, подняв кнут, закричал на лошадь: — Чего, чего задремала, я те покажу! А ну пошла!

Возчик хлестнул лошаденку кнутом, ответил:

— Хреновый кирпич — об коленку переломить можно. Раньше лучше был. Хозяин, почитай, каждый кирпич проверял, на прочность пробовал. Не дай бог расколется какой — штрафовал или гнал в шею. А теперь кому следить?

Степа решил обязательно поговорить с комсомольцами завода насчет качества. «Так и сказать им: раньше был один хозяин, а теперь вы все хозяева, все несете ответственность за работу завода».

Подъехали к заводскому управлению. Заметив незнакомых людей, из дома вышел интеллигентного вида высокий мужчина в шляпе и поинтересовался: кто такие?

— Из отдела труда, комиссия, — представился Пафнутий Никонович.

— Очень приятно познакомиться, — слащавым голосом сказал мужчина. — Я управляющий Мирнов. Мы, кажется, не знакомы.

Он каждому пожал руку и, суетливо оглядываясь, спросил, что комиссия будет проверять. Голос его и услужливые манеры Степе не понравились, и он решил сразу держать себя с ним независимо. Впрочем, Степу и Шевко, как более молодых, управляющий сразу посчитал людьми в комиссии второстепенными и все свое внимание сосредоточил на важном и суровом Пафнутии Никоновиче. Когда технический инспектор недовольно заметил, что двор кирпичного завода захламлен обломками кирпича и комьями засохшей глины, управляющий услужливо поддакнул:

— Совершенно с вами согласен — непорядок. Недоглядели. Сегодня же прикажу все очистить. Спасибо вам, товарищи, за справедливое замечание. Между прочим, я сам об этом раньше думал. Да вот все погода стояла дождливая. А теперь приморозило. Обязательно наведем порядок, вы не волнуйтесь.

В ответ Пафнутий Никонович как-то неопределенно хмыкнул, но Степа заметил, что льстивые и услужливые слова руководителя завода сделали свое дело: технический инспектор подобрел. Ему, видно, нравилось то внимание, какое оказывал ему управляющий. «Ну и лиса этот Мирнов, — подумал Степа. — Обведет он нас вокруг пальца. Ну, ничего, мы еще посмотрим».

— Давай-ка отстанем от них, — сказал он Шевко, — а то этот Цицерон нас вконец заговорит.

— Это уж точно, говорить он умеет, видно, научил-

ся при господах, — засмеялся санитарный инспектор. — Пусть они идут себе.

На кирпичном заводе Грачев был впервые. Здесь все его интересовало, все казалось необычным. Они взобрались на громадную печь, в которой обжигали кирпич, и осторожно, словно опасаясь провалиться, пошли по ее плоской мощной спине. В ней было множество отверстий, прикрытых тяжелыми чугунными крышками. Когда рабочий открыл одну, чтобы в бурлящее огнем чрево печи засыпать уголь, Степа увидел (или, быть может, ему это показалось), раскаленные добела ряды кирпичей. Из отверстия обдало жаром. Лицо рабочего сразу же покрылось крапинками грязного пота и стало багровым.

Спустившись вниз, Грачев подошел к Мирнову, который, оставив на минуту Пафнутия Никоновича, о чем-то резко говорил с пожилым рабочим.

— Скажите, как называется эта печь?

— Гофмановская, — сразу же вежливо откликнулся управляющий. — Названа по имени конструктора, некоего Гофмана.

Шевко, который в это время следил, как из одного сектора печи выгружают готовые кирпичи, вдруг, повернувшись, спросил:

— А вы давно на заводе?

— Нет, недавно.

— Вас прислали как специалиста?

— Скорее всего как хозяйственника... У вас будут еще вопросы? — чуть помолчав, спросил он у Шевко. — Если нет, тогда я, с вашего разрешения, пойду к Пафнутию Никоновичу. Впрочем, я всегда к вашим услугам.

Он вежливо поклонился и быстро отошел к техническому инспектору. Шевко остался у печи, а Степа отправился искать секретаря комсомольской ячейки завода Круглова.

Секретарь ячейки, коренастый, веснушчатый парень с огненными встрепанными волосами, которые лихо выбивались из-под старой облезлой шапки, работал в цехе приготовления сырца. Здесь было сыро, грязно.

— Здравствуйте, меня ищите? Какими судьбами к нам?

Он хотел протянуть Степе руку, но рука была в сырой глине, и Круглов, извинившись улыбкой, только кивнул головой.

— Я тут с комиссией, — сказал Грачев. — А к тебе у меня особое дело. Слушай, Круглов, плохой вы кирпич делаете. Потребители недовольны. Надо нам с тобой обсудить этот вопрос, чтобы твои комсомольцы взяли качество под контроль.

— Да я и сам думал об этом, — ответил секретарь ячейки, и лицо его сразу стало серьезным. — Только не просто все. Поговорю с ребятами, может, что-нибудь придумаем.

— Что если создать специальную группу из комсомольцев, подобрать в нее надежных ребят, устроить дежурство по дням, — предложил Степа.

— Может, и так.

— Давай договоримся: ты продумай все и приходи в уком. Там все взвесим, если нужна будет какая помощь — пойдем навстречу вам.

— Помощь понадобится, управляющий у нас спец — ему на все наплевать. Отсиживается он тут, ждет лучших времен.

Каких лучших времен дожидался управляющий заводом, Степа узнал очень скоро. Перед концом проверки Мирнов подошел к нему и с наигранным любопытством сказал:

— Пафнутий Никонович сообщил мне, что вы работаете в укоме комсомола и, так сказать, человек политически грамотный. Я вот о чем хотел спросить вас: теперь много говорят о новой экономической политике, будто даже заводы будут возвращать прежним хозяевам. Что это, правда или разговоры?

В вопросе управляющего Степа уловил глубоко спрятанное волнение и потому ответил не сразу. Он вспомнил лекции, которые прослушивал на курсах в Москве. На них часто говорили о нэпе.

— Да, государство разрешит некоторым бывшим владельцам открыть мелкие предприятия, но оно не позволит эксплуатировать рабочих, как раньше, загребать себе всю прибыль. Но производство кирпича — дело выгодное, и завод никогда и никому не отдадут.

— Да... — протянул Мирнов.

— На вашем месте я бы не об этом сейчас думал, — вдруг резко сказал Степа, — а о том, как улучшить качество кирпича, давать его больше.

— О чем это вы тут спорите? — спросил подошедший Пафнутий Никонович.

— О политике, — уклончиво ответил Мирнов и сразу же перевел разговор на другую тему. — Если проверка закончилась, не угодно ли, Пафнутий Никонович, вам с товарищами ко мне домой пройти. Кстати, я и супругу предупредил. Давайте немного закусим, да и время обеденное.

Пафнутий Никонович, покосившись на Грачева, как-то неопределенно крякнул.

— Лично я не против, — сказал Шевко. — Чего там, подкрепиться не мешает. По своему делу я уж все проверил.

— Ну вот и хорошо. Идемте, товарищи, — обрадованно подхватил Мирнов. — Жена ждет не дождется.

Встретила их дородная, красивая женщина в цветастом халате.

— Моя супруга Анна Сергеевна, — представил жену Мирнов.

В небольшой уютной гостиной уже был накрыт стол, в центре его красовался графин розоватого стекла.

«Самогон!» — догадался Степа, а Шевко, подмигнув ему, тихо шепнул:

— Ну, брат, живем!

Степе все это не понравилось. Он вспомнил, что Яшин после обследования шел в контору завода или фабрики, составлял акт в присутствии управляющего или заведующего, спорил, доказывал, если те с чем-нибудь не соглашались. А чтобы заходить в гости к тому, чью работу проверяли, такого не случалось. Но отступать было поздно, и Грачев со всеми прошел к столу. Когда все расселись, хозяин поднялся из-за стола и, потирая руки, весело спросил:

— Ну-с, для начала, товарищи, полагается...

— Составить акт, — просто и спокойно перебил его Степа. — Покушать успеем, а вот некоторые критические замечания, которые должны быть отмечены в акте, после обеда могут забыться. Я правильно говорю, Пафнутий Никонович?

Технический инспектор, который уже воткнул вилку в кусок копченого сала, замер и густо покраснел.

— У вас, Пафнутий Никонович, как мне помнится, было много таких замечаний. С этого и начнем.

Наступило неловкое молчание. Степа почувствовал, что и Шевко не ожидал, что так повернется, — опустив голову, он боялся поднять глаза.

— Да что вы, что вы! Ну какая же может быть еще работа на пустой желудок. Успокойтесь, закусите, а то все горячее остынет, — тогда и за дело. — Хозяйка засуетилась, прижала руки к груди, не знала, что еще сказать, как убедить гостей.

Все посмотрели на Степу.

— Нет уж, давайте все-таки акт составим сразу, а потом все остальное.

Пафнутий Никонович пожал плечами, покосился на управляющего, как бы оправдываясь: вот, дескать, какой у нас укомовец.

Степа уже держался спокойнее — нервная, тягостная атмосфера начала спадать. Акт был составлен по всей форме, со всеми критическими замечаниями. Степа записал в нем и то, что качество кирпича плохое и что руководству завода нужно обратить на это серьезное внимание.

Когда все расписались, Степа хотел было встать из-за стола. Стоявший рядом Мирнов мягко удержал его за плечи.

— Не одной же работой жив человек, товарищ Грачев. Прошу вас: ну, поешьте хоть немного — где вы чего найдете в городе, пока доберетесь.

— В самом деле, разумное предложение, — пропыхтел Пафнутий Никонович. — А то придется лечь спать не емши — так голодный и провозишься с бока на бок всю ночь.

— Акт составлен — дело сделано, — смущенно заметил Шевко, не в силах оторвать взгляда от пельменей, красной рыбы, пшеничного хлеба.

«Как поступить в этом случае? Ведь и товарищи, и я сам, это уж верно, останемся голодными». Степа разглядывал узоры скатерти, чувствовал, что все сейчас смотрят на него, ожидают его решения. А какое может быть решение — он не знал. С одной стороны, нельзя быть уж таким принципиальным — что тут особенного — закусить малость с товарищами у служащего новой власти. С другой стороны, этот служащий, ясно же, какой он окраски, и, может быть, с ним еще не раз придется столкнуться. А как бы на его месте поступили Прибытков, Ожиганов, Ивина? При этой мысли Степа решительно встал:

— Спасибо за приглашение, — он посмотрел на Мирнова и его жену, — а вы, — он перевел взгляд на

Пафнутия Никоновича и Шевко, — как хотите. Можете оставаться. До свидания.

И хотя, что говорить, желудок мучили холодновато-ноющие спазмы, Степа шагал в город с сознанием одержанной победы. Над собой, над Мирновым, над Пафнутием Никоновичем. Вдруг он услышал позади тяжелый топот, оглянулся. Его догонял Шевко.

— Ну тебя, Грачев. С тобой пропадешь, — сказал он шутя. — Извини, я рюмку одну-единственную опрокинул — меня, кажется, на заводе просквозило, да и до города еще топать да топать. Закусить не успел — хозяйка в дверях сунула вот краюху хлеба да рыбеху — на, замори червячка.

Шевко насильно втолкнул в ладонь Степы кусок хлеба и полрыбины.

— Все веселей идти. — Грачев чувствовал, что Шевко подмигнул ему, но в сгущавшихся сумерках он этого не видел.

— А где Пафнутий? — спросил Степа.

— Хе, нашел о ком беспокоиться. Этот человек еще тот. Остался. Сказал мне, что догонит нас на телеге. Ему это Мирнов обещал — он, наверно, рассчитывал, что мы выйдем от него на четвереньках, и заранее предупредил одного возчика. В общем, Пафнутий и напьется, и нажрется, и на лошади до самого дома доедет.

— Ты что, завидуешь ему? — Степа остановился, стал вглядываться в лицо Шевко.

— Избави бог, — отмахнулся тот. — Завидовал бы — остался, а я, как видишь, предпочел твою компанию.

Шевко оказался прав: минут через двадцать их нагнала грохочущая по замерзающей дороге телега. Пафнутий раскачивался из стороны в сторону, держась за раму телеги, рядом лежал его подозрительно разбухший портфель. Степа и Шевко молча уселись по другую от него сторону.

Вечером следующего дня Степа решил навестить Яшина. Ему хотелось рассказать старшему инспектору обо всем увиденном и пережитом вчера. Но, увидев Яшина, он решил не волновать его — тот лежал, вытянув вдоль тела исхудавшие, побледневшие руки. Лицо осунувшееся, потемневшее. Комната пропиталась стойким запахом лекарств. Не отрывая от подушки головы, Яшин повернул ее к Степе, с усилием тихо выговорил:

— Как дела твои идут?

Степа придвинул к кровати стул, присел и, волнуясь, рассказал о вчерашнем, не утаил даже то, что съел сунутые ему Шевко хлеб и рыбу, о чем после жалел.

— Это хорошо, что ты любишь всю правду говорить. Хорошо, что переживаешь, когда сам понимаешь, что сделал не так или не то.— Яшин говорил, глядя в потолок, как бы рассуждал вслух. — Вот ты съел хлеб и рыбу Мирнова — осуждаешь себя. Но ведь ты перед этим знал, что будешь каяться. А если и не думал об этом, то совести своей не давал подняться. Почему? Потому что обыкновенный человек победил в тебе человека... — Яшин смолк, подыскивая слова. Усилием воли он поднял над собой правую руку, сжал ее в кулак.— Человека — борца за наши дела, я хотел сказать: человека—коммуниста. Ты ведь, наверно, думал о вступлении в партию. Так вот, ты должен везде и во всем равняться на коммунистов, всегда смотреть на какой-нибудь образец. А всем нам образец — Ленин. А то ведь что может получиться? Вчера ты, оправдывая себя, съел хлеб и рыбу Мирнова, сегодня сядешь с ним за стол ужинать, а завтра... Нет, ты послушай. — Яшин шевельнул рукой, заметив, как Степа заерзал на стуле. — Конечно, ты этого не сделаешь — я это для примера сказал. Нельзя себе поблажки ни в чем давать — вот к чему я говорю про это. А оправдать себя — на такое каждый горазд. Спроси сейчас Пафнутия: почему ты вчера наелся и напился у Мирнова — так он тебе сотню оправданий найдет. А своя совесть — это, брат, высший судья — от нее никуда не денешься. Мне вот жена говорит сегодня: напиши записочку в аптеку — ты же знаешь заведующего, и он тебя знает — не откажет в хороших лекарствах. Да, знаю, что не откажет. Значит, мне дадут эти лекарства, а кому-то не дадут. А может быть, тому человеку они нужнее, или этот человек ценней для государства. Я ей и сказал: что же ты, мать, хочешь, чтобы я напоследок против своей совести коммуниста поступил. Ни за что! За народ надо стоять не на словах. Ленин точно сказал тогда в гражданскую: у коммуниста есть одно право — умереть за народ. Какой же я коммунист, если буду у народа выхватывать эти самые лекарства с черного хода!

— Вам нельзя волноваться, лежите тихо. — Степа пытался успокоить Яшина. Тот глубоко вздохнул.

— Ты не переживай за меня. Я оттопал свое. Умирать, что говорить, не хочется. Сколько дел еще не сделано, да и непонятно мне: жил, жил, о смерти не думал, и вдруг на тебе — разом трах и навечно кану... Загробный мир — чушь поповская, а только хочется иногда как бы просыпаться, смотреть, как вы тут живете, и засыпать спокойно лет на десять-двадцать. Ну, я тут расчувствовался по-стариковски, а ближе к делу скажу так: работай по совести, с коммунистической сознательностью. Пока жив, дам тебе рекомендацию в партию. Парень ты боевой, тебя партийцы знают, дадут еще рекомендации. Будет время — забегай. — Яшин легонько сжал Степину руку.

* * *

Как-то вечером к Степе в комнату неожиданно постучали. Это оказалась Ивина.

— Наконец-то выбрала время, чтобы заскочить к тебе, посмотреть, как ты тут устроился.

Она быстро сняла пальто и, не то в шутку, не то всерьез, спросила:

— Скажи, у тебя кто-нибудь из девушек бывает?

— Заходила Лена...

— Это какая Лена?

— Ну из школы. Жаркова.

— А-а...

Ольга подошла к столу, на котором горела лампа под матерчатым розовым абажуром, и стала перебирать книги.

— Интересно, где ты их набрал?

— У букинистов. Заработал немного на загрузке вагонов, вот и купил.

Ивина вдруг выпрямилась и, не веря своим глазам, читала: «Молодому сибиряку от Сергея Есенина».

— Да как же это! Неужто подлинный автограф?

— Конечно. Вот слушай!

Ольга присела к столу.

— Пришел я как-то в ряды, где продаются старые книжки. Знаешь, там, у Китайгородской стены. Мне хотелось купить «Историю Древнего Востока» — профессор рекомендовал. Книгу нашел, а денег не хватило, и мне как-то неудобно стало перед хозяином книги. В это время к прилавку подошел прилично одетый молодой человек. Посмотрел на мое растерянное лицо и спросил:

— Что, денег не хватило? Он взял книжку, бегло посмотрел ее и удивленно спросил: — Зачем она тебе?

— Профессор рекомендовал, — пролепетал я.

— Профессор! — Молодой человек с недоумением посмотрел на меня. — Какой профессор?

— На курсах я учусь, коммунистических...

— Ах, вон оно что! А ты откуда?

— Из Сибири, в укоме РКСМ работаю.

Молодой человек тут же вынул из внутреннего кармана бумажник и уплатил за книгу. Я думал, себе возьмет, а он спрашивает:

— Есенина знаешь?

Осмелев, я продекламировал:

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

— Не ожидал, здорово! — сказал молодой человек, подавая мне купленную «Историю Древнего Востока». Он тут же что-то спросил у букиниста, и тот подал ему небольшую книжечку. Молодой человек, облокотившись на прилавок, сделал надпись и сказал: — Ну, сибиряк, это тебе на память от настоящего Есенина.

Молодой человек, назвавшийся Есениным, быстро ушел. А я смотрю ему вслед, все еще не веря, что это был Есенин. Букинист сказал: — Ну и повезло же тебе, малец!

— Да, повезло, — подтвердила Ивина. Она вздохнула и добавила: — Ты вот освежился, а я? — Она мотнула головой и лукаво подмигнула. — А я получила сегодня вот эту бумагу.

Ольга вытащила из кармана листок и кокетливо протянула его Грачеву.

— Читай, счастливчик!

В нем сообщалось, что бывшая студентка Ивина может быть зачислена в Томский университет на третий курс историко-филологического факультета при условии сдачи задолженностей за второй курс.

— Всего три предмета надо досдать, и я вновь студентка. Здорово, да?

— А уком партии отпустит?

— Отпустят, я уже говорила с Ожигановым.

— Нет, ты серьезно хочешь нас бросить?

— Не уговаривай! Хуже меня вам не пришлют. В губкоме еще не забыли историю с Бабкиным...

Мысль о том, что Ивина вот-вот уедет, не покидала Степу. Он не представлял работу укома без Ольги и решил поговорить с Ожигановым.

После возвращения из Москвы Грачев несколько раз встречался с ним то на собраниях, то на митингах, но поговорить наедине не приходилось. И вот теперь, когда Степа услышал о согласии укома партии отпустить Ивину на учебу, он решил зайти к секретарю укома.

— Дело есть или соскучился? — приветливо спросил Ожиганов.

— И то и другое, — ответил Степа, — я насчет Ивиной. Правда ли, что ее отпускают учиться?

— Правда. А ты что, против?

— Нет, но мы без нее завалим все. Сейчас, когда в укоме наладилась наконец нормальная работа...

— А я ведь тоже уезжаю учиться, — перебил Степу Ожиганов. — Ты, брат, просто самолюбив. Сам побывал на курсах, походил по Москве, целыми страницами цитируешь «Капитал» и не хочешь того же для других! Учиться всем надо. А насчет Ивиной скажу: хорошо, что она уезжает учиться. Во-первых, от учения может быть только польза всем, во-вторых, зачем ее неволить? Работник она толковый, но раз ей университет милее — так пусть едет. Ты просто забыл, что она женщина. Сейчас не то время, когда надо лишать себя земных радостей — ей хочется быть и матерью, а наша работа, сам знаешь, требует многого от человека. Потом, что ни говори, а специальность иметь надо — не вечно же та же Ивина была бы секретарем укома. И это хорошо, что такие, как она, прошедшие идейную закалку в комсомоле, будут работать в гуще народа.

Грачев уходил из укома в подавленном настроении. Он привык чувствовать рядом с собой твердую опору, а она рушилась. Из всех близких ему людей оставался один больной Яшин. А тут еще, как назло, его самого вскоре свалила болезнь. Простудился, когда проверял работу комсомольцев, заготовлявших в лесу дрова. От железнодорожной станции более десяти верст шел пешком, а на обратном пути домой ехал на тормозной площадке товарного вагона. До своей комнаты добрался кое-как и прямо в сапогах и шинели свалился на кровать.

Очнулся он лишь на следующий день под вечер — возле его кровати хлопотал Шевко. Он уже смерил спящему Степе температуру, прослушал грудь и поставил свой диагноз:

— Острая ангина. Точно, я как-никак медик, хоть и недоучившийся. И в груди у тебя хрипы. Лежи, не шевелись. Я сейчас за лекарствами сбегаю. Есть у меня тут один знакомый аптекарь.

Шевко вернулся быстро. Он принес какие-то противные горькие порошки и стал пичкать ими Степу.

— Для начала выпей ударную дозу — три порошка. Я один раз тоже простыл, так сразу три и выпил — и как рукой сняло.

Неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы в это время не пришла Ольга. Она отругала новоявленного лекаря и отогнала его от постели:

— Ты что, человека в гроб хочешь вогнать?

— Да я как лучше думал, — стал извиняться Шевко.

Говорить Степа не мог, но все же, превозмогая слабость, шепотом сказал:

— С ребятами, Ольга, я поговорил крупно. Дошло до них. Задание они выполнят, в этом можешь не сомневаться.

— Молчи, — ласково перебила его Ивина. — О работе поговорим потом.

Уходя, Ольга как-то по-особенному взглянула на Степину шинель, которая лежала поверх одеяла, на дырявые сапоги и укоризненно покачала головой. Вслед за ней, пообещав вернуться через часок, ушел Шевко. Грачев потерял всякое представление о времени, о своем состоянии, обо всем окружающем. Ему казалось, что он летает по небу то в холодных, то в жарких облаках. Потом все куда-то исчезло.

Когда он пришел в себя, в комнате горел свет, на гвозде у двери висел полушубок. «Странно, уж не мерещится ли мне?» Приподнялся на локте. Нет, действительно, у двери висит добротный полушубок. «Кто повесил?» — подумал он и тут же заметил еще одну новинку — на полу под полушубком стояли солдатские валенки фабричной катанки.

Степа ощутил, что ему стало немного легче. Но когда он закрыл глаза, у него опять начала кружиться голова. Почему никто не идет ко мне? Сколько теперь может быть времени? Часов не было. Электрическая

лампочка горела тускло, ближе к ночи она засветила ярче. Значит, только еще вечер...

В комнату вошел Шевко. Он, видно, вернулся с мороза — был румяным и оживленным.

— Смотри-ка, мокрый, как мышь, — закричал он, склонившись над Степой. — Это, брат, хорошо. Пот ударил, значит, дело идет на поправку. Быстро ты ожил. За каких-то два дня.

— Как это два дня?!

— А так, ты вернулся из леса во вторник, а сегодня уже четверг, проспал ты все, голубчик. Только вот почти ничего не ешь, одну воду дуешь. Сейчас есть-то хочешь?

— Разве что чаю. Слушай, а чей это полушубок?

— Твой. Ивина принесла. Неужто забыл.

— Ей богу, ничего не помню.

— Да ты, видно, все заспал. Сначала просил ее унести полушубок обратно, стал кричать, что Яшин так бы не сделал. Потом понес какую-то чепуху о плохих кирпичах, самогоне, требовал, чтобы мы подписали акт. Кричал, грозился. Ох, и буйный ты в болезни, жуть берет. Как только с тобой Ивина эти ночи провела.

— Она что, возле постели сидела?

— Да. Сегодня моя очередь. А она обещала вечерком заглянуть.

Ольга пришла часов в восемь. Принесла свежего хлеба, вареного мяса и кусок сливочного масла. Масло Грачев съел, вернее, проглотил целиком, а вот от мяса отказался. Не хотелось почему-то.

Дня через два он уже был на ногах. И хотя Ивина категорически запретила ему выходить на улицу, Степа, как только встал на ноги, сразу же пошел в уком.

XXIV

Через месяц на бюро укома кандидатуру Грачева утвердили уполномоченным по проведению посевной кампании. Он не пытался возражать. К тому же Ивина твердо заявила:

— Грачев лучше нас всех знает деревню, и потому ему все карты в руки.

Члены бюро проголосовали за него единодушно.

Грачев понимал, что после неурожайного года вопрос о посевной стоит особенно остро и с него будут

спрашивать за каждое зерно. Связь с работниками уездного земотдела у него установилась еще в прошлом году. Правда, ему не довелось тогда довести до конца посевную, помешала поездка на курсы в Москву, но кое-какой опыт он все же приобрел.

На засев комсомольских десятин государство отпускало больше тысячи пудов зерна, в том числе и проса. Прежде чем составлять разнарядку по ячейкам и готовить письмо низовым организациям, Степа посоветовался с руководителями земотдела и старшим агрономом. Потом зашел к Ивиной.

— В письме обрати внимание на личную ответственность секретарей ячеек за правильное и полное использование семенных ссуд, — сказала Ольга, — и о посевах проса на целинных пустошах и поскотинах. У нас есть печальный опыт прошлого года — кое-где семена съели и на возврат ссуды еле-еле наскребли. Учти это и будь строг. Борьба за хороший сев — борьба за жизнь.

Слушая ее, Степа случайно взглянул на стол и увидел бумагу со штампом Томского университета.

— Что, еще одно письмо?

— Да, нужно срочно выезжать. Иначе не успею сдать задолженность за второй курс в этом году. Да, слышал новость? Ожиганова посылают на Дальний Восток добивать белые банды.

— Как?! Совсем недавно он мне говорил, что собирается на учебу.

— Обстановка изменилась. Партия считает, что там он нужней. Вот тебе ключи от стола — утром я уезжаю в губком. Может быть, вернусь, а может быть, и нет. Пока будешь секретарем за меня — нет, это не только мое желание, но и бюро укома.

Степа не стал отказываться — он научился подчиняться дисциплине, — раз товарищи решили так — значит, так и будет.

В первые дни Степиного секретарства в укоме неожиданно появился Ашрапов. «Неужели успел узнать, что Ивина уехала на учебу?» — подумал Степа, здороваясь с ним. Он внимательно посмотрел в глаза бывшему укомовцу, зная, что когда Ашрапов хитрил, то избегал прямого взгляда. Вот и сейчас Ашрапов отвел глаза в сторону, точно боясь, как бы его не разоблачили в чем-то постыдном.

Ашрапов прошелся из угла в угол по кабинету, свернул цигарку и, затянувшись, спросил каким-то вкрадчивым голосом:

— Что, Ивина совсем уехала?

— А ты откуда узнал?

— Сказали.

— Видишь ли, если губком ей разрешит, то, наверное, уедет совсем.

— Ты не бойся, я не разнюхивать приехал. У меня дела поважнее, — Ашрапов бросил окурок в форточку и присел к столу. — Нам семена нужны.

— Вы же получили наряды.

— Мало. Ячейки настроены посеять побольше, и я прошу дополнительный наряд пудов на пятьдесят-шестьдесят.

Сев, как говорится, был на носу, а сводка земотдела, лежавшая у Степы на столе, говорила о том, что далеко не все ячейки выбрали семена.

— Наряд я подпишу, но имей в виду и ты, и секретарям ячеек передай: отвечаете за каждое зерно. Есть сигналы, что семена используются не по назначению.

— Да, когда люди голодны, они ни с чем не считаются. Вот мы и решили на всякий случай так застраховать себя, чтобы и семена государству вернуть, и хлеба часть сдать, и немного оставить на семена и на местные нужды. Сообразил?

— Интересно, как это у вас получится?

— Очень просто. Например, один мужик соглашается сам посеять и сам убрать десятин восемь—десять всего за четверть урожая, а остальное идет нам.

С ответом Степа не торопился, обдумывая, нет ли в плане Ашрапова какого-нибудь подвоха. Ашрапов, словно угадав его мысли, начал уверять:

— Дело верное, и нечего бояться. Риска — никакого. Я все оформлю через волисполком.

— А твой мужик не кулак?

— Стал бы я с кулаком разговаривать!..

— Хорошо, пиши обязательство на пятьдесят пудов, но имей в виду: выдаю только под твою личную ответственность. С тебя будем спрашивать.

Ашрапов быстро написал обязательство и, получив наряд, уходить не торопился. Степа понял — ему еще хочется о чем-то поговорить. Действительно, Ашрапов вскоре спросил:

— Если Ивина уедет, кто будет секретарем, как ты думаешь?

— Губком пришлет.

— А свои разве не найдутся, вот ты, например?

Было ясно: Ашрапов хочет выведать о настроениях в укоме и при удобном случае вернуться на работу в его аппарат. Их разговор прервал телефонный звонок. Звонил Ожиганов, просил Степу срочно зайти.

Секретарь укома партии был в хорошем настроении. Степа это увидел сразу.

— Уезжаю, брат, — весело заговорил Ожиганов. — Учиться!.. Сначала надо добить дальневосточный сброд. Как думаешь, справлюсь? — подмигнул он Степе.

— Конечно, справитесь, Борис Андреевич. Я помню, как вы партизанами руководили.

— Вот что, Грачев. Я уезжаю завтра, но прежде чем проститься, я хотел спросить: ты еще не решил вступить в партию?

— Решил, Борис Андреевич, давно, но... Только вот...

— Ясно. Тогда... — Ожиганов взял лист бумаги и своим аккуратным почерком написал Степе рекомендацию. — Не подведешь старика?

— Что вы, Борис Андреевич?!

— Ну, вот и хорошо. Держи рекомендацию и помни. Если у тебя тут без меня осложнения какие выйдут, обращайся к Гаврилову, он остается за меня секретарем, человек надежный.

* * *

Приближался Первомай. К нему готовились и в укоме. На поскотине за городом, где обычно проводились празднества, должен состояться парад частей особого назначения. Парад особенный. Степа знал, что уездному штабу ЧОН будет вручено Красное знамя губкома РКП(б) и губисполкома за успешную борьбу против белогвардейско-кулацких банд в горах Алтая.

С раннего утра по барнаульскому извозу и деревянной лестнице, поднимавшейся по крутому обрыву к городскому кладбищу, за которым и начиналась поскотина, шли празднично одетые горожане. Первомайский день выдался на редкость ясным.

Недалеко от трибуны, обитой красным кумачом, строятся чоновцы: коммунисты и комсомольцы. Степа

как исполняющий обязанности секретаря укома мог бы занять место и на трибуне, но он как истый чоновец стоял в строю. После команды «смирно» к шеренге чоновцев подходит представитель губкома и губисполкома со знаменем в руках. Знамя принимает комиссар штаба ЧОН. Он, припав на колено, целует его краешек. Гремит оркестр. Чоновцы маршируют перед трибуной. Мысли Степы переносятся в горы, туда, где шли бои, где навечно остались лежать в земле защитники Советской власти. Они больше не увидят ни ясного весеннего неба, ни этого красочного празднества.

После митинга к Степе неожиданно подбежала Лена Жаркова.

— Здравствуй, — робко сказала она, по привычке щуря левый глаз. — Где ты пропадал все это время?

— Понимаешь, дел невпроворот — я теперь уже два месяца за Ивину остался. То на завод, то на заготовки дров, а тут посевная на носу. Еле успеваю...

— А сейчас никуда не спешишь?

— Сейчас свободен. Целый час могу гулять.

— Тогда проводи меня. Хорошо?

— Хорошо.

Когда они выбрались из толпы, Лена сказала:

— Я все собиралась зайти к тебе в уком. Хочу поступить в Петроградский лесной институт... Но нужна твоя помощь, ты понимаешь, о чем я говорю? Если от вас будет направление...

— Стало быть, в Петроград?

— Да, папа тоже там учился... Вот что, у меня есть мысль... Приезжай к нам в лесничество. А? Я тебя познакомлю с ним. Летом у нас там благодать! Грибы, ягоды. А папа у меня замечательный — он тебе обязательно понравится. Ну, обещай, что приедешь.

— Обещаю, только не сейчас. Вот закончим посевную, тогда я в твоем полном распоряжении. На день-два смогу уехать, — пообещал он.

Разговаривая, Степа и Лена незаметно спустились в город.

Из первого дома навстречу им выкатилась мохнатая дворняжка и с хриплым лаем бросилась под ноги. Лена испуганно шарахнулась в сторону и прижалась теплым плечом к Степиной груди. Полаяв, собака так же быстро, как и появилась, шмыгнула в подворотню. Оправившись от испуга, Лена сказала:

— Я сегодня иду в кино. А тебе не хочется?

— Так и быть, — сказал Степа. Он согласился, конечно же, не из-за своего безволия, а просто эта девушка все больше ему нравилась.

В кинотеатр «Косморама» он пришел минут за двадцать до начала сеанса и купил два билета в ложу. Вскоре появилась Лена. Она была в новом голубом платье, которое очень шло ей.

— Пришел, — обрадовалась она, — а я, откровенно говоря, думала, что у тебя опять какое-нибудь собрание.

— Кино тоже собрание, да еще какое! Собрание, посвященное повышению личного культурного уровня. Должен же исполняющий обязанности секретаря укома Грачев знать, какие фильмы смотрит молодежь.

Фильм Степе не понравился, хотя название его было заманчивым — «Ключи счастья». Лена же, напротив, была в восторге. После сеанса, когда они вышли на улицу, Лена осторожно спросила:

— Ты веришь в счастье?

— Верю, но не в такое, как в кино.

— А в какое?

— Видишь ли, счастье, когда у человека есть любимое дело, когда у него в этом деле многое получается. Без любви конечно, полного счастья не может быть.

— По-твоему, одна любовь не может принести счастье?

— Может, но не всем. Мне бы этого не хватило...

Он замолчал и осторожно взял Лену под руку.

— Понимаешь, ты не обижайся на меня. Чтобы рассуждать о любви, нужно кого-то полюбить, а я еще ни в кого в жизни не влюблялся.

— Странно! А я думала, что ты влюблен в Ивину.

— Ивина хороший товарищ. Мы с ней просто дружим. Любовь — это что-то другое...

У одного из домов Лена предложила посидеть на лавочке. Вечер был не по-весеннему теплый. Над головой шумели кусты цветущей сирени.

— У тебя все кончается дружбой, — сказала Лена. — Может, ты просто не способен никого полюбить?

— Может быть, — согласился он.

Лена как-то загадочно улыбнулась и ласково сказала:

— Мне пора, Степа, уже поздно. До встречи.

Придя утром в уком, Грачев увидел в коридоре не-

знакомого парня в поношенной шинельке и видавшем виды красноармейском шлеме.

— Вы Грачев! Я к вам направлен...

Открывая дверь кабинета, Степа подумал: не новый ли это секретарь. Раздеваясь, он обратил внимание на круглое, открытое лицо парня — типично русское лицо. Паренек подал путевку ЦК РКСМ и бумажку губкома, в которой говорилось, что Кузьма Нилыч Брякин командирован в уком на должность заведующего отделом политпросвета.

— Снимай шинель, — предложил Степа, — будь как дома.

— Знаешь, — заговорил Брякин, — мне так расхвалили Алтай! Так расхвалили! Отказаться духу не хватило. Я ведь из вятских, а вятские, как известно, народ хватский... По отчеству меня звать не надо, зови Кузьмой. Так лучше.

Степа провел Кузьму в комнату политпросветотдела.

Осмотрев ее, Брякин с сожалением заметил:

— Небогато вы тут живете. Бедно, прямо сказать. Стол, два стула да шкафчик со старыми газетами и брошюрами — весь инвентарь. Хоть бы книжек побольше было.

— Книги мы раздали по рабочим библиотекам. А тебе что, дворец буржуйский надо.

— Нет, ты меня не так понял. Можно порядок навести? Те же стулья — их же в два счета отремонтировать можно. Ничего, я возьмусь, подколочу где надо. А где я буду спать?

— Идем покажу. — Они пошли в общежитие.

— Ну, какая это постель! — возмутился Брякин, ткнув кулаком в продырявленный грязный матрац.

— Обзаведешься. Не сразу все делается. Я на такой койке почти год спал, — успокоил его Степа.

— А в смысле питания как?

— Мы живем коммуной. Деньги раз в неделю даем экономке. Она покупает продукты и готовит.

Последнее, кажется, устраивало нового работника.

На второй же день Брякин пришел к Степе в кабинет и положил на стол лист бумаги, исписанный крупным размашистым почерком.

— Вот, читай! Циркулярное письмо всем ячейкам об усилении борьбы с религией. Ты знаешь, я смотрел отчеты ячеек, в них почти ничего о религии!

Степа начал читать, а Кузя облокотился рядом, готовый защищать каждую строчку. В начале письма говорилось о важности антирелигиозной пропаганды, а дальше шла какая-то околесица, переходящая в брань.

— Плохо, очень плохо, — сказал Грачев. — Не годится.

— Как это плохо? — опешил Брякин.

— А так, плохо и все. Руганью только все дело испортишь. Надо по-другому разъяснять верующим вред религии.

— Вот тебе на! А попы-то разве не оскорбляют нас?

— А зачем ты нас сравниваешь с попами? У нас другие методы. Скажи, какие ты книжки читал по антирелигиозной пропаганде?

— Ничего я не читал, — хмуро ответил Кузьма, — и читать не собираюсь. С попами нужно — так! — И он показал кулак.

Брякин еще больше озадачил Степу.

— Это ты считаешь. И неправильно считаешь!

Степа начальственно хлопнул рукой по столу.

— Пойми ты: с твоими кулаками ты только навредишь. Давай договоримся так: сам ничего не вздумай делать, если где будешь, пока не прочитаешь о работе комсомола с верующими. Газеты и брошюры на эту тему я тебе сам подберу. Зайди завтра к вечеру.

К назначенному сроку Брякин не вошел, а ворвался. Глаза его блестели, улыбка такая, что рот чуть не до самых ушей.

— Понимаешь, какую красивую девушку я видел! И фамилию ее узнал: Архипова. Зина. Слушай, Степа, познакомь. Умру, какая женщина!

Архипову Степа знал. Дочь бывшего присяжного поверенного слыла в городе красавицей и часто появлялась на бал-маскарадах в клубе пожарников. Степе живо вспомнилось ее лицо с высоким, точно высеченным из мрамора, лбом и правильным, красивой формы носом. И выражение лица почти всегда было застывше-каменным, холодным.

— С Архиповой я почти незнаком и помочь тебе не могу.

— Ну, вот ты какой! А я-то думал... — Поймав недружелюбный взгляд Грачева, Кузьма замялся: — Понимаешь, в Вятке у меня тоже была красивая девушка. Я ее любил...

— Ну и женился бы себе...

— Сразу и жениться! Да ты что? Жениться я бы и не мог, — с сожалением сказал Кузя.

— Отчего же?

— Она дочь протодьякона, а я комсомольский работник. Классовый барьер...

— А ты перемахни... Перевоспитай.

— Да ты что, смеешься? Такие сами скорей переделают тебя воркотней в своем духе.

XXV

Степа без сожаления передал дела прибывшему новому секретарю Кислову — тот последнее время работал инструктором губкома. Конечно, Грачев старался все отделы укома направить в нужное русло — борьбу с обывательским влиянием на молодежь, с религией, с неграмотностью... Что там говорить — всяких вопросов, ждущих своего решения, было много. И все же Степа не раз ловил себя на мысли, что исполнял должность секретаря по обязанности — ему больше было по душе какое-то одно конкретное дело, которое надо досконально знать и наяву видеть результаты своей работы. Какое это дело— он пока не знал, но уже хорошо было то, что он это понял.

Кислов подробно расспрашивал Степу о каждом работнике укома, о райорганизаторах, прикрепленных к определенной группе волостей, и сведения о них записывал в толстый блокнот. «Конечно, новому человеку в укоме, тем более секретарю, людей знать надо — без знания того, кто на что способен, далеко не уедешь, — рассуждал про себя Степа. — Но, мне кажется, излишне выспрашивать подробности личной жизни укомовцев. Может быть, я и не прав, но мне это почему-то не нравится».

Вскоре смутные опасения Степы оправдались — Кислов оказался слишком подозрительным ко всем, ревностно оберегал свой авторитет. И, разговаривая с ним, Степа старался не выходить из рамок дела, а как только Кислов начинал интересоваться его мнением по поводу поступков тех или иных укомовцев, Степа пожимал плечами.

Как-то перед вечером, гуляя с Леной в скверике кинотеатра, они остановились возле парня, который раз-

рисовывал рекламные щиты к новому кинофильму «Саламбо». Рисуя женское лицо, он пыхтел, после нескольких мазков отбегал от щита и с досады плевался — лицо ему не давалось, оно получалось грубым, мужским. Лена тихо смеялась, а Степа нервничал. В детстве Грачев много рисовал, и теперь он чувствовал, что у него бы лицо могло выйти.

— Дай попробую? — вдруг, не выдержав, предложил Степа.

«Художник», видно, совсем отчаялся и молча, с виноватым лицом протянул кисть. Степа быстро набросал несколько штрихов и отошел чуть в сторону, потом приблизился снова и в каком-то веселом порыве принялся работать кистью.

— Весьма недурно, молодой человек, — вдруг услышал он. Степа оглянулся. Рядом с довольной и гордой за него Леной стоял маленький старичок с узким худым лицом и жиденькой белой бородкой.

— Работайте, работайте, — ласково подбодрил он. — У вас есть вкус и острый глаз. Только вот линию носа вы сделали чересчур резко. Попробуйте овальней.

Степа попробовал и, сам того не ожидая, вдруг увидел, что после его кисти вышла весьма пригожая девушка.

— Спасибо, друг, — поблагодарил его «художник».— А то я уже хотел совсем ее замазать.

— Вы не обольщайтесь, — заметил старичок Степе. — У вас еще нет хорошего навыка работы кистью, так ведь?

— Да. Раньше я рисовал чернилами.

— Это чувствуется. Но не огорчайтесь, техника работы с кистью дело наживное. Если желаете, я бы мог дать вам несколько уроков. Только не отказывайтесь — я этого не люблю. Запомните мой адрес: улица Сибирская, дом шесть. Забудете, спросите, где живет художник Перепелкин. А зовут меня Серафим Петрович. Жду вас, молодой человек. Талант не надо закапывать в землю. — И, раскланявшись со всеми, старичок, опираясь на палку, потопал мелкими шажками по тротуару.

— Странный человек, — сказала Лена. — А девушка у тебя, действительно, получилась здорово. Какая-то живая. Вот только глаза чересчур большие.

Предложение старичка заинтересовало Степу, и дня через два он явился к нему. На его стук в дверь вы-

шла маленькая благообразная старушка с большой бородавкой на щеке. Она стояла на пороге широкой комнаты, удивленно разглядывая незнакомого парня.

— Вы к кому?

— К Серафиму Петровичу...

— А, это вы, молодой человек? — закричал из другой комнаты Серафим Петрович. Он, видно, запомнил Степин голос. — Проходите, проходите!

На Серафиме Петровиче была длинная рубаха, подпоясанная тесемкой. Степа окинул взглядом низкую комнату и увидел у окна мольберт.

— Знакомьтесь, это моя жена Варвара Тимофеевна.

Степа поклонился старушке и отметил, что старички очень похожи друг на друга. Потом Степа вспомнил, что где-то встречал старушку. Да, да, на барахолке. Она продавала два небольших летних пейзажа, и будь тогда у Степы деньги, он бы непременно купил один из них с изображением заросшего озерка.

Серафим Петрович прошел к мольберту. Заметив, с каким интересом Степа рассматривает краски и кисти, хозяин сказал:

— Я, видите ли, богомаз. Церкви расписывал. Пол-России исколесил вот с нею, — он мотнул головой в сторону жены. — Приходилось работать и артельно, и в одиночку.

Старушка утвердительно кивала головой, а Перепелкин продолжал:

— А теперь бога, это самое, побоку. К чертям собачьим забросили.

— Что ты говоришь, старый дурак, — ахнула Варвара Тимофеевна и быстро перекрестилась.

— А то и говорю, что есть.

— Креста на тебе нет, — рассердилась Варвара Тимофеевна. — Антихрист.

— Вот чего нет, так того, действительно, нет. Я, даже когда в церкви иконы рисовал, без креста ходил. Один раз дьякон меня спрашивает: где же ты, Серафим Петрович, свой крест оставил, неужто в бога не веруешь? А я ему говорю: веревочка у меня порвалась, завтра, мол, надену. Пришел домой, надел на шею веревочку и привязал к ней ключ, чтобы польза какая-то была. Дьякон увидел, что веревочка на шее, ну и успокоился. Нельзя было его гневить, за иконы платили неплохо. А нынче вот, — Серафим Петрович вздохнул, — прихо-

дится на картинки жить. Да не очень-то охотно из покупают. Покажи-ка их нам, Варя.

Старушка вытащила из-за шкафа несколько холстов и расставила их вдоль стены. Проселочные дороги, прудик, речка подо льдом, лесная поляна, одинокое дерево... Все картинки были написаны с любовью.

— Ну как? — спросил Серафим Петрович.

— Хорошо. Мне бы так научиться!

— Захочешь — научишься. Я и лучше могу, но что толку — картины покупают неохотно. А какой художник тебе больше всего нравится?

— Шишкин. Я видел его картины.

— Это где же тебе удалось?

— В Третьяковской галерее.

— В Третьяковской? — Серафим Петрович всплеснул руками. — Ты что, в Москве бывал?

Степа рассказал, как он учился в Москве на курсах, что был на съезде и видел и слушал Ленина. Удивясь не менее мужа, Варвара Тимофеевна тихо спросила:

— Неужто видел Ленина?

— Видел, вот как вас сейчас.

Степа объяснил, что, когда он был в Третьяковке, там было открыто всего три зала, и что он видел только картины Шишкина, Левитана и Куинджи, и что больше всего ему понравились картины Шишкина и «Березовая роща» Куинджи.

— Нынче таких красок, какими они писали, не найдешь, — тяжело вздохнул Перепелкин. — Был у меня небольшой запас, да вышел. Краски сами делаем.

— Как же вы их делаете?

— Охру пережигаем. — Серафим Петрович достал из ящика стола два небольших пакета. — В одном из них — чистый ультрамарин в порошке, в другом — зелень. — Показывая Степе краски, Серафим Петрович добавил: — Все богатство тут. Думаю, изготовление красок наладят. В народе много талантов — теперь развернутся при новой власти.

— А как вы писали иконы — копировали или так, из головы?

Серафим Петрович протопал к окну и, открыв стоявший там сундучок, достал целый сверток трафаретов, вырезанных из бумаги и картона. Он разбросал их по полу. По трафаретам Степа угадал богородицу, апостолов и разных святых.

— Так и делали: Без трафаретов оно труднее, да и времени много надо, а с ними проще; конечно, и эталоны были, без них тоже нельзя. Смотришь на эталон и цвет подбираешь, общий колорит, значит, детали. Трафарет ведь только контуры дает. Как-нибудь я покажу тебе технику. Мы еще с тобой вместе попишем...

* * *

Как-то в середине дня Грачева вызвал к себе Кислов. Сухо предложив Степе сесть, он протянул ему письмо.

Это было заявление, присланное группой комсомольцев в губком. Комсомольцы писали, что с ведома, а может быть, и по предложению Грачева, семена, занаряженные в волость для ячеек РКСМ, Ашрапов отдал кулаку.

— Что на это скажешь?

— Я действительно отдал Ашрапову зерно. У меня есть его расписка. Остались фонды, которые никто не брал. Ашрапов сказал, что того зерна, которое им выдавали, мало и попросил еще. Чтобы зерно не пропало, я разрешил ему взять пятьдесят пудов и сказал, что за зерно он отвечает лично. Я его предупреждал, чтобы он не вздумал отдавать зерно кулаку. Так что спрашивать нужно с него.

— Ашрапова мы вызовем. Но учти, если факты подтвердятся, отвечать будете вдвоем. Отвечать не только перед бюро укома, но, возможно, и перед ревтрибуналом.

Последние слова прозвучали как угроза. Степа оскорбился. Не разобравшись в деле, Кислов обвинил Степу в пособничестве кулакам. Что значит, если факты подтвердятся? Ведь не мог же Степа знать, кому именно отдают в волкомах взятое зерно. Нельзя же работать не доверяя никому. И все же письмо есть письмо. «Ах ты, сволочь,— подумал он об Ашрапове.— За такие дела не то что из волкома, а из комсомола гнать надо».

На следующий день Грачев заметил, что укомовцы избегали говорить с ним, сухо здоровались и старались поскорее пройти мимо. Вероятно, Кислов уже сообщил всем, и все считали Грачева виноватым, больше того, человеком, сочувствующим кулакам. Один Брякин оставался доброжелательным к Степе.

— Плюнь ты на Кислова, — сказал он. — В конце концов, это просто глупо. Ашрапов виноват, а отвечать вы должны вместе? Ерунда какая-то. Вообще он много на себя берет. Понимаешь, я подготовил проект решения бюро о клубной работе, а он его изорвал и бросил в корзину. Ты, говорит, ничего не смыслишь в клубной работе! Тем более на селе!

Степа вспомнил о проекте письма, написанном Кузей по поводу антирелигиозной пропаганды, и подумал, что проект решения о клубной работе, наверное, не лишен недостатков. Факты, когда закрывались комсомольские клубы в сельской местности, были. В одних случаях они сливались с общими политпросветскими клубами, в других закрывались по вине самих ячеек РКСМ, запустивших работу с сельской молодежью. Степа посоветовал Кузе сходить в уездный политпросвет: может быть, там помогут написать письмо об оживлении клубной работы на селе.

Брякин сразу согласился и добавил:

— Вот если бы мне Кислов так по-человечески посоветовал. А то сразу рвать. Рвать любой может. А ты научи.

Степа болезненно переживал историю с семенами. Посевная кампания прошла успешно. По уезду было засеяно более ста пятидесяти комсомольских десятин. А тут на вот! «Черт меня дернул поверить Ашрапову!» — ругал себя Грачев. Он не мог простить себе излишнюю доверчивость к людям. «Доверять надо с разбором, а не так, как я», — думал Степа. Вскоре неожиданно для него события приняли благоприятный поворот.

Проездом на Алтай в общежитии остановились секретарь Сиббюро ЦК РКСМ Мильчин и секретарь губкома Гуров. И того и другого Степа знал. Особенно ему нравился представительный Мильчин. С ним Степа познакомился еще в дни работы Третьего Всероссийского съезда РКСМ. Они встретились в коридоре общежития.

— А, Грачев! Здравствуй, — приветливо сказал Гуров. — Что тут с тобой приключилось? Заходи-ка, расскажи.

В комнате было душно, и Мильчин прежде всего распахнул окно.

— Ну, рассказывай.

Степа обстоятельно рассказал обо всем.

— У нас отпуск, и мы едем недели на две в горы.

На обратном пути остановимся у вас и разберемся, — сказал Гуров. — Поручим кому-нибудь подготовить весь материал. — И, заметив беспокойство Степы, добавил: — Не волнуйся, не Кислову.

Через двенадцать дней они вернулись. Накануне приехал Ашрапов. Перед началом заседания бюро он подошел к Степе и шепнул:

— Ты на меня не дуйся, я думал, так будет лучше.

— Пошел ты... — Степа гневно сверкнул глазами.

Тон на бюро задал Гуров.

— За посевную кампанию ответственность несет бюро в целом, а не один Грачев, — сказал он, — так и надо записать в протоколе.

Мильчин задал вопрос Ашрапову:

— Мужик, которому вы дали пятьдесят пудов семян, кулак или нет?

— Я не считаю его кулаком, но хозяйство крепкое.

— Зажиточное? Так вы хотели сказать?

— Да, так.

— Комсомольцы в своем письме пишут, что этот мужик вам родственник. Это правда?

— Дальний родственник...

— Тогда объясните бюро: почему вы ему, а не кому-либо другому отдали зерно?

— А кому же мне было отдавать? Этот по крайней мере не подведет, я это знаю. А отдашь другому — потом сходишь к нему не один раз, пока он положенное зерно не отдаст. Как хотите, а отдавать зерно бедняцким хозяйствам — дело рискованное. Во-первых, у нас было немало случаев, когда зерно съедали до посева, во-вторых, земли-то у бедняков немного — невыгодно распылять, да и канители больше.

— Вы об этом говорили Грачеву, когда брали у него зерно? — спросил Кислов.

— Нет, у нас тогда большого разговора не было. Я сказал, что зерно отдам в верные руки, а не кулакам. А что? Я и сейчас считаю, что мой родственник не кулак. Свое хозяйство он нажил сам, батраков никогда не нанимал, а земля у него по наделу. В деревне он пользуется уважением, его сын в гражданскую войну был в Красной Армии.

Как ни оправдывался Ашрапов, бюро объявило ему выговор и постановило изъять хлеб у его родственника.

С бюро Степа уходил подавленным. Конечно, за по-

севную кампанию ответственность несет бюро в целом, но ведь оно его назначило уполномоченным, ему доверяли, а он? Что заставило его поверить Ашрапову и отпустить семена для неизвестного дяди? Нет, доверия он не оправдал, и, может быть, ему было бы легче, запиши бюро какое-нибудь наказание и ему. Честность еще не избавляет человека от глупостей и ошибок... Вспомнилась и история с Чихняевым. Два таких случая за время его работы в укоме! Нет, это слишком! Задумался он и о том, как будет работать дальше с Кисловым. Неприязнь к секретарю засела в сердце, как заноза. Может, попросить Гурова перевести его на работу в другой уком? Нет, сначала надо закончить с посевной: вернуть земотделу семенную ссуду и сдать хлеб государству после уборки.

Вечером к нему в комнату зашли Гуров и Мильчин.

— Скажи, Грачев, только честно, как тебе с Кисловым работается? — спросил Гуров, присаживаясь на стул.

Степа подумал с минуту и твердо ответил:

— Неважно. Трудно с ним — не доверяет он никому. Это не похоже на то, как я доверился Ашрапову — с моей стороны это легкомыслие, и я себя казню за это. У Кислова другое — подозрительность ко всем и во всем.

— Мы тоже так думаем, — сказал Мильчин.

— Вот что, — предложил Гуров, — в губкоме вводится новая должность. Нужен работник, ведающий профессионально-техническим образованием не только рабочей, но и крестьянской молодежи. Речь идет о более активном внедрении политехнического образования. Предстоит упорная борьба за политехнизацию школы. Мы хотели предложить тебе эту работу. Согласен быть представителем губкома в губпрофобре с правами инспектора губоно, — это по их линии, а по нашей, комсомольской, — на правах завотделом губкома?

— Согласен, — после непродолжительной паузы ответил Степа.

— Вот и хорошо. Будем считать вопрос решенным.

Первая мысль была о Лене. Как она отнесется к его отъезду? Степа чувствовал, что ему будет очень трудно без этой девушки, которая стала ему за последнее время очень близкой. Они встречались теперь почти каждый день. Иногда Лена забегала в уком, а вечером они гу-

ляли по городу или ходили к Перепелкиным. Семья художника Лене очень понравилась, она близко сошлась с Варварой Тимофеевной. Пока Степа рисовал под наблюдением Серафима Петровича натюрморты, Лена хлопотала вместе с Варварой Тимофеевной по хозяйству.

На свиданье Грачев шел с тяжелым чувством. Он так и не нашел тех нужных слов, которые в этой ситуации следовало сказать Лене.

Лена уже сидела на скамейке в центральной аллее.

— Сегодня опять пойдем к Серафиму Петровичу? — весело спросила она, когда Степа присел рядом.

— Нет, сегодня мы побудем вдвоем. Нам надо серьезно поговорить.

— Очень любопытно, что это за такой серьезный разговор? — смутилась Лена.

— Лена, я скоро уезжаю.

— Как уезжаешь? — опешила она. — Куда?

— Меня пригласили работать в губком.

Лена растерянно улыбнулась, и Степа увидел, как на ее ресницах появились слезы. Она быстро смахнула их и, чтобы не разреветься, сильно прикусила губу.

— Извини, — сказала она, — мне сегодня что-то нездоровится. Я пойду домой.

Степа поднялся вслед за ней.

— Нет, не надо, — почти крикнула она. — Не надо. Я хочу побыть одна.

Но он догнал ее. Шли медленно и молча. За оградой сквера Лена вдруг спросила:

— Когда ты уезжаешь?

— Как только получу телеграмму из губкома.

— Знаешь, о чем я подумала, — в губернском городе есть сельхозтехникум. Может быть, мне поступить туда...

— Конечно, — обрадовался Степа и ударил себя кулаком по голове. Как ему самому не пришла такая мысль.

— Как только приеду туда, сразу разузнаю о техникуме и напишу тебе. Только ты ведь собиралась в институт?

— А теперь хочу в техникум, — сказала она и, приподнявшись на цыпочки, неожиданно поцеловала Степу в губы.

...Через два дня из губкома пришла телеграмма за подписью Гурова. В ней укому предлагалось откомандировать Грачева в распоряжение губкома.

Степа стал собираться в дорогу. Сначала он сходил на барахолку и купил баул — много набралось книг, которые он хотел взять с собой, но старого сундука для этого было мало. Купив баул, Грачев увидел, что какая-то старушка продает набор масляных красок. Степа насчитал шестнадцать тюбиков. Чтобы старушка не запросила за них слишком дорого, он с напускным равнодушием спросил:

— Сколько стоят?

Старушка просила недорого. Обрадованный удачной покупкой, Степа тут же направился к Серафиму Петровичу.

— Гляньте-ка, Серафим Петрович, что я купил! — чуть ли не с порога крикнул Степа, протягивая старику металлическую коробку.

Серафим Петрович взял коробку и осторожно прошелся рукой по всем тюбикам, словно лаская их, потом стал снимать с каждого колпачок, выдавливая краску на палец, растирал ее и нюхал.

— Повезло тебе, — с откровенной завистью тихо сказал он. — Краски первосортные. Сколько дал?

Степа сказал.

— Смотри-ка, и стоят недорого. Я бы и больше не пожалел. Вот только белил нет.

Перепелкин достал из-под мольберта небольшой ящик и вынул из него банку.

— Тут тертые белила. На первое время, думаю, хватит.

Степа полез за бумажником, но Серафим Петрович замахал на него руками.

— Какие деньги! Это тебе подарок, чтобы помнил старика Перепелкина. А теперь слушай, что я тебе буду говорить.

И он, перебирая Степины краски, начал рассказывать, какие из них можно смешивать с другими, а какие нельзя. Для наглядности взял грунтованный белилами холст и показал, какие тона можно получить при смешивании.

Степа слушал внимательно и следил за каждым мазком.

— Никаких законов в подборе тонов я не признаю, — говорил Серафим Петрович, — тут особое чутье нужно, а вот что с чем нельзя смешивать — тут порядок, нарушил его — и холст загубил. Высохнет —

пожухнет или запестрит, будто и не та вещь, какую писал. Есть разные пособия и книжки о рисунке и о масляной живописи. Встретятся — покупай, но помни: книги книгами, а художник сидит тут, — Серафим Петрович ткнул пальцем в область сердца. — Я вот, к примеру, когда пишу, обо всем забываю. У пьяниц голова кружится от хмеля, а у меня от красок.

Он замолчал, потом, словно спохватившись, сказал:

— Теперь у тебя свои краски есть. Попробуй-ка самостоятельно, без моей помощи написать натюрморт. А потом мне покажешь.

Серафим Петрович встал, подошел к простенку, где стояли подрамники с натянутыми холстами, выбрал один из них и подал Степе.

— Вот на нем и пиши.

— Я, Серафим Петрович, уезжаю.

— Как уезжаешь, куда?

Степа рассказал, что ему предложили работу в губкоме.

— Очень жаль, — вздохнул Серафим Петрович. — Привыкли мы к тебе. Варвара все спрашивает, когда вы с Леной опять придете. А ты, значит, собрался уезжать. Ну что ж, не забывай нас. Да, — Перепелкин хлопнул себя по штанам. — Ведь у меня там в городе сестра живет. Обязательно загляни к ней. Передай от нас привет. Адресок сейчас нацарапаю.

— Серафим Петрович, я вам многим-многим обязан. — Степа не мог скрыть своего волнения, и художник как-то особенно посмотрел на него. — Для вас краски и наслаждение, и ваш заработок. Пожалуйста, возьмите эти краски.

— Нет и нет, и не думай. — Серафим Петрович выставил перед собой руки.

— Я вас очень прошу. Знаете, в губкоме мне наверняка не до рисования будет. Потом, я же только учусь— зачем на мазню такие краски расходовать! Вы же ими такие картины можете нарисовать, столько людей порадуете своим искусством! А мне для учения дайте свои краски.

Художник несколько мгновений раздумывал.

— Ну раз так, то ты отчасти прав. Спасибо, дорогой, я твой слуга до окончания своего века. Только я возьму те краски, которых у меня нет. — И он, смущаясь, взял несколько тюбиков.

Вечером Степа уложил багаж. Управляющий делами помог ему отправить вещи по железной дороге и заранее купил билет на пароход «Киргиз». Степе оставалось зайти в отдел труда проститься с Шевко и Яшиным. Там уже знали о его отъезде. Пафнутий Никонович встретил эту весть радостно. После случая на кирпичном заводе он побаивался Степы и теперь был доволен, что Грачев уезжает. Шевко, напротив, очень расстроился.

— Скучно без тебя будет, — сказал он Степе. — С этой мымрой, — он кивнул в сторону Пафнутия Никоновича, — совсем закиснешь.

Яшин все еще не вышел на работу — болел. Степа пошел к нему домой. Не простившись с Яшиным, уехать он не мог.

Старик лежал в постели, накрытый ватным одеялом.

— А, Степа! Проходи, проходи. Очень рад.

Яшин пошевелил опухшими ногами, лежащими на большой высокой подушке, как бы проверяя, годятся ли они еще, а потом достал из-под изголовья книжку, взял из нее вдвое сложенный листок и молча протянул Степе.

Это была рекомендация в партию.

— Вчера написал: как знал, что заглянешь.

— Я ведь попрощаться к вам зашел — приглашают меня работать в губком.

Яшин оживился.

— Молодец, надо расти. Рад за тебя. А я вот уж, видно, не встану. Сиди, сиди, — махнул он в сторону Степы. — Не тот возраст, чтобы обманывать себя, на что-то надеяться. Целыми днями лежу один — все из дома на работе, — чего только не передумаешь. Все понимаю — отжил свое. Философов вспомнил, их мысли о смерти — это, дескать, естественное отмирание и его надо принять стойко. Как ни стараюсь — не получается.

Яшин смолк, закрыл глаза, и Степе показалось, что он что-то вспоминает.

— Ты читал «Диалектику природы» Энгельса? — неожиданно спросил Яшин.

— Целиком нет, а цитат много знаю.

— Обязательно прочти всю. Многое поймешь. Настоящая наука жизни. Да, вот что я хотел тебе сказать: в губкоме партии работает мой старый товарищ Предэ. Я с ним при Колчаке в тюрьме сидел. За решеткой человек узнается досконально. Предэ и человек замечательный, и коммунист стойкий. Я бы сказал, без сучка

и задоринки. Познакомишься — увидишь сам. Вот в случае чего к нему и обращайся.

Уходя, Степа не сдержал слез и припал лбом к руке старого большевика.

— Ну, вот еще — я, старый дурень, распустил нюни и ты туда же.

Степа узнал о смерти Яшина через месяц, из письма Шевко.

XXVI

В губернский город Грачев приехал после полудня. Гуров встретил его приветливо, расспросил о дороге, укомовских делах, потом сказал:

— У тебя родных в городе нет, стало быть, будешь жить в общежитии. Сейчас я приглашу инструктора Еву Приткер, она тебя проведет в наше общежитие. Заодно и познакомитесь.

У Евы были маленькие черные глазки и острый насмешливый взгляд. Знакомясь, она первая протянула Степе руку и, тряхнув высокой копной волос, сказала:

— Пойдем, покажу наши апартаменты.

Губкомовское общежитие находилось в большом старом доме и занимало несколько комнат. В одной жил секретарь губкома, во второй — завполитпросветом Шустин, в третьей, самой большой, — Ева.

— Жить будешь в моей комнате. Где твои вещи?

— Я их багажом отправил, не получил еще.

— Поживешь неделю со мной, а потом я уйду на частную квартиру... Гурова ты знаешь. Работник стоящий. Шустин хочет быть умнее, чем он есть, но добряк, последним куском поделится. С остальными познакомишься сам. Ну, будем друзьями! — Ева хлопнула Степу по руке.

— Живем коммуной. Продукты берем и в кредит, и за деньги в «Хлебопродукте». Кормит нас тетя Фрося, она готовит завтрак и обед. Ужинает каждый как хочет. Советую на вечер запасаться куском хлеба и колбасой. В частных лавчонках есть и то и другое. Ну, а если у тебя много денег, в харчевне можно заказать пельмени.

На обед пришел только Шустин — высокий плотный парень. Он вежливо поздоровался со Степой, но в разговор не вступил.

Ели пшенный суп и котлеты. Шустин внимательно приглядывался к Степе выпуклыми глазами. Говорила одна Ева.

После обеда до самого вечера Степа ходил по городу, знакомился с ним.

Утром Степа зашел посоветоваться к Гурову: с чего начинать работу.

— Побывай в механическом техникуме. Это — база профтехнического образования в губернии. Твоя будущая опора. Присмотрись, потом поговорим конкретнее.

Техникум стоял на отшибе и резко выделялся среди однообразных домиков городских обывателей. У парадной двери Степа прочитал: «Механический техникум имени И. И. Ползунова». Кто такой Ползунов, он не знал. «Надо будет спросить у Евы», — подумал он, направляясь по пустынному коридору. Пол в коридоре был выложен из тяжелых каменных плит, на потолке под штукатуркой угадывались железные балки: здание было построено еще в старину, на века.

— А где же студенты? — обратился Степа к женщине, похожей на уборщицу.

— На каникулах.

— Извините, а где найти секретаря ячейки комсомола?

— Сашу Чабина? Пойдемте. Проведу.

Степа пошел за женщиной, их шаги гулко звучали в пустом коридоре. Она открыла крайнюю дверь.

— Саша, к вам.

У широкого стола, заставленного банками и пробирками, стоял высокий широкоплечий юноша.

— Ко мне? — спросил он, выпрямляясь.

— Да. Я Грачев, из губкома комсомола.

— Чабин. Присаживайтесь.

Степа с интересом рассматривал незнакомые приборы и пробирки.

— По какому вопросу? — приветливо поинтересовался Чабин.

— Хочу поближе познакомиться с техникумом. А вы, простите, чем сейчас занимаетесь?

— Ставлю эксперимент... Интересует одна формула, хочу убедиться в ее верности.

Не желая попадать впросак, Степа перевел разговор на другую тему.

— В губкоме мне сказали, что студентов в техникуме много, а комсомольцев мало. Чем это объяснить?

— Видите ли, социальный состав учащихся довольно пестр. На двух старших курсах учится набор девятнадцатого—двадцатого годов, в основном это дети мещан. На первом и втором курсах состав другой. Здесь уже ребята из рабочих и крестьянских семей. Из них в основном и состоит ячейка. Но детей трудящихся мало. В техникум принимают с семилетним образованием. Я считаю, в городе нужно форсировать развитие семилетнего образования с преимуществом для детей рабочих и крестьян. Мы уже ставили вопрос о создании профессионально-технической школы. Она могла бы стать нашей базой, но губоно нас не поддержало.

— А если поддержит губком?

— Тогда было бы другое дело.

— Саша, а куда идут выпускники техникума?

— В основном стремятся поступить в Томский технологический институт или в Петроградский — путей сообщения. Знаете что, вам бы лучше было поговорить с заведующим. Он лучше меня знает все вопросы. Пойдемте к нему.

Заведующий был у себя.

— Знакомьтесь, Петр Иванович. Это работник губкома товарищ Грачев, — представил Степу Чабин.

— Крайнев. Садитесь, товарищи.

Чабин присел на стул и, указав Степе на стоявшее рядом кресло, рассказал о том, что интересует Грачева.

Крайневу было на вид лет сорок пять. Его интеллигентное сухое лицо портил большой красный нос. «Наверное, часто заглядывает в рюмку», — подумал Степа.

— Знаете что, покажем товарищу Грачеву наш техникум, — предложил Крайнев. — Я думаю, начнем с мастерских.

Они спустились в полуподвал. В продолговатом помещении стояли станки, на столах лежали разные инструменты. В следующей комнате оказалась хорошо оборудованная просторная столярная мастерская. Потом Крайнев показал Грачеву учебные кабинеты, где на щитах были выставлены различные инструменты и изделия, сделанные руками студентов, — гаечные ключи и шестеренки, циркули и долота, металлические ли-

нейки и разный инструмент для столярных работ. Степе даже не верилось, что все это сделано руками учащихся. Крайнев угадал это по его лицу и пояснил:

— Все, что вы здесь видите, мы не только показываем на выставках, но и продаем и даже выполняем заказы предприятий.

— А что вы скажете, если на базе ваших мастерских создать где-то неподалеку профессионально-техническую школу?

— Практически это возможно. Между прочим, есть и подходящее помещение. Совсем недалеко от нас находится бывшее городское училище. Верхний этаж — там раньше была церковь — пустует, а нижний — заняли жильцы. Кто их туда пустил и зачем — не знаю. Мы бы могли пойти туда. Сейчас же. Вы не против?

— Нет, конечно! — обрадовался Степа.

Пройдя два квартала, они оказались возле двухэтажного здания, увенчанного куполом с крестом на макушке. Парадная дверь оказалась закрытой, пришлось постучать. На стук вышел старичок.

— Извините, — сказал Крайнев, — мы хотим посмотреть верхнее помещение.

У старика сильно тряслась голова, и он прошамкал:

— Церковь, вы хотите сказать?

Старик сходил за ключами.

Грачев давно не был в церкви, и то, что он увидел, не столько удивило, сколько обрадовало его. Просторный зал с четырьмя квадратными колоннами, украшенными замысловатым орнаментом, мог стать прекрасным помещением для клуба. Если стены помыть с мылом, бледно-зеленая краска на них оживет. Иконостас почти весь разобран. В верхней его части в овальных позолоченных рамах сохранились иконы апостолов. В эти рамы можно вставить портреты Ломоносова, Пушкина. Попросить Серафима Петровича. Не нужны будут холсты и подрамники, бери любую икону и на обратной стороне холста пиши картину или портрет.

— Какое помещение зря пропадает! — воскликнул Степа.

— В каком смысле? — спросил Крайнев.

— В самом обыкновенном. Это же почти готовый клуб. Вот здесь соорудить сцену. Под куполом сделать потолок. В столярке ваши ребята могли бы смастерить скамейки для зала. Стены вымыть...

— А где взять средства? — холодно спросил Крайнев.

— Где взять средства? Да, об этом надо подумать... Пожалуй, выход найдем. В этом году зреет урожай комсомольских десятин, а за хлеб можно сделать все. Это помещение мы можем использовать для клуба городской организации РКСМ и техникума совместно.

— Отличная идея, — обрадовался Чабин.

— Заманчиво, заманчиво... — сказал Крайнев, но Степа не понял его тона.

— Вообразите, Петр Иванович, что в эти овальные рамы помещены портреты выдающихся людей или картины. На сцене занавес... можно спектакли ставить...

— Да, да, все это хорошо, — уклончиво ответил Крайнев, — но обо всем надо подумать основательно. А теперь пройдемте вниз, заглянем, что там.

Бывшие классы городского училища были перегорожены листами фанеры и старыми досками. В этих небольших каморках ютились жильцы. Поверх перегородок виднелись самодельные жестяные трубы. Помещение пропахло угольным дымом.

— Если устроить вверху клуб, жильцы будут возмущаться. Ведь там все время будет шумно, — сказал Крайнев.

— Я попробую поговорить в губисполкоме. Может, удастся куда-нибудь переселить этих людей. Тогда внизу организуем школу.

Прощаясь с Крайневым и Чабиным, Степа обещал через несколько дней навестить их.

Он хотел взяться за дело сегодня же и в первую очередь решил сходить к сестре Серафима Петровича. Мысль о том, что художник может помочь им украсить клуб, крепко засела в его голове.

У крыльца небольшого опрятного домика его встретила старушка, очень похожая на Перепелкина.

— Я от Серафима Петровича, — представился Грачев. — Он передает вам низкий поклон.

Узнав, что Степа не так давно видел ее брата, разговаривал с ним, старушка засуетилась и провела его в дом.

— Может, вам чайку согреть? — предложила она.

Но Степа отказался, сказал, что зашел всего на минутку, передать привет от Серафима Петровича.

— Вы теперь, выходит, в нашем городе будете жить?

— Да.

— Тогда заходите в гости. Я ведь одна живу, скучно мне. Думаю вот квартирантов пустить, да боюсь, попадет какой-нибудь проходимец — нынче народ, сами знаете, распущенный пошел...

— Вы собираетесь сдавать комнату?

— Первую от парадного.

— А можно на нее взглянуть?

В продолговатой небольшой комнате стояли столик, несколько стульев.

— Лидия Петровна, а меня с товарищем вы пустите? Парень он хороший.

— Не знаю, как и быть, — замялась старушка. И, помолчав, спросила: — А вы партийный?

— Товарищ мой партийный, а я только собираюсь вступить. Работает в губкоме союза молодежи, знаете, на Пушкинской. Если вы разрешите, я приведу его.

Потом Степа сообщил, что собирается написать письмо Серафиму Петровичу и пригласить его сюда.

— Есть для него хорошая работа, будет клуб оформлять. Если, конечно, я в губкоме договорюсь насчет этого.

— Вот было бы хорошо, — обрадовалась старушка, — я ведь их давно сюда приглашаю.

Вернувшись в губком, Степа с порога атаковал Гурова.

— Слушай. В губернском городе нет своего комсомольского клуба! Разве это нормально?

— Да нет, — сказал Гуров. — Помещение не можем найти. У тебя есть какое-то конкретное предложение?

— Есть. Вот послушай...

И Грачев рассказал о посещении здания бывшей церкви, о разговоре с Крайневым и Чабиным. Рассказал он и о своих соображениях по организации профтехшколы и клуба.

Вопрос со школой Гуров посоветовал предварительно обсудить в губпрофобре, а мысль создать городской комсомольский клуб ему понравилась...

— Сходи в губком партии к заведующему агитпропом товарищу Предэ и поговори с ним. Полагаю, он нас поддержит. Все свои конкретные предложения подготовь к бюро, мы их обсудим в ближайшее время.

От Яшина Степа не раз слышал, что о людях надо судить не по тому, что они о себе говорят, а по их

делам и поступкам. За неделю работы в губкоме и у Грачева начинало складываться свое мнение о товарищах. Гуров, например, человек осторожный, а ему всего двадцать два года. Он обдумывает каждое слово и никогда до конца не высказывает своего мнения. Шустин — тоже осторожен и вдобавок подозрителен, боится, как бы при решении того или другого вопроса его не обошли.

Самой интересной фигурой в губкоме была Ева Гриткер. Откровенная, честная, она сразу понравилась Степе.

* * *

Знакомясь с документами и циркулярами, Степа понял, что ЦК РКСМ требует ускорить организацию новых школ профтехнического образования, а Главпрофобр настаивает на укреплении уже имеющихся. Обе высокие инстанции пока что ни до чего не договорились. Каждая проводила свою линию. Степа оказался меж двух огней. Нужен был совет более опытного товарища, и Грачев пошел к Предэ.

Это был человек с львиной гривой светлых волос, с крупным лицом и тонкими губами, которые постоянно жевали мундштук большой, инкрустированной серебряными пластинками трубки.

— Слушаю вас, молодой человек. — Предэ выпустил изо рта сизое облачко дыма, внимательно посмотрел на посетителя.

Степа представился, рассказал о своих сомнениях насчет того, чью линию ему следует поддерживать: ту, которую занимает в вопросе профессионального образования ЦК РКСМ, или Главпрофобра.

— Этот вопрос надо решать, исходя из местных условий, — сказал заведующий агитпропом, весело поглядывая на Степу из-под густых бровей. — Профессиональных школ в городе нет, стало быть, нужно начинать все заново, как требует ЦК РКСМ. Нам нужны квалифицированные рабочие. А подготовить их можно только в специальных школах. Для этого потребуются штаты и деньги. Давайте свяжемся с губоно и с Главпрофобром, у них есть и деньги, и штаты. А помещение мы найдем.

— Оно уже есть, — обрадовался Степа и рассказал

Предэ о бывшей церкви. — Там не только школу, но и клуб можно организовать.

— Предложение заманчивое, — улыбнулся Предэ. — Что ж, я посоветуюсь с товарищами. Загляни-ка ты ко мне дня через два.

В тот же день Степа получил письмо от Лены. Она интересовалась условиями приема в сельхозтехникум, приглашала приехать дня на два к ним в лесничество, где в этом году уродилось много ягод и грибов. «Папа на меня в обиде, — писала она, — за то, что я так и не познакомила тебя с ним. Обязательно приезжай. Мы очень ждем тебя, милый». Слово «милый» поразило Грачева. Лена никогда его так не называла. Письмо взволновало, и Степа тут же написал ответ.

Вскоре в город приехал Серафим Петрович.

— Распишу ваш клуб, — заявил он, — и обратно домой. Спасибо, Степа, что не забыл старика.

Вопрос с клубом был решен. Для того, чтобы достать материалы на его оборудование, бюро губкома выделило восемьдесят пудов хлеба. Грачев попросил ребят из ячейки РКСМ лесозавода смастерить скамейки и заделать купол. Оставалось вымыть стены, а на месте алтаря соорудить сцену. Нижний этаж и дом во дворе были отданы в распоряжение губпрофобра для организации профшколы. Жильцы с неописуемой радостью перебрались на новые места. Когда Степа привел первый раз Серафима Петровича в церковь, то тот, осмотрев ее, авторитетно заявил:

— Да, сработано на совесть.

Он долго копался в иконостасе, выносил иконы на свет, разглядывал, качал головой: от холода иконы попортились. Степа и сам видел трещины, отвалившуюся краску, морщины на холстах.

— Ценные иконы сдадим в музей, пускай делают с ними что хотят, а на попорченных попробуем сами писать. — Серафим Петрович подмигнул Степе и тут же добавил: — Думаю так: пригласим мы представителя губисполкома и составим подробный акт. На народные денежки сотворено все это, и поступим мы по-государственному.

Апостолы в круглых рамах огорчили Серафима Петровича: они были написаны на досках.

— Ребята из техникума сделают нам круглые подрамники, — успокоил его Степа.

— Сделают ли?

— Сделают! А холст возьмем из-под старых икон.

— На старом холсте не уедешь. Она, брат, краска — штука зловредная, ее не сдерешь.

— А на обратной стороне разве нельзя писать?

— Можно. Только на таком холсте картина долго жить не будет. Она должна дышать, понимаешь, дышать. Но так как мы с тобой художники не знаменитые, — он подмигнул Степе, — то можно писать и на обратной стороне. А вот для портретов нужен свежий холст. Сможешь достать?

— Найдем! — не задумываясь ответил Степа.

У него мелькнула мысль попросить ребят с текстильной фабрики. «Не может быть, чтобы они не смогли достать десятка два аршинов нового холста, хотя бы из брака».

Для клуба решено было написать портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Чернышевского, а для школы — Пушкина, Лермонтова, Белинского, Некрасова, Льва Толстого и Чехова.

Когда вечером выдавалось свободное время, Степа приходил помогать Серафиму Петровичу.

В разгар работы по оформлению клуба Грачев побывал в железнодорожных мастерских. Его интересовало, как там поставлено фабрично-заводское ученичество. Раньше Степа никогда не бывал в мастерских и, прежде чем направиться туда, позвонил Крайневу. Саша Чабин говорил, что он — бывший инженер-путеец.

— Петр Иванович, нужна ваша помощь, — Степа выждал вежливую паузу, пока Крайнев не спросил:

— В чем помощь?

— Я хотел завтра пойти в железнодорожные мастерские. Познакомиться с их работой. Но сам я не железнодорожник и без специалиста мне будет трудно во всем разобраться. У вас не будет часа три свободного времени?

— С удовольствием составлю вам компанию, — ответил Крайнев. — Где и когда встречаемся?

— В десять часов у ворот мастерских!

Крайнева ждать не пришлось, он подошел минута в минуту.

— С чего начнем? — спросил он Степу.

— Сначала я хотел бы получить общее представление. Потом будет видно.

— В таком случае начнем с вагоноремонтного цеха. Там вы все поймете сразу.

В громадном высоком пролете цеха стоял звенящий гул. На огромных станках растачивали колесные бандажи, визжали и скрипели фрезерные станки, стучали молоты, кричали мастера и рабочие. В этом гуле Степа едва различал голос Крайнева, который объяснял назначение каждого станка и механизма. У Крайнева в цехе было много знакомых. Он то и дело хлопал кого-нибудь по плечу и заразительно смеялся, вспомнив какой-нибудь случай. От сдержанности и интеллигентности заведующего техникумом не осталось и следа. Он как будто помолодел душой и телом. «В этой обстановке нельзя быть чопорным, кислым, — подумал Степа, — это сразу бросится в глаза. Здесь даже бюрократ, у которого в душе не осталось ничего святого, вынужден будет вести себя по-человечески. Иного отношения к себе здесь не потерпят. Вот в чем великая сила рабочего класса, класса, которому принадлежит будущее». Грачеву даже стало обидно, что он не прошел жизненной школы этих людей. «Надо подышать этой пылью, досыта наслушаться гула станков и механизмов, только тогда можно стать настоящим человеком».

Железнодорожные мастерские считались в губернском городе революционным центром. Отсюда в годы гражданской войны вышли многие командиры красноармейских отрядов, отсюда, из мастерских, шагала по губернии молодая Советская власть.

Грачев не заметил, как они прошли в машинное отделение. Здесь было все начищено до блеска, монотонно и зло урчали громадные дизельные двигатели. Крайнев с увлечением объяснял, как они работают, размахивал руками, пытаясь изобразить цилиндр и поршень.

— Топливо впрыскивается в цилиндр под большим давлением, поршень сжимает его, происходит самовоспламенение, понимаете — взрыв! — кричал он.

— Понимаю, — отвечал Степа, хотя, конечно, ничего не понимал: слишком много было новых сведений. Его мозг просто не успевал, не мог все усвоить.

А Крайнев сыпал и сыпал непонятными словами, цифрами, сложными сравнениями. Из всего сказанного Степа запомнил лишь одно: что первые двигатели этого типа были созданы на заводе Нобеля в Петербурге, который впоследствии переименовали в «Русский дизель».

После осмотра мастерских они зашли в дорпрофсож. Степа поинтересовался, как выполняется в мастерских закон о приеме на работу молодежи в возрасте шестнадцати-семнадцати лет. По закону каждое предприятие должно было в течение года трудоустроить определенное количество молодых рабочих.

— Плохо выполняем закон, — признал председатель дорпрофсожа, пожилой старый рабочий, у которого на месте правой руки болтался пустой рукав пиджака. — В этом году всего двух приняли.

— А по броне сколько?

— По броне положено было принять восемь человек. Понимаете, тут у нас из Екатеринбурга четверо хороших специалистов приехали, три токаря и один слесарь. Вот мы и взяли их на работу.

— Понятно, — сказал Степа, — этих учить не надо. Мастерским легче...

— Но и в их положение надо войти, у каждого семья, кормить-то надо.

— Четыре плюс два будет шесть. А на остальные два места кого приняли?

— На одно начальник паровозоремонтного цеха какого-то знакомого своего устроил.

— Ему что, семнадцать лет?

— Какое там семнадцать, все сорок будет, — усмехнулся председатель дорпрофсожа.

Говорить о фабрично-заводском ученичестве не имело никакого смысла. Учеников, молодых рабочих в мастерских было раз-два и обчелся.

Когда они с Крайневым вышли из ворот мастерских, заведующий заметил:

— Правильно вы ставите вопрос. Ведь они даже наших на работу не принимают. Вот почему многие выпускники уезжают в другие города.

Утром в кабинете Гурова Степа напал на Еву.

— Под носом губкома и его инструктора, отвечающих за работу заводских ячеек, нарушается закон о труде, а Приткер ничего не знает.

Ева пыталась оправдаться.

— У нас есть экономическо-правовой отдел, пусть он и отвечает.

— Ну хорошо, допустим! А почему в ячейке железнодорожников так мало членов? Объясни! — не отступал Степа.

Ева замялась.

— А как работает школа заводского ученичества? — И сам ответил:

— Никак, потому что некого там учить. В мастерских молодежи нет — не будешь же учить старых рабочих.

Через неделю Степа добился увольнения с работы двух незаконно принятых рабочих. Вместо них были взяты двое ребят.

Видимо, посоветовавшись с братом, Лидия Петровна разрешила Степе поселиться в ее доме. Ему выделили отдельную комнатку, очень уютную и удобную для занятий живописью. Степа ликовал. Шустин, который тоже собирался жить вместе со Степой, накануне нашел отдельную комнату в доме неподалеку от губкома.

«Смотри-ка, не заметил, как лето почти уже прошло, — подумал Степа, читая письмо от Лены, в котором она сообщила, что не сможет приехать в августе сдавать экзамены в сельхозтехникум — заболела. Ничего, поступит в следующем году. Она девушка серьезная — не отступится от задуманного. Только жаль, что не пришлось увидеться. Надо как-нибудь навестить ее, тем более ее родители хотели познакомиться со мной. Ну и что, покажусь. Авось я не хуже других».

XXVII

В октябре было намечено провести губернский съезд РКСМ. Готовилась и городская конференция.

За несколько дней до ее открытия из Иркутска приехал Андрей Мозгунов. Сиббюро ЦК РКСМ рекомендовало его на должность ответственного секретаря губкома вместо Гурова, уезжавшего на учебу.

— Слушай, почему так часто перемещают работников? — спросил Степа у Евы.

Та удивилась.

— Вот чудак! Все просто. Если работник сидит на одном месте долго, то есть опасность, что он закомиссарится.

Мозгунов никак не походил на комиссара, ему было не больше двадцати двух. Небольшого роста, сосредоточенный, спокойный, он пришел на комсомольскую работу из Красной Армии. Интерес, который он проявил ко

всему с первых же дней, привлек к нему внимание работников губкома: Шустин не преминул заметить Степе:

— Кажется, у нас будет настоящий секретарь!

Ева добавила:

— И интересный парень.

На городской конференции Степу избрали в состав горкома и делегатом на губернский съезд. При обсуждении его кандидатуры выступила Ева. Она дельно говорила о личных качествах Грачева — о его порядочности, чувстве товарищества, о его организаторских способностях. И привела пример с клубом.

Хотя Ева говорила все правильно, Степе стало как-то не по себе — неловко перед товарищами. Действительно, это он поставил вопрос об организации городского комсомольского клуба. Но когда появилась реальная возможность переоборудовать церковь под клуб, ему помогали другие, та же Ева, товарищ Предэ. Ему легко было доказать важность нового клуба, потому что сейчас, с началом нэпа, стало поднимать голову изворотливое мещанство, оживали религиозные предрассудки.

За день до открытия губернского съезда к Степе заглянул Брякин.

— Не ладятся у меня дела с Кисловым. Придется просить, чтобы перевели в другой уезд. — Кузя вздохнул и сел на стул. — Ты не поможешь мне?

— Я тебя понимаю и сделаю, что могу, только после съезда, когда все станет на свои места. Только и ты мне поможешь, как говорится, баш на баш. — Степа загадочно улыбнулся. — Дело такое, Кузя. Мы открываем новый клуб. Собираемся провести «комсомольское рождество». Понял? Пьесу напишешь на антирелигиозную тему? Да еще в стихах. У тебя должно получиться. Только не так, как тогда, — понимаешь?

— Знаешь, ты тогда был прав, — загорелся Брякин, — плохо у меня получалось. Теперь я не расстаюсь со стихами — читаю где придется. И знаешь, писать стало труднее, но зато вроде лучше выходит.

— Молодец! — похвалил Степа. — Ну так как же с пьесой?

— Попробую, — твердо заявил Кузя. — Знаешь, начало сделаем так. На сцене хлев. Библейский Иосиф,

дева Мария, пастухи пьют самогонку за здравие новорожденного.

— А почему самогонку? — спросил Степа.

— Так ведь сейчас только ее, милую, пьют. Злоба дня.

— Пожалуй, ты прав. У хозяйки есть разные евангелия. Я сейчас их принесу.

Степа вышел и тут же вернулся с книгами в кожаных переплетах. Ребята уселись за стол и стали искать в них легенду о рождестве. У разных евангелистов миф о рождестве не совпадал в деталях, но это было не так уж важно. Брякин принялся выписывать нужные места. Ушел он от Степы поздно вечером и обещал написать пьесу за две недели.

Губернский съезд доставил Грачеву много радостей. В числе делегатов были Тишка Дудин от шумиловской ячейки, Петя Скурихин от моховской. Степа пригласил их к себе на квартиру, засыпал вопросами. Его интересовало многое: как живут его односельчане, работает ли в Шумиловке комсомольский клуб, сколько членов в шумиловской ячейке, кто умер, кто на ком женился, кто вернулся с гражданской войны...

Больше всего Грачева интересовала, конечно же, работа сельских ячеек РКСМ. В губкоме об этом часто говорили.

Работать они стали хуже, да и число их сократилось. В чем причина? Многие пытались объяснить это влиянием нэпа. Верно, классовое расслоение в деревне усилилось. Повысился интерес молодежи к своему хозяйству, сказалась частнособственническая психология мужика. Если при военном коммунизме ребята и девчата живо интересовались и тянулись к клубу и к ликбезу, то теперь оживилась улица: гулянки, посиделки. Участились случаи пьянства и хулиганства. Рассказы Тишки и Петьки как будто подтверждали сложившееся в губкоме мнение о сельских делах. Но в то же время в шумиловской ячейке только два человека вышли из союза: Скорняков и Дронов, а в Мохово, наоборот, в ячейку вступило шесть новых членов.

Стало быть, дело не только в объективных причинах, многое зависит от того, как работают ячейки, какова их связь с молодежью, с партийными товарищами.

Особенно Степа огорчился смерти Студенкова. Такие люди оставляют заметный след в душе других. Тиш-

ка рассказывал, что незадолго до смерти Студенков позвал его и передал ему бумагу, в которой всю свою библиотеку завещал комсомольскому клубу.

Утром Степа повел гостей в губернский краеведческий музей. Ему очень хотелось показать копию модели машины Ползунова. Степа был в музее дважды, последний раз с Крайневым, который прочитал ему целую лекцию и о Ползунове, и о его машине. Когда Степа слушал инженера и рассматривал детали модели, ему просто не верилось, что еще в восемнадцатом веке русский умелец с Урала изобрел первый в мире паровой двигатель. И Тишка, и Петя ходили вокруг модели и так же, как Степа, удивлялись, охали, слушая рассказ о Ползунове. Кивнув головой в сторону витрин, где под стеклом хранились пожелтевшие от времени документы о великом изобретателе, Степа сказал:

— Англичане знали чертежи Ползунова и кое-что сдули у него...

— А ты-то откуда знаешь? — усомнился Скурихин.

— Мне один инженер рассказывал.

То, что их товарищ был близко знаком с таким большим человеком, как заведующий техникумом, поразило ребят. Они как-то притихли.

— Да, ты тоже большим человеком стал, Степан, — осторожно сказал Дудин. — Ты теперь обо всем знаешь. А мы как были темные, так и остались. Поневоле тебе позавидуешь.

— Я считаю, мне в одном можно позавидовать, — это в том, что я в Москве был и Ленина видел. У вас, ребята, все-все впереди, и главное — от вас самих все зависит. Тем и хороша Советская власть, что ваша судьба в ваших руках. Ну, кто вам мешает учиться, стать тем, кем вы хотите? Понимаешь, Тишка, ты мне как-то говорил о чуде, что вот как это интересно — из простого зернышка вырастает и трава, и дерево, и рожь, и подсолнух. Ты еще мечтал такую пшеницу вырастить, ростом с лошадь, а вместо листьев чтобы колоски были. Вот и учись, кстати, у нас сельхозтехникум есть. Много премудростей там узнаешь и будешь таким, каким стал Ползунов в своем деле. Ну, а пока какие у вас ближайшие планы?

Первым ответил Скурихин:

— Меня хотят назначить райорганизатором укома комсомола по нашему району. Кислов сам предложил.

А вообще-то, это я только вам говорю, хочу быть ветеринаром. Как-то раз я видел, как лошадь сдыхала. Верьте-нет, а глаза у нее были, если б вы видели, ну прямо человечьи. Чуяла, видно, что все, конец. И ничем никто ей не помог. Скотина, дело понятное, бессловесная — не скажет, что у нее болит. Так тогда мне жутко стало. Полжизни бы своей отдал, лишь бы лошадь поднялась. И подумал я: вот бы научиться все их болезни узнавать и лечить. А сколько коров, свиней, овец подыхает — все из-за того, что или ветеринары такие попадаются, что ни бе ни ме ни кукареку, или уж болезни такие, что их лечить не научились.

— Слушай, а из тебя и в самом деле толковый ветеринар получится. За чем же дело стало? Вот что — я кое-что разузнаю насчет твоей специальности и напишу. Идет?

Сияющий Петька смутился и кивнул.

— А ты, Тишка?

— А что — буду готовиться в техникум. И поступлю. А ячейку сдам Груне.

— Как это сдам? Как будто чемодан какой.

Дудин поправился:

— Ну, я не так сказал. Груня не хуже, а лучше меня может работать. Вот увидишь.

* * *

Клуб еле-еле успели оформить к самому началу съезда. Справа и слева от сцены висели портреты Маркса и Энгельса, а в глубине портрет Ленина. Над сценой — транспарант, приветствующий делегатов съезда. Все это делало клуб праздничным и нарядным.

Слушая отчетный доклад губкома, Степа вспомнил, в какой обстановке проходил первый губернский съезд РКСМ. Тогда на первом плане были война и хлеб. Теперь другие заботы, другие задачи. С тревогой говорил Гуров о положении дел в деревне, где сократилось количество ячеек и количество членов. Там поднимали головы кулаки, попы и сектанты. Оправившись от удара, который нанесла религии революция, церковники пытались исподволь удержать свое влияние на народ.

В городских организациях тоже не все благополучно. На предприятиях сократилось число подростков.

Кое-где нарушался закон об их труде. Ослабла клубная работа. В сложившейся обстановке нужно было усилить коммунистическое воспитание молодежи.

Выборы в губком прошли без осложнений. В числе членов губкома был и Степа, а на пленуме его избрали в бюро.

Сразу же после пленума губкома Грачева вызвал к себе Мозгунов.

— Придется тебе секретарить, пока мы будем в Москве.

— А почему не Приткер?

— Видишь ли, как-никак она девушка, — откровенно признался Мозгунов, — а я еще не знаю, что это за люди. В армии были ведь все мужчины. Так что не возражай. Тебе я доверяю больше.

Под вечер к Степе заглянул Брякин.

— Я говорил с Мозгуновым, что не сработаюсь с Кисловым, он, кажется, готов пойти мне навстречу. У меня просьба: ты напомни ему обо мне попозже.

— Ты не раздумал писать пьесу про рождество? — спросил Степа. — Только смотри, без ругани и всего такого, — предупредил Грачев. — Этим попов не одолеть. Постарайся написать, как обещал, за две недели. Ну, за три, самое большое. Ее же репетировать надо. А это дело хлопотное, времени требует.

Прежде чем проводить Дудина и Скурихина домой, Степа повел их в магазин губполитпросвета. Он был уверен, что выпросит у заведующего для шумиловской и моховской ячеек по библиотечке. Магазин находился через два дома от губкома, в нижнем этаже бывшего купеческого особняка. Грачев заходил туда часто и был знаком с заведующим. Представив своих друзей, он коротко объяснил, зачем пришли. Заведующий развел руками:

— Не могу. Если все ваши делегаты придут и будут просить бесплатно по библиотечке...

— Но, понимаете, это особые ячейки. Они хорошо работают и будут работать с молодежью еще лучше, если ребята привезут книжки! — возразил Степа.

Дудин и Скурихин стояли у прилавка и с завистью смотрели на полки, на которых стопками стояли книги и брошюры. Особую зависть вызывали отдельно изданные работы Ленина, Маркса, Энгельса. Завмаг заметил это и, смягчившись, сказал:

— Что ж, если будет ходатайство губкома, книжек двадцать подберем, но не больше.

Степа сходил в губком и вернулся с бумажкой, им самим подписанной. Вместе с продавцом он подо-ал литературу и в придачу выпросил еще по дюжине рандашей и по нескольку тетрадей.

* * *

На Пятом Всесоюзном съезде РКСМ комсомол взял фство над Военно-Морским Флотом. Делегаты вер-лись в матросских форменках. Привезли они и новую сню Безыменского «Вперед, заре навстречу...» Она азу стала популярной, и на демонстрации седьмого ября комсомольцы города в праздничных колоннах ли:

Смелей вперед и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

На расширенном заседании бюро губкома Мозгунов ссказал о работе съезда.

Из газет Степа узнал, что Ильич не присутствовал съезде. Он направил делегатам приветственное пись-: «Дорогие друзья! Очень жалею, что не могу лично иветствовать вас. Желаю работам вашего V съезда якого успеха. Уверен, что молодежь сумеет разви-ться так успешно, чтобы ко времени назревания сле-ющего момента мировой революции оказаться вполне высоте задачи». Перед делегатами съезда выступили линин, Крупская, Луначарский, Подвойский, Семаш-. Мозгунов передал, о чем говорил каждый из них. большим удовлетворением Степа услышал, что на езде очень много внимания было уделено охране тру-подростков. Кодекс законов о труде 1922 года окон-гельно закрепил требование комсомола о 4—6-часо-м рабочем дне для подростков. Но закон этот выпол-лся плохо, особенно в кустарных мастерских, при-длежащих нэпманам. Много говорилось на съезде и расширении фабрично-заводского ученичества.

Зная, что в губкоме этим вопросом занимается Гра-з, Мозгунов, глядя в его сторону, сказал:

— Нужны не только квалифицированные рабочие. колы должны готовить рабочих-общественников, рабо-

чих-коммунистов. Я специально напомню слова, которые сказал по этому поводу Владимир Ильич: Он сказал, что мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы Коммунистический Союз Молодежи свое образование, свое ученичество и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических брошюр. Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами. Это прежде всего относится к вам, товарищи Приткер и Грачев. Это должно стать главным направлением в вашей работе.

Не обошлось и без споров. Начала их Ева. Когда Мозгунов кончил говорить, она поднялась с места и спросила, обсуждали ли делегаты съезда вопрос о принятии в комсомол нерабочей молодежи.

— Нет, такого вопроса в повестке съезда не было.

— А зря. Мещанству нужно поставить заслон! Закрыть все щели для нэпманской молодежи! Почему мы терпим в союзе тех, кто красит губы и носит галстуки?

— А как же с учащейся молодежью?

— Подождет. Не обязательно ее принимать в союз! — не задумываясь, заявила Ева. — Пока что большинство учащихся — дети нэпманов, мещан и бывших— разных там интеллигентов, приказчиков и так далее.

— Значит, ты считаешь, что ее надо бросить на произвол судьбы. А кто же ее будет воспитывать в пролетарском духе? — спросил Степа.

— Нет, не считаю. Я так не говорила.

— Путаница у тебя в голове, Ева!

Ева убавила пыл и буркнула:

— Сам ты путаник.

Степа не обиделся, но и не ответил. Вопрос, который затронула Ева, оказался злободневным. Шустин поддержал ее и сказал, что нерабочую молодежь не следует принимать в комсомол, а также и представителей середняцкой молодежи — к каждому надо подходить индивидуально, нельзя всех стричь под одну гребенку.

Его спросили, есть ли различие между середняком и зажиточным. Шустин ответил:

— Большой разницы не вижу. Только надо в каждом случае смотреть: кто из них эксплуатирует чужой труд.

Степа попытался уточнить.

— А если середняк пойдет в сельскохозяйственные кооперативные товарищества, принимать его или нет?

— Принимать.

— А зажиточного?

— Нет.

Кто-то спросил:

— А ты против галстуков?

Шустин обиделся.

— Смеяться над собой я не позволю.

— Мы добиваемся ясности, а ты начинаешь сердиться. Вот чудак! — бросил Степа.

В заключительном слове Мозгунов как бы подвел итог этим спорам:

— Конечно, в союз надо принимать больше рабочей и батрацко-бедняцкой молодежи, но это не значит, что мы должны наглухо закрыть дверь для середняков, учащихся! Союз обязан и в условиях нэпа развернуть коммунистическое воспитание молодежи, учить ее на практической работе, развивать классовое самосознание, готовить в ряды Красной Армии. Надо учитывать возрастной состав молодежи, а не подходить с одинаковым аршином к тем, кому шестнадцать-восемнадцать лет, и к тем, кому за двадцать! Следует идти в ячейки, разъяснять решения Пятого съезда, поднимать молодежь на борьбу за их выполнение. Но прежде каждый член губкома должен основательно изучить постановления Пятого съезда РКСМ.

Слушая Мозгунова, Степа поглядывал на Еву. Она сидела с невозмутимым видом. «Откуда у нее путаница по таким ясным вопросам? — подумал он и вспомнил шумиловскую ячейку, вспомнил Скорнякова и Дронова. — Они ушли из союза. Ну и что же! Такие союзу не нужны. Но среди середняков есть ребята, которых обязательно нужно принимать в союз». Степа не придал особого значения вспыхнувшей на бюро перепалке. По-другому отнесся к этому Мозгунов. После заседания он попросил Степу задержаться и, когда они остались одни, спросил:

— Скажи, часто у вас бывают такие опоры?

— Да нет. Сколько я помню, раньше на бюро никаких особых разногласий не возникало. Тем более по самым важным вопросам.

— Странно. На губернском съезде молчали, а тут вздумали.

Мозгунов озабоченно взглянул на Степу и спросил:

— Как по-твоему, откуда у Приткер такая неразбериха?

Видя, что Степа замялся, Мозгунов сам же и ответил:

— По-твоему, она способна на бузу?

— Не думаю. Крайности у нее бывают, это верно, но допускать принципиальные ошибки!.. Я и сам ее часто не понимаю.

О Шустине Мозгунов не спросил. Обычно сдержанный, часто неуверенный, точно боявшийся, что его освободят от работы, как мог решиться Шустин на такое выступление? Степа не понимал этого. Конечно, у каждого может быть свое мнение, но когда два члена бюро губкома шагают кто в лес, кто по дрова — это уже не годится.

Как-то Приткер зашла вечером к Степе. На дворе было туманно и сыро. В такие вечера хорошо читается... Степа взял в библиотеке томик Белинского и с жадностью читал «Литературные мечтания». Приткер ворвалась в комнату, словно ее занес ветер.

— Привет! — крикнула она. — Читаешь?

Степа встал с топчана и помог девушке снять плащ, стряхнул его и повесил на крюк. Ева поправила у зеркала волосы и спросила:

— Не ждал? Поговорить пришла. На душе кошки скребут.

Она подошла к столику, взяла в руки раскрытую книгу:

— Смотри-ка, чем увлекаешься! Не ждала от тебя.

— Читала?

— Нет.

— Я тоже случайно наткнулся. Замечательная книга! Обязательно прочти.

Ева кивнула головой, спросила:

— Скажи по совести: загнула я тогда на бюро?

— Влево тебя занесло. Понимаешь, сейчас нельзя держаться за то, что мы рьяно отстаивали вчера. Жизнь на месте не стоит. Вот к примеру: кого принимать в союз? О детях крестьянской бедноты и рабочих говорить не будем. Дети нэпманов, интеллигентов, мещан —

учти это уже новое поколение, им жить при новой власти. И власть эта крепкая, навечно — они это хорошо понимают. Значит, с одной стороны, их родители, которые их воспитывают по-старорежимному, с другой стороны — мы. Я уверен — такая молодежь к нам тянется искренне, наши дела им нравятся, и что же будет, если мы их оттолкнем? Они разве виноваты, что их родители бывшие? Нет, конечно. Пусть среди них окажутся те, кто пойдет в комсомол за личной выгодой — таких мы рано или поздно распознаем — хватит одного-двух субботников. Может быть, я не прав или не так понимаю решения съезда?

Ева пожала плечами.

— Труднее стало, — посетовала она. — У меня иногда такой ералаш в голове, прямо не знаю, что делать. Кажется, делаешь все правильно, а выходит наоборот. Если бы я год назад выступила против тех, кто красит губы и носит галстуки, меня бы все поддержали. А теперь наступило время какой-то всеобщей терпимости. Два года назад били буржуев, а сейчас сами даем им возможность открывать лавочки, мастерские. У тебя хороший характер, ты быстро приспособился к новой обстановке, а я не могу переломить себя, во мне все бурлит, негодует. Разве о такой жизни мечтали большевики, которые сложили головы на каторгах и в гражданскую войну?

— Не приспособился, а понял, что одной прямоты и честности мало, надо учиться думать. Ты бы хотела все сплеча рубить. На это особого ума не надо. Вот ты говоришь: буржуям даем возможность заниматься предпринимательством. Кричать и негодовать легко, а ты заставь себя подумать, разберись, что к чему. О новой экономической политике ясно сказано в решениях съездов партии.

Степа не на шутку разошелся, встал и принялся ходить по комнате.

— Ты против тех, кто галстуки носит. Но подумай, это же ерунда. Кстати, в Москве я многих ответственных работников видел в галстуках. Один может носить галстук и быть преданным делу революции человеком, а другой, хоть и галстука не носит, — лютый враг наш. Так что если ты будешь судить о людях по внешнему виду, сразу скажу тебе — толку из тебя не выйдет. Не обижайся, я тебе это как другу говорю.

Ева густо покраснела. Грачев чувствовал, что убедил ее. Он ожидал, что девушка скажет: «Да, я была не права», — но вместо этого все же сказалась ее горячая, непосредственная натура — она тихо спросила:

— Но разве человек не может ошибиться?

— Ошибки бывают разные: личного плана и такие, которые отражаются на многих людях. В первом случае так: наглупил, ну сам и расхлебывай, это одного тебя касается. А во втором — твои ошибки могут принести большой вред делу.

— Ну, а если ошибка допущена необдуманно, сгоряча?

— Это не меняет дела. Ты имеешь в виду свое выступление на последнем бюро? Так ты поговори с Мозгуновым, и все уладится. Осуждать тебя никто, по-моему, не собирается.

— Я, кажется, влюбилась в Мозгунова! — Ева сорвалась с места, схватила плащ и, надевая его уже в коридоре, открыла дверь и скрылась в вечерней мгле.

Вот и пойми человека. Думаешь о нем одно, а он совсем другое! Зачем приходила? Секретарь горкома влюбляется в секретаря губкома. Ситуация! Вот тебе и каменная Ева?!

XXVIII

Еще в конце 1921 года с целью успешного руководства комсомолом партия провела специальную неделю сближения РКСМ и РКП(б). В письме ЦК РКП(б) ко всем членам РКСМ говорилось: «Сейчас пришел самый трудный этап борьбы. Мы вынуждены применять все средства для поднятия производительных сил страны, ибо без этого не может быть никакого коммунизма. Мы дали свободу мелкой торговле и промышленности, сдаем предприятия в аренду, даем иностранным капиталистам концессии и вместе с тем должны упорно и энергично строить нашу крупную социалистическую промышленность. Развязав хозяйственную инициативу буржуазии, мы пошли навстречу новым великим опасностям. Наша задача заключается в том, чтобы возрождающиеся капиталистические отношения использовались с выгодой для пролетарского дела».

Тогда в состав бюро губкома комсомола был введен товарищ Предэ. Умный, опытный коммунист помогал

комсомольцам наладить деловой стиль в работе, передавал свои знания.

Дел у Степы теперь прибавилось, особенно беспокоило его положение подростков, работающих у нэпманов. Здесь грубо нарушались законы. Вместо 4—6 часов ребята работали по 8 и больше часов, без отпусков, в неподходящих производственных условиях.

Грачев посоветовал редактору газеты «Молодежь Алтая» выступить со статьей на эту тему. «Вот ты и напиши», — предложил редактор. Степа согласился. Его внимание давно привлекала вывеска, висевшая на одном из добротных домов на углу Соборной улицы и переулка, — «Сапожная мастерская Кошкина В. П.». Чуть пониже сказано: «Заказы выполняются аккуратно без задержки».

Степа решил прежде всего заглянуть в эту мастерскую. Явился он под видом заказчика. Мастерская размещалась в полуподвальном этаже. Открыв дверь, Степа увидел четырех подростков лет четырнадцати-шестнадцати. Сидели они на низеньких самодельных табуретках за двумя столами, заваленными обрезками кожи и сапожными инструментами. Увидев молодого посетителя, ребята быстро оторвались от работы и повернули головы в его сторону.

— Вы с заказом? — спросил один из них постарше.

— Дело у меня поважнее, — загадочно ответил Степа.

— Проходите, хозяин скоро будет, — сказал другой парнишка.

Степа заметил у одного подростка лиловый синяк под левым глазом и, подходя ближе к столику, за которым тот мастерил, спросил:

— Подрались?

— Ни! Это хозяин ему врезал...

— Как тебя зовут? — спросил Степа у парнишки с синяком.

— Колька.

— За что же он тебя?

— Хромовый ботинок нечаянно прорезал. Зачищал подошву, нож сорвался и царапнул по носку.

— Скажите, ребята, только честно, сколько часов вы в день работаете на хозяина?

— Когда как, — ответил паренек постарше. — Иногда дотемна, а бывает и вечером.

— Я к вам не по личному делу, ребята, — начал Степа, подсаживаясь ближе к столу на подставленный стул. — О Союзе молодежи слыхали?

— Слыхали, такая партия, сказывают, есть, куда нашего брата записывают, — ответил парень с хитрющим лицом.

— Нет. Это не партия, а Коммунистический Союз Молодежи. Ему вот и поручено следить, чтобы не нарушали закон о труде подростков. Поняли?

Ребята хотя и закачали головами, но по выражению их лиц Степа видел, что они еще ничего не поняли.

— А сколько хозяин платит вам за работу? — спросил Степа.

— За харчи больше работаем, — ответил все тот же парень постарше.

— Вы, значит, его родственники?

— Какие родственники! Колю вон отец из деревни привел, а мы городские. Хозяин говорит, вот научу сапожничать и в люди выведу.

— А вы бы хотели учиться? — Степа заметив, что после его вопроса ребята заметно оживились, продолжал: — Мы скоро будем открывать для таких, как вы, профтехшколу.

— А чему обучать будете? — спросил самый меньший из ребят.

— Слесарному, столярному, а может быть, и сапожному делу.

— А кто кормить нас будет?

— Школа, при ней общежитие организуем.

— Я бы первый записался в вашу школу, — твердо заявил Колька.

— А я подумаю, — отозвался другой. Старший глубокомысленно добавил: — Обмозговать все как следует надо.

В мастерской появился хозяин. Степа увидел коренастого дядю с раздвоенной бородкой и каким-то хищным выражением на лице. Он быстро надел фартук из какой-то кожи неопределенного цвета. И обратился к Степе:

— Сапожки небось сшить хромовые, что али быстро. Материал не принесли? Свой найдем.

Степа заметил как с появлением хозяина ребята, понизив головы, быстро заработали.

— Не с заказом я пришел, а вот с чем. — Грачев

подал свой мандат, в котором сказано, что ему поручается проверить условия труда подростков в частных мастерских. Хозяин прочитал мандат, вернул Степе и быстро пробежал глазами по ребячьим лицам, точно проверяя, не наговорили ли они тут без него лишнего.

— Может быть, в горницу пройдем? — предложил хозяин. — Там и поговорим.

— Нет, зачем же, лучше здесь. У меня к вам, гражданин Кошкин, несколько вопросов.

— Пожалуйста. — Хозяин сел на табурет у сапожного стола, стоявшего в углу мастерской.

— Сколько в месяц вы платите жалованья ученикам?

— Помилуйте, какое жалованье? Я их учу, кормлю, одежонкой помогаю.

— А по скольку часов в день они у вас работают?

— Когда как, бывают срочные заказы, тогда приходится нажимать.

— Вам знаком кодекс законов о труде?

— Слыхали! Вы думаете, я эксплуататор какой. Да вы посмотрите на мои руки! Они все дратвой порезаны. — Хозяин показал Грачеву свои здоровые ручищи со следами сапожного вара.

Степа хотел еще задать вопрос о рукоприкладстве, но, подумав, пожалел Колю. Чего доброго ему еще влетит от хозяина. Обращаясь к Кошкину, Грачев сказал:

— Вас вызовут в отдел труда, и вам придется отвечать за нарушение закона о труде. — Он посмотрел на ребячьи головы и, попрощавшись, вышел. Да, эксплуататоры везде одинаковы. Во все времена они были жадными и беспощадными. Степа вспомнил, как он батрачил у Крутелева, и ему стало жалко ребят. «Надо будет Колю пристроить в профтехшколу», — подумал он. Проверив на другой день частную мастерскую, где лудили самовары и ремонтировали домашнюю посуду, Грачев написал статью в газету «Молодежь Алтая» под заголовком «Эксплуататоры детского труда». Статья вызвала живые отклики.

Первым Степу поздравил Предэ. Он позвонил по телефону:

— Молодец, правильно ставишь вопрос. Кустари должны знать, что никто не допустит нарушений закона. Вопрос о рукоприкладстве разберет милиция, и этому Кошкину несдобровать.

Мозгунов тоже похвалил Грачева за статью.

— Нам всем надо чаще выступать в печати. Сам посуди, — говорил Мозгунов, — не выступи ты в газете, кто знал бы о безобразиях, которые творятся в частных мастерских. А теперь нэпманы, кустари задумаются.

* * *

В начале декабря на бюро губкома РКСМ обсуждался вопрос о рекомендации Грачева в ряды партии. Мозгунов зачитал характеристику. Первой взяла слово Ева.

— Грачев не подведет. За это я ручаюсь. Парень принципиальный, не терпит фальши, а инициативы ему не занимать. За что возьмется, доведет до конца. Правда, у него иногда проявляется какая-то стеснительность, но я думаю, с возрастом она пройдет. Любит читать, я столько не читаю, сколько он. Одним словом, я за!

После выступления Мозгунова бюро губкома утвердило характеристику и постановило рекомендовать Грачева в ряды РКП(б).

На другой же день Степа отнес заявление с просьбой принять его в кандидаты партии в ячейку лесозавода, приложив к заявлению рекомендации Ожиганова, Яшина и Мозгунова. На лесозаводе Грачев бывал много раз. Здесь он стоял на учете в комсомольской ячейке. Был знаком с особенностями производства и дружил с секретарем ячейки Сережей Осокиным. Дружил не потому, что Сергей был хорошо сколочен физически и умел увлекательно говорить, а потому что был отзывчивым, добрым и правдивым. У него были какие-то грустные глаза — может быть, потому, что на его глазах колчаковские каратели застрелили отца — коммуниста-подпольщика. Сергей работал на заводе помощником машиниста, или, как тогда называли, масленщиком, и все его любили. Недавно его приняли кандидатом в члены партии.

На партийное собрание Грачев шел с чувством не то что неуверенности. Он понимал: оснований для отказа принять его в партию нет. Но где-то в глубине его сознания копошилась мысль о том, что он не такой уж хороший, как о нем говорят. Были ошибки, промахи в работе, были изъяны и в поведении. Каждый человек

знает о себе во сто раз больше, чем знают о нем другие. И если у человека ослаб правильный критерий самооценки, тогда плохо.

В клубе, где проходили партсобрания, было людно, и когда Степа вышел к столу и стал рассказывать свою краткую биографию, на него пристально смотрели десятки пар глаз. Он их чувствовал и знал: многое будет зависеть и от его ответов на вопросы, которые, несомненно, ему зададут. И действительно, когда он кончил говорить о себе, седая женщина в очках, которую Степа знал как заведующую клубной библиотекой, спросила:

— Что для коммунистов главное, товарищ Грачев?

Степа мысленно пробежал по всем пунктам Устава партии, но там все было главным для коммунистов. Будь что будет. Отвечу, что сам считаю главным.

— Первое — вера в пролетарскую революцию и служение ей. А это значит отдавать все силы ее делу — делу рабочих и крестьян.

— А еще? — спросил кто-то.

— Строго соблюдать и активно выполнять Устав партии и, по-моему, бороться за единство партийных рядов.

— Верно, правильно, — раздались голоса. — За столом поднялся секретарь партийной ячейки и, глядя в сторону Грачева, строго сказал:

— Вступление в партию — это самый ответственный шаг в жизни. Осознает ли товарищ, что отныне он уже не принадлежит себе? Сможет ли он всегда и везде жить, как велит Устав партии?

— Я вполне понимаю, что делаю. В партию вступаю сознательно. Раньше, правда, я, может быть, не все делал так, как требовалось. Но теперь я обязуюсь перед вами, перед собою жить, как подобает коммунисту, и готов быть там, где партия сочтет нужным.

Задали несколько вопросов о религии, на которые Степа легко ответил.

Первым взял слово машинист Филимонов. О нем Степа слышал много хорошего от Сергея Осокина.

— Мы еще маловато знаем товарища Грачева лично, но рекомендации он получил авторитетные. И я ни о чем товарища Грачева спрашивать не буду. Мне только хотелось сказать, что, принимая его в партию, мы доверяем ему во всем. Надеемся, он ни нас не под-

ведет, ни тех, с кем ему придется работать. Сейчас нэп, хозяйство, воспитание людей — самое важное в нашей и его борьбе. Думаю, товарищ Грачев будет активным борцом в нашем деле, значит, свое, личное — на последний план. Запомни, товарищ Грачев, будешь заботиться в первую очередь о себе — ты уже не коммунист. Ты последнее должен отдать трудовому народу, потому что счастье коммуниста — в счастье народа.

Когда машинист сел, секретарь ячейки посмотрел в зал как-то по-особому торжественно, поднялся.

— Думаю, вопросов было задано достаточно. Сам я немного знаю товарища Грачева и могу сказать о нем только хорошее. Предлагаю приступить к голосованию. Как, товарищи?

Почти все закивали головами:

— Давай, ставь на голосование.

Степа не видел, как голосовали. Ему почему-то было стыдно поднять глаза и посмотреть в зал, и лишь когда секретарь ячейки громко огласил: «Единогласно», — он облегченно вздохнул. Коммунисты крепко пожали Степе руку, а один из них чуть отвел его в сторону и негромко, но внушительно, произнес:

— Быть в партии — большая честь, но и большая ответственность. Теперь ты не просто человек, а коммунист — на тебя весь народ смотрит. Сделаешь плохо, а народ подумает, что вся партия такая. Не позорь партию, она, знаешь, ленинская, пример для всего мира. Уразумей. Ценность человека определяется прежде всего тем, что он дает обществу.

Эти слова, сказанные как-то Ожигановым, вспомнились Степе, когда он вернулся домой. На Третьем съезде комсомола Ленин говорил о коммунистической нравственности, о коммунистической морали. Для коммуниста эти вопросы главные. Степа понимал, что приняли его в партию кандидатом на испытательный срок, и он должен оправдать оказанное ему доверие. Как? Быть самим собой или из кожи лезть, чтобы казаться хорошим, активным? Конечно, быть самим собой! Иначе — наигранность, фальшь, двуличие. Мысли Степы были прерваны вернувшейся откуда-то Лидией Петровной. Она поздравила Степу с приемом в партию и вручила ему письмо Брякина. Кузя писал, что пародия на рождество готова и что на днях он приедет в губком. Читать пародию-сатиру на рождество собра-

лись в кабинете Мозгунова. Кузя читал стоя. Степа наблюдал, как его слушают. Мозгунов следил за чтением и декламацией с живым интересом. Ева даже открыла рот. Мякин стоял, прислонившись к косяку, сочувственно улыбался. Только Шустин временами морщился и даже бросил реплику:

— У тебя, Кузя, уж очень много «долой!»

Кузя отмахнулся рукой и, как бы дразня Шустина, продолжал читать:

Долой богов, долой пророков,
Долой монахов и попов...

Доставалось всем — и раввинам, и муллам. Не забыл Кузя и сектантов. По ходу пародии в хлев, где родился Христос, поступают поздравительные телеграммы от Саваофа, Будды и Иеговы пародийного содержания. Старец, плотник Иосиф, не рад рождению сына. Он-то теперь знает, что сын Христос не от него, и с горечью сетует:

Мария, ты меня надула,
родив незаконного сына...

Затем появляются купцы и паломники. Они подносят новорожденному подарки и не жалеют самогона. Пародия заканчивалась пением безбожных частушек под гармошку.

Пьеса понравилась всем. Но Кузя так загорелся, что решил кое-что переделать. До поздней ночи сидел он у Степы и переписывал заново целые листы. Пьесу решили поставить в городском клубе и в клубе лесозавода. Степа думал, как лучше нарисовать карикатуры на персонажей.

— Слушай, если нарисовать Саваофа так, — спросил он Кузю, — верхняя половина туловища висит на облаке, как на спасательном круге, а ноги, тоненькие-тоненькие, болтаются внизу? Несоразмерность туловища придает отцу богов смешной вид. Аллаха можно нарисовать похожим на турка: нос крючком, во рту трубка с кальяном. Сидит он с выпученными глазами на подушке, сложив ноги по-восточному.

— Малюй, — согласился Кузя. — Только быстрее надо рисовать, времени мало.

— Завтра попрошу, чтобы Мякин раздобыл белой бумаги.

Кто-то предложил организовать рождественский комсомольский карнавал. Времени для подготовки «комсомольского рождества» осталось в обрез, и от этой затеи пришлось отказаться. Сатиру на рождество готовили студенты механического техникума. Вечерами Степа не выходил из клуба, все рисовал карикатуры на богов. Карикатуры выходили удачными.

В ночь под рождество городской клуб был заполнен до последних скамеек. У стены разместился духовой оркестр пожарников. Перед открытием занавеса Ева Приткер звонким, чеканным голосом рассказала о мифологии и рождестве. Слушали ее внимательно. Потом открылся занавес, и перед глазами публики предстали сколоченный из фанеры и горбылей овечий хлев, старец Иосиф и дева Мария.

— А где Христос? — крикнул кто-то из публики.

Дева Мария вынула из корзины большую куклу и показала.

Сцена заполнилась ангелами и чертями, под зажигательные звуки двухрядки они запели частушки.

Их пение то и дело прерывали аплодисменты, дружный смех всего зала. Ева несколько раз подходила к Степе. По ее сияющим глазам было видно — она довольна.

В конце вечера к Грачеву подошел Крайнев, пожал руку, сказал:

— Молодцы, ребята. Откровенно говоря, я такого не ожидал увидеть. Спасибо.

XXIX

В первый день нового года открывали профтехшколу. Из детского дома и из школ отобрали ребят. В день открытия в школу пришли завгубпрофобром, Мозгунов, Предэ, работники губоно и несколько преподавателей. Крайнев рассказывал, в каком состоянии было это здание до открытия школы:

— Откровенно говоря, у меня было сомнение, хватит ли у нас сил провести капитальный ремонт. Прямо скажу, не в укор губоно: только комсомольская настойчивость работников губкома и в особенности товарища Грачева, да, да, Грачева, — подчеркнул Крайнев, — помогла нам сделать все, что вы видите.

Степа спрятался за широкую спину Предэ, но тот, взяв его за плечо, поставил перед собой:

— Он и мне покоя не давал.

Осмотрев классы, комиссия прошла в общежитие. Оно располагалось в деревянном флигеле. Четыре просторных комнаты для жилья и одна для красного уголка.

После официальной части начались уроки. Крайнев пригласил Степу на первое занятие, которое он проводил сам. Крайнев говорил о пользе знаний, о тренировке памяти, о дисциплине. Его слушали внимательно. Степа так увлекся, что забыл, где он находится. Так интересно говорить мог только человек, очень любивший свое дело. Степа никогда не завидовал чужому уму, но тех, кто умел хорошо говорить, уважал.

Крайнев говорил о творчестве.

— В каждом человеке заложен дар, нужно только вовремя его заметить и развить.

Инженер поставил перед учениками небольшой полированный ящик и, открыв его, вытащил на стол несколько приборов.

— Все они сделаны руками человека, вот такими, как у меня, как у вас, — он показал свои руки. — Рука не ахти какой инструмент, а делает чудеса. Благодаря руке и труду в целом, человек, как говорит Энгельс, сумел выделиться из мира животных. Берегите и развивайте свои руки. Не все из вас станут Ползуновыми, но кому-то удастся выйти и в науку, стать изобретателем, конструктором. И все-таки самое главное — выбрать себе дело по душе. Если не будете любить своего дела, ничего у вас не выйдет. Будете только сами всю жизнь мучиться и других мучить. Найдете себе такое дело, и жизнь для вас покажется прекрасной — все будут вас уважать, сами вы будете радоваться от сознания того, что приносите людям большую пользу.

После урока Крайнев подошел к Степе.

— Я хотел предложить вам читать в школе обществоведение.

— Мне?

— Да, да. Я говорил с Мозгуновым, и он рекомендовал именно вас.

— Как же это? — заволновался Степа.

— Дорогой юноша! Никто сразу не становится мастером своего дела. Вы учились на коммунистических

курсах. Кому как не вам нужно поделиться с другими полученными знаниями, да и самому поглубже этой наукой заняться. Нет, уж вы не отказывайтесь, а готовьтесь. Через несколько дней мы включим обществоведение в расписание.

Степа смутился. О преподавательской работе он никогда не думал, и предложи ему роль учителя кто-нибудь другой, он, возможно, категорически отказался бы.

Степа крепко задумался. Вести курс обществоведения в профтехшколе было заманчивым предложением. Но боязно. Одно дело выступать на собраниях и митингах, другое — преподавать. Идя домой, Степа решил сегодня же просмотреть конспекты, которые он привез из Москвы.

В дверях его встретила Лидия Петровна. Приложив палец к губам, она таинственно сказала:

— У нас гостья.

— Кто?

— Твоя невеста.

— Невеста?

— Иди к себе, она там, должно быть, уснула.

Ясно, это была Лена. Вот здорово! Наконец-то приехала! Сколько раз обещала. Стараясь успокоиться, Степа медленно разделся и открыл дверь. Лена спала на его топчане. На стуле стоял чемоданчик, и Степа догадался, что она прямо с вокзала. Он присел у стола, любуясь ее пышными русыми волосами, которые живописно разметались по подушке. Под его пристальным взглядом Лена шевельнулась, увидела Степу, соскочила с топчана, протерла глаза, словно не веря, что перед ней Степа, и бросилась к нему в объятья.

— Какой чудный сон приснился! Поднимаемся с тобой по широченной лестнице, над нами луна, горячая, как солнце...

— Топчан рядом с печкой, — засмеялся Степа, — вот и луна тебе горячей приснилась.

Он погладил ее волосы.

— Не ждал? — Обняв шею Степы, она снова припала к его губам, потом, отпрянув, лукаво спросила:

— Не разлюбил?

Они целовались бы еще долго, но Лидия Петровна постучала в дверь и позвала к столу.

После обеда Лидия Петровна села за фисгармонию. Обычно она играла, когда ей было грустно. А сегодня

ей просто захотелось порадовать музыкой молодую пару. Неожиданно эти звуки напомнили Степе органную музыку. Как-то в детстве отец взял его с собой на ярмарку и сводил в костел. Таинственные мягкие звуки лились откуда-то сверху. Казалось, что играют сами стены и своды костела. Вот и теперь дом словно преобразился.

«Удивительно, — подумал Грачев, — сколько раз я слышал, как играет Лидия Петровна, — и никогда не было такого ощущения. Наверное, это потому, что сегодня со мной рядом Лена». Он тихонько обнял ее за талию и привлек к себе.

— Как тебе не стыдно, — шепотом сказала Лена. — Лидия Петровна увидит.

— Ну и пусть, — ответил Степа.

Потом они снова уединились в его комнате.

— В техникум поступать не раздумала?

— Что ты, — замахала она на него руками, — жду не дождусь лета. А то ведь, — она лукаво улыбнулась, — найдется какая-нибудь...

— За это можешь не беспокоиться, — засмеялся Степа. Времени у меня на гулянья нет. И желанья тоже.

Через два дня Лена уехала, и Степа с головой ушел в работу. Прочитать курс обществоведения в профтехшколе дело нелегкое, и прежде Степа решил посоветоваться с Мозгуновым. Тот спросил:

— Читал в «Правде» «Странички из дневника» Ленина?

— Читал.

— Бери за основу мысли Ленина и занимайся. Главное — убежденность. Если сам учитель не убежден — он не учитель. Это я знаю по опыту агитбригады в Красной Армии. Подростки, конечно, не красноармейцы, но и они быстро раскусят, кто ты и зачем пришел к ним.

Степа еще раз перечитал в «Правде» статью Ленина «Странички из дневника». Ильич писал о том, как развивать подлинную культурную революцию и как покончить с полуазиатской бескультурностью. Грачев обратил внимание на те места, где Ленин говорил о роли учителя. Ильич считал, что учитель в стране Советов должен быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не может стоять в буржуазном обществе.

В папках губоно он разыскал примерный перечень тем по обществоведению и обложился книгами и брошюрами. Учащимся надо было дать сведения, хотя бы элементарные, об обществе, государстве, политике, досоциалистических и социалистических учениях, о партии.

Готовясь к урокам по обществоведению, он пожалел, что мало читал, а если и читал, то больше для развлечения. Плохую начитанность Степа сразу почувствовал на коммунистических курсах в Москве. Лекторы перечисляли книги для обязательного изучения, указывали точные источники, а он многих из них не знал. И ему тогда было стыдно перед товарищами. С опаской явился Грачев на первое занятие в профтехшколу. Двадцать стриженых голов повернулись к нему. Мальчишки настороженно и с любопытством смотрели на него. Поздоровавшись, Степа положил свою папочку на стол и, приветливо улыбнувшись, сказал:

— Расскажу вам, как ездил в Москву на съезд, как видел и слушал Ленина... — Ребята удивленно замерли, приготовились внимательно слушать. Рассказ ему удавался, в классе стояла глубокая тишина. Он понял, что увлек, что самое трудное позади... Ему даже показалось, что урок прошел слишком быстро. После звонка, соскочив со своих мест, учащиеся окружили Степу, и посыпались вопросы...

* * *

Из ЦК РКСМ было получено письмо об организации в деревне школ крестьянской молодежи. Мозгунов был в командировке, и Степе лично пришлось готовить вопрос к обсуждению на бюро губкома. Прежде всего самому надо было понять весь смысл политехнизации школы. Речь шла об осуществлении идей, выдвинутых еще Марксом и Энгельсом. Сначала Грачев еще раз перечитывал те места из материалов съезда комсомола, где говорилось об обучении и воспитании молодежи. Потом пошел посоветоваться к Предэ.

— Ну-с, зачем пожаловали, молодой человек? — как обычно спросил Предэ.

Степа положил на стол письмо ЦК комсомола. Предэ надел большие очки в простой оправе и, прочитав письмо, встал из-за стола:

— Значит, нужно создавать новые школы... Нелегкое дело. Придется вести борьбу с губоно. Почему? Потому что надо ломать сложившуюся в первые годы Советской власти систему образования. Тебе в губоно будут говорить: программ для новых школ нет, кадры не подготовлены, базы нет. Тут, брат, начнет работать закон привычки. Работникам школ и губоно кажется, что дела идут хорошо, а выходит, надо все ломать. Насколько я понимаю, комсомол ставит вопрос о приближении школ к жизни. Постановка вопроса очень своевременна, она вытекает из лозунга партии «Лицом к деревне!» Земледельцу, политпросветчику, кооператору нужны не знания вообще, а знания, связанные с его трудом, с сельскохозяйственными работами. Деревню надо перестраивать на новый лад — в этом есть суть! Или, может, я не так понимаю письмо ЦК? — Предэ лукаво посмотрел на Грачева.

— Так оно и есть, — подтвердил Степа.

— Ну, если так, то действуй. Надо будет — поддержим! Но сначала обсудите вопрос на бюро.

Готовя материалы к бюро, Степа обнаружил, что в печатных изданиях о школах крестьянской молодежи нет ни слова. Дело явно новое, необычное. Создавать школы на пустом месте нельзя. Остается один путь: реорганизовать школы второй ступени сельской местности в школы крестьянской молодежи. В инспекторской губоно Степа узнал, что такая школа есть только в одном уезде, в другом был педагогический техникум. Зацепиться было за что.

Как Грачев и ожидал, в губоно предложение об организации школ крестьянской молодежи встретили настороженно. Пузиков, завгубоно, грузный, рыхлый мужчина, был неприятен не только одним своим видом — это не имело большого значения. Пузиков, как казалось Грачеву, был не всегда искренен. Начав развивать какую-нибудь мысль, он часто недоговаривал, словно опасался сказать то, о чем он в самом деле думал.

— Ох, и горячий же народ эти комсомольцы! — каким-то игривым тоном начал Пузиков, ознакомившись с письмом ЦК. — Раз-два и готово! А точка зрения Наркомпроса? Где она? В письме я ее что-то не нахожу.

Стоило Степе заговорить о реорганизации школ второй ступени, как Пузиков замахал руками и выбежал из-за стола.

— Что вы, что вы! Губоно на это не пойдет! Развалить прежние школы — это легко, а вот создавать — это непросто.

Размахивая руками, он стал рассуждать об особенностях школьной системы, перестроенной коренным образом после революции. Из его слов вытекало: школа сложилась, работает нормально. Она не нуждается в помощи комсомольцев. О каких новых школах крестьянской молодежи может идти разговор, когда не подготовлены кадры, нет базы... Пузиков почти точь-в-точь повторял то, что предвидел Предэ. Слушая его, Степа сердито думал: «Земли ты не щупал, деревню не знаешь, а в сельских школах если и бывал, то проездом».

— Идея создания школ крестьянской молодежи, товарищ Пузиков, вытекает непосредственно из лозунга партии «Лицом к деревне!»

Этот аргумент, кажется, несколько охладил завгубоно. Он поморщился, перестал бегать по кабинету и уже каким-то другим голосом сказал:

— Подумаем, посоветуемся, но предупреждаю: самовольничать и ломать дрова не позволим.

Возвращаясь из губоно, Степа решил: «Надо самому поехать в деревню и изучить вопрос на месте». Мозгунов одобрил его намерение.

Вернувшись из поездки по уездам, он поговорил с Пузиковым, и тот подписал командировочный мандат. В нем было сказано, что инспектор губоно товарищ Грачев командируется по делам народного образования в Солянскую и Малаховскую волости и что местные Советы должны оказывать ему полное содействие в работе.

«Инспектор губоно! Как это здорово звучит!» — подумал Степа, держа в руках полученный мандат. Он вспомнил инспектора губернской епархии (важная особа!), приезжавшего инспектировать церковноприходскую школу. И вот какой-то Грачев, деревенский парень, тоже инспектор губоно! «Да, изменились времена!» — сказал бы Прибытков, будь он жив.

Мысль об организации школ крестьянской молодежи на местах встретили по-разному: старые учителя — с опасением, молодые, особенно те, кто прошел курсы красных учителей, — с энтузиазмом. Разговоры с руководителями волкомов партии и волисполкомов, с заведующими школ, с учителями убедили Грачева, насколь-

ко был прав ЦК РКСМ, поднимая вопрос о новом типе школ на селе. В сельской школе второй ступени и в Малаховском педтехникуме имелись оборудование, приборы для наглядных занятий. Были общежития, помещения для клубной работы. Насторожило Степу другое — социальный состав учащихся. Слишком мало училось детей бедноты и батраков.

Программ для ШКМ пока не было. Ждать, когда их составят в Москве, — длинная история. Значит, нужно самим...

«Политехническое образование должно сочетаться с активной общественной деятельностью школьника». С такой мыслью Грачев приготовил записку на имя завгубоно и проект решения губкома комсомола об организации школ крестьянской молодежи в губернии. Мозгунов внес ряд поправок в проект решения. Он вписал, что школьникам нужны не агрономические знания вообще, а самые новейшие, и уточнил вопрос о содержании обществоведческих дисциплин и о роли РКСМ в школах крестьянской молодежи.

Через несколько дней Степа принес Пузикову постановление бюро губкома. Внимательно ознакомившись с ним, завгубоно угрюмо сказал:

— Согласен, согласен с вами. Но скажите, черт возьми, кто несет ответственность за состояние народного образования в губернии: губоно или губком комсомола? Прежде чем принимать постановление, вы бы посоветовались...

— Мы вам, товарищ Пузиков, представили и материалы, и наше постановление. Окончательно вопрос о ШКМ будет решать губоно.

— Помилуйте! Но вы уже решили без нас. Нам остается выполнять ваши указания. А вы подумали о кадрах? Хорошо сказать: ликвидировать единственный на селе педагогический техникум!

— Не ликвидировать, а реорганизовать в школу крестьянской молодежи, — заметил Степа. Злой тон Пузикова начал его раздражать, и он сдерживал себя, чтобы не обострить спор.

— Это равноценно ликвидации. Кто будет, я вас спрашиваю, готовить учителей для школ первой ступени?

— Городские педтехникумы.

— Хорошо сказать — городские...

— Да, городские. Можно увеличить контингент приема учащихся.

— А база где? А средства? Вы подумали об этом, подсчитали с карандашом в руке?

— Подумайте и подсчитайте сами. Мы вносим предложение, ваше дело обсудить и подготовить постановление.

— И обсудим, непременно обсудим, только не по-вашему, без спешки...

— Но и без бюрократических проволочек.

Пузиков вспыхнул:

— Это кто бюрократ? Слушайте, юноша! Да вы отдаете себе отчет в том, что говорите? Это слишком! Меня, уважаемого человека, называют бюрократом!

— Я вас не назвал...

— Мальчишка!.. — Пузиков хотел еще что-то сказать, но вместо этого вытащил из кармана носовой платок и вытер им вспотевшее жирное лицо.

Степа счел за лучшее выйти из кабинета. Хотелось с кем-нибудь поговорить. Не пойти ли к Предэ? Нет! Жаловаться он не любил. Надо бороться самому.

Вечером Степа написал небольшую статью о школах крестьянской молодежи в молодежную газету. В ней он сделал серьезный упрек в адрес губоно, которое всячески тормозило создание школ крестьянской молодежи.

Через день, после выхода газеты со статьей, Мозгунова, Грачева и Пузикова вызвали на бюро губкома партии. На вопрос Предэ, почему губоно тянет с организацией школ крестьянской молодежи и не считается с губкомом, Пузиков пустился в длинные рассуждения.

— А вы читали статью о ШКМ в «Правде»? — перебил его Предэ.

— Читал.

— В таком случае мне непонятна ваша позиция. Или вы против лозунга партии «Лицом к деревне!»?

Степа заметил, как Пузикова передернуло. Он пытался сгладить впечатление репликой, но Предэ снова осадил его, назвав подход губоно к организации школ крестьянской молодежи канцелярско-бюрократическим.

Бюро губкома поддержало конкретно предложения комсомольцев и обязало партийную фракцию губоно открыть без проволочек с нового учебного года две школы крестьянской молодежи на базе техникума и средней школы.

С заседания Грачев уходил победителем. Пузиков даже не взглянул в его сторону. В другое время он, может быть, и пожалел бы этого человека, но теперь после своего беспомощного выступления на бюро, Пузиков потерял для него всякий интерес. Уж где-где, а на партийном бюро коммунист не может так себя вести. Скажи прямо, если прав — докажи, а не выкручивайся; если не прав — признайся; если допустил ошибку — объясни почему.

Мозгунов все более нравился Грачеву, он захотел с ним сдружиться — как дружил он в детстве с Тишкой и Горкой, но их сближению мешал замкнутый характер Мозгунова. В Мозгунове было много хорошего — деловой, немногословный, хваткий в работе. Руководители бывают разные. Одни, кажется, и работают много, а плывут, точно щепка, по течению. У таких нет своего мнения, и учиться у них нечему. Другие, наоборот, становятся центром коллектива, создают свой стиль, и тогда весь деловой процесс подчиняется единому ритму. Такой была Ольга. Таким был Мозгунов.

При нем заседания бюро губкома стали проходить деловитее и короче, чем при Гурове. Он не любил пустых говорунов и обрывал их на полуслове. Двумя-тремя вопросами выяснял суть дела, быстро доходил до истины. Резюме секретаря губкома всегда было кратким, вместо многословных резолюций принимались конкретные решения. Мозгунов не ждал, когда тот или иной работник придет со своими предложениями. Чаще всего он сам был зачинателем новых дел. Давал поручения, казалось, не входящие в прямые обязанности того или иного работника.

Так случилось и на этот раз.

Приближалась весна. Однажды, как бы невзначай, Мозгунов спросил Степу:

— Что ты думаешь о пасхе?

— В каком смысле?

— По-моему, надо нынче организовать комсомольскую пасху так, чтобы привлечь внимание всей городской молодежи. А?.. Опыт есть. Я думаю устроить общегородское факельное шествие — пасхальный карнавал. Ночью при свете факелов пройдем на церковную площадь. Там крестный ход вокруг собора, а у нас песни, музыка, митинг.

— А в клубе?

— В клубе надо поставить спектакль.

Степа задумался.

— Знаю одну пьесу «Три Иисуса» — не очень чтобы, но, думаю, подойдет.

— План обмозгуйте вместе с Евой, это по ее части.

Подготовка комсомольской пасхи началась в горкоме. Ева создала специальный штаб. На первое заседание вызвали секретарей ведущих ячеек: железнодорожников, водников, лесопильщиков и из техникумов.

Когда все собрались, Ева коротко объяснила суть дела и предупредила:

— Прежде всего массовость, товарищи комсомольцы. Поднимем всю молодежь. Надо, чтобы больше было смеха, шуток, веселья. Согласны? Грачев, выкладывай свой план!

Степа развернул эскиз головной части колонны и приколол его к стене.

— Мы оформляем голову колонны. Туловище и хвост за ячейками. Думайте сами. Предупреждаю: никакого оскорбления чувств верующих. Факелы готовят железнодорожники и водники. Пьесу ставят техникумовцы. Режиссер — Саша Чабин.

Ева добавила:

— Собираться по ячейкам к десяти часам вечера на площади. Оттуда пойдем к собору. Спектакль устроим вечером, накануне пасхи. Билеты по ячейкам. Ясно, товарищи?

Теперь каждый вечер в клубе шли репетиции спектакля «Три Иисуса». Кроме артистов самодеятельности, сюда приходили комсомольцы, городская молодежь. Репетиции шли при заполненном зале. Зрители бурно воспринимали реплики, подсказывали, смеялись при каждом неудачном жесте или слове артистов.

— Я больше так не могу, — жаловался Чабин Степе. — Ну разве так можно! Репетиции нужно проводить при закрытых дверях, как в настоящих театрах.

— А куда деваться молодежи, — сказал Степа, — в пивнушки к нэпманам идти? Нет. Пусть приобщаются к искусству. Понимаешь, мы здорово на этом выигрываем. Так спектакль один раз поставим, его человек двести посмотрят. А тут тысячи побывают, весь город.

Степа по себе чувствовал, что присутствие молодежи на репетициях идет ей на пользу. У нее просыпается тяга к театральному искусству. Одно дело смотреть

уже готовый спектакль, где все идет гладко, без сучка и задоринки, другое — видеть, как он рождается на глазах. Ошибки актеров заставляют публику переживать. Каждый из них думает: а вот я бы сыграл лучше. И каждый начинает соображать, как бы он играл эту роль. У людей пробуждается творческая фантазия. Но, видно, не один Грачев понимал это.

На одной из репетиций к Степе подошел Осокин и взволнованно зашептал на ухо:

— Давай выйдем, только незаметно.

— В чем дело?

— В коридоре объясню. — Взяв Грачева за рукав, Сережа потянул его за собой. Между входной и внутренней дверями раньше был церковный притвор, в обе стороны от него — темные кладовые. Осокин шагнул влево, открыл кладовую и чиркнул спичкой. В кладовой едко пахло горелой тряпкой. Сережа приподнял с пола ящик, из которого косой тянулась рыхлая паклевая веревка.

— Я выходил на лестницу, — прошептал Осокин, — чую, пахнет чем-то едким. Открыл дверь, зажег спичку — веревка тлеет. Ну, ее я сразу порвал. В ящике наверняка взрывчатка.

— Вот что, ты оставайся здесь и никого не пускай, а я сейчас же позвоню в Чека.

Степа сбежал по лестнице и постучал в профшколу. Открыл ему сторож.

— Чаво тебе?

— Позвонить надо, — сказал Грачев и прошел в комнату заведующего, где был телефон.

Коротко сообщив дежурному Чека про ящик, Степа вернулся к Осокину, и они стали ждать чекистов. Те прибыли минут через двадцать. Осветили карманными фонариками пол и стены, потом забрали с собой ящик, пообещав прислать для дежурства милиционера.

Утром Грачева и Осокина вызвали в Чека. В небольшой комнате, куда их провел дежурный, сидел молоденький следователь.

— Присаживайтесь, ребята, — сказал он, — указывая Степе и Сергею на стулья. — И давайте-ка расскажите, как было дело.

Грачев и Осокин сообщили все, что им было известно про ящик.

— Кто-нибудь, кроме вас, знает о происшествии в клубе?

— Нет, никто. Нас же предупреждали ваши работники, — в один голос ответили Сережа и Степа.

— А кто мог слышать разговор, когда ты, Грачев, звонил по телефону?

— Я звонил из кабинета заведующего профтехшколой. Дверь мне отпер сторож, но он туда не заходил.

— Он мог слышать твой голос, стоя за дверью?

— Пожалуй, мог. Я торопился и говорил, наверно, громко.

— Это очень важно, — многозначительно подмигнул следователь и постучал по столу карандашом.

— А вы молодцы! Не растерялись. Еще раз прошу, никому о случившемся ни слова, и вида не подавайте... Ведите себя так, будто ничего не случилось.

— А что было в ящике? — спросил Степа.

— Гремучая смесь. Не порви Осокин тлеющий фитиль, произошел бы взрыв. Вход в клуб завалило бы кирпичом. В зале поднялась бы паника: выхода нет, а прыгать со второго этажа, да еще с такой высоты!.. Расчет у тех, кто заложил взрывчатку, был верный. Если понадобится, мы вызовем вас еще.

Через несколько дней арестовали работника губполитпросвета. Позже забрали еще несколько человек из банковских работников. Степа догадался в чем дело, но помалкивал. Вскоре его и Осокина вновь вызвали в Чека. Заместитель председателя Губчека положил перед ними листовку, написанную от руки. Грачев взял листовку в руки и прочитал вслух: «Господь Бог долготерпелив, но его карающая десница настигает всякого, кто глумится над верой христовой. Бог наказал тех, кто в самый дорогой для христиан светлый праздник намеревался устроить дьявольское шествие, смутив молодые, еще не окрепшие души. Вознесем же свои горячие молитвы к нему, Всевышнему, заступнику нашему.

Да покарает господь всех врагов церкви!

Ожидайте новых чудес!»

— Эту листовку они хотели распространить после взрыва в клубе, — рассказал чекист. — Следствие в основном закончено. О результатах мы доложим в губкоме партии. Прочитайте приказ по Губчека.

В приказе было сказано:

«Губернской чрезвычайной комиссией вскрыта и обезврежена контрреволюционная группа, состоящая из бывших эсеров, белых офицеров и представителей духо-

венства. Эта группа распространяла злостные антисоветские слухи и вела подготовку к вооруженному выступлению против Советской власти. Ею был подготовлен взрыв центрального городского клуба РКСМ в тот момент, когда там шла генеральная репетиция антипасхальной пьесы, на которой присутствовало много ответственных работников. Только благодаря бдительности, проявленной комсомольскими работниками тт. Осокиным и Грачевым, взрыв был предотвращен.

Приказываю: Объявить тт. Осокину и Грачеву благодарность и наградить их именными часами».

Заместитель председателя Губчека открыл сейф и достал из него часы с серебряными крышками фирмы «Павел Буре». На обратной стороне крышек были выгравированы благодарственные надписи. Вручая часы, зампредгубчека сказал:

— Вы нам очень помогли. Мы знали, что в городе существует затаившаяся контрреволюционная группа, но никак не могли обнаружить ее.

— Поздравляю! Будьте всегда такими бдительными.

Взволнованные происшедшим, Осокин и Грачев вышли из Чека.

Степа не был на бюро губкома партии, когда обсуждался вопрос о происшествии в клубе. Там присутствовал один Мозгунов. При первой же встрече, как бы ненароком, тот спросил:

— Сколько времени на твоих?

Степа вынул часы из кармашка.

— Ты, оказывается, настоящий конспиратор! Даже мне не сказал. Вот не ожидал. Да, кстати, новоцерковники затевают свой съезд, и тебе, Грачев, придется присутствовать на нем под видом газетного корреспондента.

— Почему мне? — удивился Степа.

— Не секретарю же губкома. Свяжись с Предэ. Он даст тебе подробную информацию. Ты должен знать, что делается в стане новоявленных церковников-обновленцев. Как-никак они наши противники, а противников надо хорошо знать.

Озадаченный Степа тут же позвонил в губком партии Предэ, чтобы договориться о встрече, и в назначенный час явился к нему.

Как только Степа вошел в кабинет, Предэ достал из несгораемого шкафа папку и подал ему:

— Садись в уголок, читай!

Из газет Грачев знал о расколе русской православной церкви на две группировки: тихоновцев и обновленцев. Патриарх Тихон и его последователи не признавали Советской власти, их называли староцерковниками. Обновленцы во главе с митрополитом Веденским наоборот, исходя из церковного учения, что всякая власть от бога дана, стремились приспособить церковь к новым условиям. Их называли новоцерковниками или живоцерковниками. Раскол был вызван отходом от церкви многих верующих в ходе пролетарской революции.

Знакомясь с материалами, Степа обратил особое внимание на те методы, к которым прибегало духовенство обоих направлений, чтобы удержать в лоне церкви массы верующих.

В тот же день Степа встретил редактора молодежной газеты, посетовал, что газета мало печатает статей на антирелигиозную тему. Редактор не преминул заметить:

— Это верно. Вот ты давай и напиши.

Легко сказать — напиши... Но что Грачев знал о религии? Пришлось основательно повозиться, поговорить с Лидией Петровной. Лишь после этого Степа как бы с высоты взглянул на церковь, ее служителей, верующих.

...Съезд новоцерковников открылся в кафедральном соборе.

Перед ступеньками алтаря был поставлен стол, покрытый красной материей. Аналой, с которого произносились проповеди, тоже был покрыт куском кумача, а в длинном зале расставлены скамейки. Разглядывая необычную для собора обстановку, Степа с иронией заметил одному сидевшему по соседству парню, что не хватает только лозунгов. Тот ядовито отозвался:

— Не богохульствуй.

Делегаты съезда, многие из которых были в рясах, заняли первые ряды. Приглашенные и просто любопытные верующие расселись на задние скамейки. Степа пристроился возле аналоя.

От докладчика Степа ожидал острой критики староцерковников, но этого не случилось. Смысл выступления главы новоцерковников духовенства епархии сводился к тому, что надо спасать религию от развала и вернуть в лоно православной обновляющейся церкви тех, кто отошел от религии. Докладчик не скупился на цитаты из учений разных столпов церкви, доказывая ими, что

в церковном разброде виноваты тихоновцы и что сам господь бог указует обновленцам пасти верующих на ниве вечного и непоколебимого учения Христа. Несколько раз докладчик возвращался к мысли об отношении церкви к власти и призывал духовенство и верующих не перечить ей, ссылаясь при этом на ее декреты о свободе совести и религиозных верований.

«Умный поп, — подумал Степа, — ловко агитирует. Чтобы спорить с таким, нужно много знать. Хитер и начитан. А мы-то их глупенькими представляли. Думали, что одним криком возьмем. Нет, нужна научная антирелигиозная пропаганда».

Прения по докладу сводились главным образом к жалобам на материальные лишения низового духовенства. Церковные кассы опустели, обряды не выполняются, приношений становится все меньше и меньше... Степа знал, как жили попы в дореволюционное время — не хуже помещиков!.. Жаловались и на то, что храмы приходят в ветхость, а денег для ремонта нет.

На молебен Степа не остался, а побежал в губком к Мозгунову. Ему очень хотелось поделиться своими впечатлениями.

— Ну как, живоцерковник? — улыбнулся Мозгунов.

— Мы из пушки стреляли по воробьям...

— Как так?

— А вот так. Они действуют куда умнее нас. Мы шумим, а они исподтишка расставляют те же церковные сети, только подновленные — менее заметные. — И Степа рассказал секретарю губкома про все, что видел и слышал на съезде церковников.

— Надо быстрее готовить статью, — сказал Мозгунов. — Так и напиши. Нужна научная антирелигиозная пропаганда, а не простое славословие и отрицание веры.

Пасха в тот год пришлась на апрель. Была по-весеннему темная ночь. Чуть подморозило. С севера тянуло колючим ветерком. Площадь кипела от огней факелов. На наспех сколоченную трибуну взобралась Ева и, размахивая руками, бросала в толпу зажигательные слова.

— Над нами чистое весеннее небо, — говорила она. — Нет там ни Христа, ни аллаха, ни пророков, ангелов и архангелов. Все это выдумали сами же люди, чтобы подчинить трудящиеся массы власти духовенства, князей и царей. Мы не верим ни в бога, ни в загробную жизнь. Рай нужно создавать на земле, своими руками!

После митинга колонны с факелами потянулись к собору. Впереди шел духовой оркестр. По обеим сторонам улицы собралась толпа горожан. Такого впечатляющего зрелища никто никогда не видел. Грачев шел в колонне рядом с Евой и Мозгуновым. Лица окружающих, освещенные дрожащим розовым светом факелов, казались ему какими-то таинственными. Словно все они пришли из какого-то более красивого мира.

Когда голова колонны обогнула собор, навстречу ей вышел крестный ход.

Он двигался внутри ограды вокруг собора. В шествии крестного хода все было прозаично, уныло, скучно. И когда он почти столкнулся с колонной факельщиков, в рядах верующих произошло замешательство — слишком поразительной была картина: с одной стороны музыка, смех, шутки, с другой — унылое пение, скорбные лица. Грачев заметил, как из крестного хода в колонну факельщиков перебежало несколько молодых верующих. Недалеко от собора комсомольцы танцевали и пели всю ночь. Над собором гремели антирелигиозные призывы. «Вот так надо действовать», — думал Грачев, возвращаясь перед рассветом домой.

XXX

Накануне Первомая Грачев получил длинное письмо от Ольги: «...Я, кажется, влюбилась, — писала она. — Понравился мне один инженер-конструктор. Я тебе рассказывала: в нашей семье культ инженера идет еще от дедушки. Мама хотела, чтобы и я стала инженером, но меня, сам знаешь, потянуло в иную сторону — в словесность. А потом увлеклась комсомольской работой. Сейчас возвращаюсь в свою стихию. Недавно написала реферат о Лермонтове. Преподаватель похвалил и сказал, что из меня на литературном поприще, может, что-нибудь выйдет. Мой инженер, кажется, человек вполне порядочный. Он старше меня на три года. Зовут его Петей. Маме парень понравился. Отец его был банковским служащим. Умер в начале революции. Год тому назад Петя вступил в партию. Как видишь, моя любовь во всех отношениях соответствует моему идеалу. Тебя, конечно, интересует, насколько я люблю его. Не знаю — я никого не любила так, как его. Ради него я готова хоть

в огонь. Мама говорит: «Дурочка, это и есть любовь». Но это вовсе не значит, что в семье я буду стремиться к обывательским идеалам. Комсомол мне многое дал, и я такой останусь, будь женой, матерью, литературоведом. Ты ведь знаешь мой девиз: «Вперед, только вперед!»

Читая письмо, Степа зримо видел ту самую Ольгу, с которой у него так много связано в жизни. В письме сказалась она вся со своим характером. Скоро год, как они расстались, а думали оба по-прежнему одинаково.

В последнем письме Лена снова приглашала его приехать в лесничество. «Папа очень хочет познакомиться с тобой», — писала она. Вскоре представился благоприятный случай. Надо было проверить подготовку к реорганизации школы второй ступени в школу крестьянской молодежи в селе Солянском. Оттуда до лесничества километров тридцать. Степа поговорил с Мозгуновым. Секретарь губкома разрешил завернуть в лесничество дня на два. Мандат подписал завгубоно.

Новое дело начинать — все равно что прорубать просеку в лесу. В этом Степа лишний раз убедился, приехав в Солянское. Уездный отдел народного образования еще не завершил комплектование будущей ШКМ учителями, а волисполком не торопился с ремонтом школы.

Два дня Грачев знакомился с обстановкой и ходом дела. Потом составил акт проверки и потребовал созвать волисполком. На заседании волисполкома было решено организовать воскресники молодежи, до начала учебного года отремонтировать здание школы, а также заготовить дрова для общежития.

Выехал Степа из Солянского рано утром. День обещал быть жарким. Дорога шла по равнинной местности. Кругом, насколько хватало глаз, колыхалось безбрежное море пшеницы. Щупленький старичок, сидевший на облучке, повернул лошадь с тракта на проселочную дорогу. Степа не утерпел и, выбравшись из тарантаса, пошел пешком, срывая на ходу придорожные цветы, которые, как дети, выставляли свои разноцветные головки из колосившейся пшеницы.

Хотелось идти и идти по сужающейся вдали дороге туда, где у горизонта прохладно синел далекий лес.

Грачев вспомнил знаменитую «Рожь» Шишкина и понял вдруг, что написать такую картину мог художник, не только любящий русскую природу, но и уважающий труд земледельца. Шишкин как бы собрал в один фокус все богатство хлебных равнин и заявил: «Смотрите, люди, на плоды своего труда, на ширь полей. Это — Русь, любуйтесь ею».

В лесничество он приехал к вечеру. Едва выбрался из тарантаса, как навстречу из-под старого навеса выкатились две собаки: черная гладкая и рыжая лохматая. Они дружелюбно обнюхали гостя и, замахав хвостами, побежали к крыльцу, на которое вышла пожилая женщина.

— Не бойтесь, они не кусаются, — успокоила она Степу. — Вы к кому?

— Я Грачев Степан — хотел бы видеть Лену.

— Степан?! — женщина радостно всплеснула руками. — А я Марфа Герасимовна, мать Лены. Проходите, пожалуйста, в дом. Рады видеть вас. Отец с Леной в лесу, скоро вернутся.

Марфа Герасимовна кивнула вознице:

— Лошадь поставьте под навес — вон туда и дайте ей свежей травы — там рядом целая куча лежит.

— Сейчас я вынесу полотенце, — сказала она Степе. — Сходите к роднику, умойтесь.

Степа осмотрелся. Лесной кордон с хозяйственными постройками находился на широкой поляне, обрамленной высокими корабельными соснами. От поляны начиналась противопожарная просека, за ней вдали виднелась вышка. Густо пахло разогретой хвоей. Взяв у хозяйки мыло и полотенце, Степа пошел за собаками. Особенно ласкалась лохматая. Она даже легла у Степиных ног на спину и, подняв лапы, повалилась, приглашая его поиграть. Степа наклонился и легонько пощекотал пса. Шагах в пятидесяти у основания ложка из земли тонкой струйкой пробивался родничок. Вернувшись, Степа достал из тарантаса портфель, этюдник и присел у круглого стола, прилаженного к большому сосновому пню.

— Нет, нет, — закричала с крыльца Марфа Герасимовна. — Сначала чайку попейте.

Она поставила на стол большой шипящий самовар, тарелку хлеба, чашку желтого домашнего масла и пару вареных яиц.

— Это все мне? — удивился Степа.

— Ешьте, ешьте, проголодались, наверное, с дороги. Кучера я уже накормила.

— Какая благодать тут у вас!

— Больше десяти лет живем здесь, и слава богу — никаких происшествий. Только при колчаковцах было трудно. Лошадь и корову увели, да еще припрозили навестить, если партизан принимать будем, — рассказывала хозяйка, убирая со стола. — Ожили, когда пришли красные. Жалованье стали платить. Теперь у леса хозяин надежный...

Собаки, лежавшие под столом, вдруг вскочили и побежали по просеке.

— Наши едут. Вот Лена обрадуется! Вы меня извините, оставлю вас: пойду ужин собирать.

На просеке показался тарантас. В нем на переднем сиденьи правила Лена. Степа выбежал на дорогу встречать ее.

— Пап! Степа приехал! — обрадованно закричала Лена.

— Я знала, что ты приедешь, знала! — сказала она, спрыгивая с тарантаса, схватила Степу за обе руки и, не стесняясь отца, чмокнула его в щеку.

Лесничий придержал лошадь и вышел.

— Давайте знакомиться — Николай Павлович.

Загорелая рука крепко пожала Степину руку. Перед Грачевым стоял коренастый, крепко сложенный человек с небольшой окладистой бородкой каштанового цвета и выразительными карими глазами.

— Будьте у нас как дома. Мы вас хорошо знаем по рассказам Лены, — сказал Николай Павлович с такой искренностью, что стеснительность Степы сразу улетучилась.

Извинившись, лесничий пошел распрягать лошадь.

Лохматый рыжий пес терся у Степиных ног.

— Это наш Фунтик.

— Я уже с ним знаком.

— Он любит, чтобы его пощекотали, — сказала Лена и почесала мокрый собачий нос. — Ты пока поиграй с ним, а я переоденусь.

Степа еще раз осмотрелся. Лес здесь напоминал ему Беловежскую пущу. На высоких золотистых соснах горели яркие блики заходящего солнца. Воздух густой, настоянный на аромате хвои, трав.

— Нравится у нас? — спросила Лена, сбегая с крыльца. На ней было новое голубенькое ситцевое платьице.

— Очень!

— Ну и живи... — Лена смутилась своего предложения.

— Нельзя, дел много. Я ведь всего на два дня к вам.

— Так мало, — огорчилась девушка. — А я-то тебя хотела свозить к Серафиму Петровичу. Знаешь, он совсем рядом отдыхает. В Михайловке, вместе с женой.

— Что ты говоришь!.. — удивился Грачев. — Завтра же к нему поедем. Мне очень хочется встретиться с ним.

— Только на один день, — ревниво шепнула Лена.— Я так соскучилась по тебе. А то я обижусь на Серафима Петровича.

— Хорошо, на один день, — согласился Степа.

— Дети! Ужинать! — позвала Марфа Герасимовна.

За столом Степа увлекся. Он рассказывал о Беловежской пуще. Слушали его с большим вниманием, особенно Николай Павлович.

— А где же мы поместим гостя? — забеспокоилась Марфа Герасимовна.

— Если можно, на сеновале, — попросил Степа. — В детстве я любил спать там.

— Лена, позаботься о госте, — улыбнулась хозяйка. — Сено у нас на сеновале свежее, пахучее.

Когда постель была готова, Лена позвала Степу. Она стояла у лесенки, ведущей на сеновал, под крышей сарая.

— Приятных тебе снов, — прошептала она и прижалась к Степе.

Он обнял ее и поцеловал.

— Я так соскучилась по тебе, — шепнула Лена и, выскользнув из объятий, убежала.

Он поднялся на чердак сарая, разделся и забрался под одеяло. Здесь было тихо, где-то в темноте над ухом мелодично пел комар. Он то удалялся, то приближался, навевая дремоту. «Приятные люди, — подумал Степа о родителях Лены, — только хозяин помягче, покультурнее, что ли, а вот Марфа Герасимовна, чувствуется, любит покомандовать. У Лены характер в отца, а на мать походит только внешне — такие же округлые серые глаза, полные губы, такие же пышные волосы». Он вспомнил свою мать. Ей бы, наверное, тоже понравились Лена и ее родители».

Проснулся он поздно. Июльское солнце давно уже поднялось из-за леса, и луч света пучком пробивался сквозь дырочку в крыше. Степа спустился вниз и позвал валявшегося в теплой траве Фунтика.

Фунтик словно ждал этого и побежал по дорожке к роднику. Навстречу от родника с полотенцем на плече к ним поднималась Лена.

— Ну и засоня ты, — закричала она. — Время уже около одиннадцати!

— Спал как убитый, — признался Грачев, — даже сна не увидел.

— Давай я тебе помогу умыться.

На пне лежал оставленный Леной ковшичек. Она наполнила его ключевой водой и стала поливать Степе на руки, на шею и голову. Вода была холодная как лед. Он хотел быстрее вытереться полотенцем, но Лена сама его накинула ему на голову и принялась быстро вытирать.

— Не сопротивляйся, — смеялась она. — Я так хочу, мне приятно за тобой поухаживать.

Пока они дурачились у родничка, Марфа Герасимовна успела накрыть на стол. Под сосной шумел пузатый самовар, рядом были расставлены тарелки с яйцами, маслом и свежими ягодами.

— Пока ты спал, я ягод набрала, — сообщила Лена. — У нас их много, побольше, чем в твоей Беловежской пуще.

Завтракали без Николая Павловича — он уехал в лес очень рано. За столом хозяйничала Лена, Марфа Герасимовна чем-то была занята по дому.

— После завтрака я покажу тебе такое озеро, прямо сказочной красоты, — пообещала Лена. С ее лица не сходила сияющая улыбка.

— А мне хочется забраться вон на ту вышку.

— И заберемся. С нее открывается такой простор — ахнешь!

— А когда к Серафиму Петровичу отправимся?

— Завтра, — замахала руками Лена. — Сегодня я тебя никуда не отпущу.

После завтрака они отправились к вышке. На всякий случай Грачев прихватил с собой этюдник и краски. Впереди бежал Фунтик. Иногда он останавливался и поворачивал голову в сторону Степы, словно проверяя, не собирается ли он обнять Лену.

По скрипучей лестнице, едва поспевая за девушкой, Грачев добрался до верхней площадки и сразу заметил на ней две скамейки. С вышки открывалась широкая панорама: на север и на юг по правому берегу Оби широкими лентами тянулись леса. За ними угадывалась степь. На юго-западе синели хребты Алтайских гор.

— У тебя голова не кружится? — ласково спросила Лена.

— Нет.

— С этой вышки мы наблюдаем за лесом. Нет ли пожара. Здесь по очереди дежурят лесники. Тебе не приходилось тушить лесной пожар?

Он покачал головой.

— А я тушила. Страшно. Огонь все пожирает с такой жадностью... Замешкаешься, и тебя задушит противным едким дымом...

Внизу залаял Фунтик. Лена потянула Степу за рукав, и они спустились на землю.

До «чудесного» озерка было километра полтора. Узенькая лесная дорожка ушла куда-то вправо, а тропинка вела под уклон. Степа едва поспевал за Леной. Она прыгала, как лань, срывая по пути стебли цветов.

Озерко было и вправду чудное, небольшое, метров триста в длину. Противоположный берег круче. Корни сосен спускаются до воды. Стволы деревьев четко, как в зеркале, отражались в светлой, чистой воде.

— Хорошо бы написать этюд под вечер, когда тени будут гуще и четче! — воскликнул Степа.

— Вот и пиши. А меня ты не мог бы написать?

— Попробую.

Он прошелся по берегу, выбрал место, где было больше тени, расправил складной мольберт, достал кусочек холста и приготовился писать этюд. Лена молча наблюдала за ним, а потом спросила:

— Разве я умещусь на таком маленьком холстике?

— У меня есть и побольше в чемоданчике... Выйдет — напишу с этюда картину, не выйдет — брошу.

— Выйдет, непременно выйдет. Когда веришь — получается.

Вспомнив советы Серафима Петровича, Степа решил в центре этюда изобразить три березы на противоположном берегу, резко выделявшиеся белизной стволов в ряду гладкоствольных сосен.

— Жаль, из воды не торчат камни, было бы куда эффектнее.

Работая над этюдом, Степа рассказывал Лене, как он вместе с родителями ездил в пущу косить серпами траву зубровку.

— Почему серпами?

— Косить косой запрещали. Коса молодую поросль смахивает. Эх ты, будущий агроном.

Лена присела на корточки рядом и сказала:

— Я в сельскохозяйственный не поеду. Хочу поступить в педагогический, стану учительницей.

Степа вытер тряпочкой кисть, отложил ее в сторону.

— Ты серьезно?

— Вполне. Я долго думала и решила: учительница из меня выйдет, детей я люблю.

— А ты хорошо все продумала? Чтобы стать учительницей, мало любить детей. Понимаешь, нужно быть очень начитанным, надо много знать, дар иметь. — И Степа рассказал об уроках обществоведения в профшколе:

— Контакт с учащимися — это полдела. Говорить тоже, самое важное — научиться мыслить на ходу. Это большое искусство. Послушала бы ты, как умеет говорить заведующий техникумом Крайнев. Вот это учитель!

Неожиданно кто-то кашлянул за их спинами. Грачев обернулся: рядом с ведром в руке стоял Николай Павлович.

— Хорошо у вас получается. Вы, оказывается, и рисовать хорошо умеете.

— Так, балуюсь, — отозвался Степа. — Какой из меня художник. Смотрите, как рыба плещется. Вот бы удочку.

— Зачем удочку? У меня в садке, вон там, всегда свежая рыба.

Николай Павлович показал рукой в сторону, но Степа, кроме торчащего из воды кола, ничего не заметил.

— Хотите посмотреть? — предложил лесничий.

— С удовольствием.

Степа быстро уложил краски, вытер палитру и, осторожно закрыв этюдник, пошел за Николаем Павловичем. Тот забрел в воду и поднял со дня нечто похожее на корзину из толстых прутьев, в которой плескались караси. Отобрав в ведро штук семь рыбин, он вновь опустил корзину в воду.

— На поджарку хватит. Мои женщины почему-то не любят карасей.

После ужина Николай Павлович предложил Грачеву прогуляться по просеке.

Солнце опускалось к краю леса, последние лучи чуть пробивались сквозь густую крону деревьев.

Когда вышли на просеку, Николай Павлович первым начал разговор, которого Степа давно ждал. Он только полагал, что разговор этот начнет Марфа Герасимовна.

— Поговорим как мужчина с мужчиной, — сказал Николай Павлович, поднимая с земли прошлогоднюю сосновую шишку. — Лена у нас единственная дочь, и нам, поймите меня правильно, будет тяжело расставаться с нею. Молодежь теперь в гору пошла. О вас мы слышали много, так много, что, откровенно говоря, опасались встречи с вами. Но теперь мы спокойны, вы нам понравились. Да, да. И мы с легким сердцем отпустим ее в город. Пусть учится в техникуме. Только, пожалуйста, не торопитесь с женитьбой. Вы еще мало знаете друг друга. Не спорьте, — Николай Павлович кашлянул. Степа понял: разговор не из легких. Нужно было что-то сказать, и Грачев ответил:

— Не беспокойтесь, вашу дочь я люблю. Как она захочет — так и будет. Вдруг она сама мне скажет о свадьбе, а я что же, оттягивать должен? И потом: я вступил в партию. Может так случиться, что меня куда-то пошлют. Я не имею права отказываться, да и сам я никогда так не сделаю.

Николай Павлович глубоко вздохнул.

«Неужели я такой удачливый?» — думал Степа, засыпая. Перед ним быстро пробежало все пережитое. От кого-то он слышал фразу, что любовь может принести и радость, и страдание. Лена, несомненно, принесет ему счастье. Как жаль, что нет матери, она бы порадовалась вместе с ним. В памяти возник образ Ожиганова. Мир должен быть заполнен такими людьми, как он, заполнен до отказа. Наше дело учиться и учить других. И в сознании мелькнули дети — учащиеся профтехшколы, и тот день, когда он вновь появится перед ними в роли учителя, думалось ему, будет тоже радостным... И Лена — она тоже станет учительницей. Как это хорошо!

Утром Николай Павлович отвез Степу и Лену в Михайловку, к Серафиму Петровичу. Лена привезла Варваре Тимофеевне целую корзину земляники.

— Какая крупная! — обрадовалась Варвара Тимофеевна. — Такой на базаре не купишь!

Серафим Петрович похвалил этюд:

— Какие места есть на свете, какие места! — повторял он, покачивая головой. — У тебя, вижу, было хорошее настроение, когда писал.

— Да, это правда, — улыбнулся Степа, посмотрев на Лену.

— Видишь! В нашем деле самое главное — настроение. Сумеешь передать его — запоет картина, не сумеешь — фотография одна выйдет.

— Вот только луг на том берегу озера почему-то темным получился.

— Сделай подмалевку желтой охрой, она даст и свет, и тепло. Подмалевкой многие художники пользуются, но ты молодой, ищи свой секрет. Найдешь — твое счастье! Знаешь, когда я учился в иконописной мастерской, там работал один художник. Вот кто владел подмалевкой. Пил только, а хозяин все равно держал его. Бывало, закажут дорогую икону, хозяин к нему: «Ты уж Иваныч, сам пиши». Он так тщательно отрабатывал подмалевок, что по нему каждый из нас закончил бы картину.

Степа понял, для чего Серафим Петрович рассказывал ему об Иваныче. Ему, Грачеву, недоставало терпения и той усидчивости, которая была у Серафима Петровича. «Талант может погибнуть в зародыше, если человек не будет трудиться», — говаривал старый художник.

XXXI

Из командировки Степа вернулся в воскресенье, а на следующий день, придя вечером после бюро домой, он был ошарашен неожиданностью. Лидия Петровна, улыбаясь как-то двусмысленно, передала маленькую записку. Там было сказано: «Жалею, что не застала, приду часам к пяти. Шура». «Вот так да! — думал Степа, проходя к себе. Все, что было хорошего между ними всплыло наяву. Необъяснимо только одно: почему они не искали друг друга, не переписывались. Объяснение одно: «Молодежь до поры до времени плывет по течению, точно щепка, не зацепляясь за берега жизни». Это изречение Степа где-то вычитал, и оно пришло на память кстати.

Шура не заставила себя долго ждать. Пропуская ее в свою комнату, Степа обратил внимание на ее строгое платье, по особому прибранные волосы.

Поправив прическу у зеркала, висевшего в простенке между окнами, Шура окинула глазами комнату и повернулась к стене.

— Небогато ты, видать, живешь! Такой занимаешь пост, а спишь на топчане. Сразу вижу — холостяк.

Степа подвинул Шуре стул.

— А ты что, замуж вышла?

Шура присела на стул.

— Представь себе — нет. У меня другие планы: я еду учиться в Коммунистическую академию имени Крупской.

— Вот это да! Могу позавидовать. А я мечтаю в Коммунистический университет имени Свердлова. Да ты ведь, кажется, собиралась в Томский университет.

Шура достала из небольшого портфельчика командировочное удостоверение и решение укома партии и показала Степе.

— Три года работы в школе, год в рядах партии. Думаю не откажут. Москва не Томск.

Степа начал рассказывать, как он учился на коммунистических курсах. Шура внимательно слушала, посматривая на картинку «Лесное озеро». Потом встала и отошла к двери.

— Это ты рисовал?

— Я...

— Здорово! Помню, как ты малевал декорации в нашем шумиловском клубе. Хорошее время было, какое-то беззаботное. Наверное потому, что мы были юнцами. — Шура вздохнула. — Я бы на твоем месте в художественную академию махнула.

— А кто меня туда примет с тремя классами...

— В рабфак поступай.

— Поздно.

— Что мы тут сидим в духоте! Пойдем в сад. Я читала афишу. В город приехала оперетта. Ты был?

— Нет еще.

— Тем более. Пошли.

Степа быстро переоделся и сказал Лидии Петровне, что идет на оперетту.

Выйдя на улицу, Степа спросил у Шуры, где она остановилась.

— У знакомой учительницы. Мы с ней вместе работали. Послезавтра уеду. Надеюсь, проводишь?—Не получив ответа, Шура спросила:

— Может быть, я тебе в чем-нибудь помешала?

— Да нет, что ты! — Степа взял Шуру под руку, и они пошли.

В городском саду играл духовой оркестр. Степа купил билеты. Достался пятый ряд. Встреча с чем-то неизвестным всегда интересна. О том, что такое оперетта, Степа знал понаслышке. И когда они уселись на скамейке, он спросил у Шуры:

— Ты была когда-нибудь на опереточном представлении?

— Нет. Понятия не имею. Говорят, что там поют, пляшут. Словом, оперетта не драма, не опера. У нее свой жанр. Что-то сродни водевилю. В афише было сказано: «Веселая вдова» — музыка Легара. В главных ролях Михайлов и Крапивницкая. — А кто такой Легар? Степа не успел спросить. Подошел Мякин.

— А, и ты здесь!

— Познакомьтесь: Шура Виноградова. С ней вместе начинали комсомольскую жизнь.

Назвав себя, Мякин пожал Шуре руку, разглядывал ее с любопытством.

Звонок прервал их разговор.

Летний театр битком. Пробравшись на свои места, Степа предупредил Шуру: — Буду спрашивать — объясняй.

Но спрашивать не пришлось. Оперетта увлекла. Небольшой оркестр играл, как показалось Степе, совсем не так, как тогда, когда он впервые услышал симфоническую музыку. Арии, дуэты чередовались с диалогом. Шура тоже смотрела и слушала как зачарованная. Время пролетело незаметно.

— Чудесно, чудесно! — шептала Шура, когда они выходили из театра.

— А знаешь, Михайлов здорово поет, — с восторгом сказал Степа.

— И внешне красив, — добавила Шура. — А вот Крапивницкая для этой роли, мне кажется, староватa.

— Почему же! Вдова ведь! — не соглашался Степа.

— Конечно, содержание оперетты какое-то безыдейное. Отдает мещанством, а вот музыка, пение здорово! Согласна?

Шура прижала Степин локоть, и они вышли из сада. Ночью во сне в голове Степы все перепуталось. То на него смотрела с укоризной Лена, то он видел улыбку на лице Шуры, то появлялась в своей роли артистка Крапивницкая.

Люди расстаются по-разному. Когда Грачев провожал Шуру на вокзале, у него было такое ощущение, словно он делает это по долгу вежливости. Лена заслонила всех и вся. Подавая руку на прощание, Шура спросила:

— Писать будешь?

Степа ответил как-то неопределенно и, глядя на уходящий поезд, подумал: «Может быть, надо было сказать тверже? Почему же он не сказал? Потому что думал о Лене. Как она отнесется к такой переписке?»

Утром Грачев зашел к Мозгунову. Ему хотелось поделиться своими впечатлениями об оперетте. Но секретарь губкома перебил его:

— Вот какая будет оперетта! На, посмотри. — Мозгунов развернул афишу. Афиша сообщала, что в губернский город приехал глава обновленческой церкви митрополит Веденский и что по вопросам религии состоится диспут.

Степа недоуменно посмотрел на Мозгунова.

— Звонил Предэ и просил тебя срочно к нему зайти. Потом поговорим.

Предэ встретил Грачева с вопросом:

— Ну-с, слыхал?

— Вы о приезде Веденского? Слыхал.

— Этот митрополит — человек ученый, ловок в своем деле. Распушить его — дело, скажу, не простое. Пригласим на диспут актив и рабочих. Очень важно будет положить Веденского на лопатки по всем вопросам. Тогда мы сделаем большое дело. О диспуте будут знать тысячи верующих. Одержим мы верх — и они качнутся к нам. Не все, конечно. Но определенная часть засомневается в церковном учении, в попах. А сомнение верующего — это его первый шаг к освобождению от этой веры. Тебе тоже придется выступить.

— Мне?

— Да, от молодого поколения. Стержнем своего выступления бери тему «Труд и религия». Во-первых, отметь, сколько труда растратило человечество на сооружение церквей, монастырей, часовен. Во-вторых, сколь-

ко служителей культа по существу были паразитами народа. И это в то время, когда вокруг миллионы обездоленных, голодающих. Церковь всем обещала райскую жизнь после смерти, то есть попросту обманывала верующих. По сведениям, которыми мы располагаем, — сказал доверительно Предэ, — Веденский на диспуте уделит большое внимание морально-этическим вопросам, попытается убедить, что религиозная мораль не противостоит нашей, коммунистической. Ну, это я беру на себя.

Степа несколько вечеров готовился к своему выступлению. Ему помогали труды профессора Тураева по истории Востока, Византии. В библиотеке Грачев нашел книжки по архитектуре античного мира и средневековой готике. «Прав был Предэ», — думал Степа, читая и перечитывая литературу. Тема казалась ему выигрышной, факты убедительными. Оставалось логически связать и обобщить их, привести примеры из жизни.

И вот наступил день диспута. Партийный клуб не мог вместить всех желающих. Митрополит, поглаживая пышную темно-русую бородку, бархатным баритоном вкрадчиво вел речь. Располагал он к себе слушателей не только голосом, но и осанкой, благородным видом. Митрополит говорил о вере как о внутреннем убеждении, а не как отправлении обрядов. «Бог — не икона, а бог в нас», — часто повторял он. Он резко отозвался о тех, кто пытается очеловечить бога, сделать его символом религии. Ее служение человеку он почитал за благо, ибо религиозные заповеди помогают верующему быть чище, лучше самому по себе и по отношению к близким.

«Да, Предэ был прав, силен, — подумал Степа. — Один на один я с ним уж точно не справился бы». А Веденский между тем пытался убедить слушателей в общности религиозной и коммунистической морали. Сравнивая выдержки из библии с цитатами из «Коммунистического манифеста», он стал доказывать, что и Христос и коммунисты первым своим делом почли благо человека, служение ему.

Когда митрополит кончил речь и перекрестился, из угла посыпались вопросы.

— Почему церковь поддерживала царя?

— Всякая власть от бога, — степенно ответил Веденский, благолепно возведя руки к потолку.

— Почему попы держали народ в темноте?

Митрополит обстоятельно разъяснил, что церковь еще со времен раннего христианства была единственным очагом грамоты, что даже удельные русские князья, за небольшим исключением, не могли ни писать, ни читать, тогда как почти все священнослужители хорошо не только читали и писали, но и знали многие иностранные языки. Митрополит подробно рассказал о просвещении народа церковноприходскими школами.

После такого ответа Степа услышал одобрительный шепот, увидел несколько посветлевших лиц.

Чтобы избежать прямых ответов на вопросы, где Веденский чувствовал слабость своей позиции, он часто прибегал к спасительному аргументу: «Пути господние неисповедимы».

— Почему попы боролись с теми, кто не верил в бога? — выкрикнул кто-то из группы рабочих.

— Еретики сеяли смуту, — пояснил митрополит, — а учение Христа спасает людские души от соблазнов, от падения во грех.

— Тогда почему же церковь преследовала ученых, сжигала их на кострах?

Степа посмотрел на задавшего вопрос — по пенсне и одежде это был, видно, учитель. Митрополит подавил мгновенное замешательство, погладил бороду, собираясь с мыслями, и стал говорить о гордыне одиночек, заботящихся только о личном благе, о том, что не всегда знание есть благо. Не преминул он заметить, что инакомыслящие подрывали основы веры, то есть первыми бросали вызов церкви.

Человек в пенсне сомнительно покачал головой, не удовлетворившись таким ответом. Митрополит это заметил и добавил:

— Надо признать, что не всегда священнослужители были правыми. В ослеплении своем они ошибались, ибо божьи слуги были людьми, а люди не всегда следовали заветам Христа. Мы проповедуем любовь к ближнему, не убий, а люди с именем божьим на устах воюют, убивают братьев своих.

Вопросов больше не задавали, и Веденский, поклонившись, сошел с трибуны. Его место занял Предэ. С позиций марксизма он обнажил социальные корни религии, опроверг учение церкви о бессмертии души и доказал, что коммунистическая мораль не имеет ничего общего с моралью религиозной.

— Да, церковь хочет представить себя защитницей народа, — заявил Предэ, — на самом же деле она в первую очередь защищала власть имущих, держала в темноте и покорности тех, кто трудился, чтобы они не могли взять себе плоды своего труда. И не случайно князья, цари, купцы, а затем помещики и капиталисты всячески поддерживали духовную власть над трудовым народом. Все без исключения служители церкви — паразиты, нетрудовые элементы. Они были заинтересованы держать народ в невежестве, ибо, прозрев, он освободился бы от пут ненужной веры. Что он сейчас и делает!

Раздались одобрительные хлопки.

— Митрополит Веденский говорил о том, — продолжал Предэ, — что священнослужители, дескать, проповедовали гуманную христианскую мораль. Коммунисты тоже за гуманизм. Но коммунистическая мораль строится не на отвлеченной вере и проповедях для темных людей, а на самой жизни. Мы хотим, чтобы народ не только верил в коммунизм, но строил его сам, приближал его каждым трудовым днем. Мы говорим «не укради» не вообще, а потому, что вор — это паразит, живущий трудом других, но мы эту заповедь не проповедуем, а решительно боремся с такими чуждыми нашему обществу элементами, которые не могут долго в нем существовать.

«Вот это оратор! — восхищался про себя Степа. — Я уж подумал: туго ему придется после такого выступления митрополита».

— Жизнь человека должна зависеть от него самого, а не от божественного предопределения, — воодушевленно продолжал Предэ, изредка взглядывая на блокнот. — Атеизм древнее всякой религии. Вера в сверхъестественное возникла у человека от незнания законов природы, а не от бога. Когда великим князьям стало не угодно поклонение солнцу, грозе, всяким стихиям, они сбросили всех идолов и на их место посадили одного — Христа. Та или иная религия, ее разные течения всегда приспосабливались к экономике того или иного периода общественного развития. Примеров тому можно привести множество. Хотя бы тот, почему вдруг в наше время объявились тихоновцы и обновленцы. Тихоновцы держатся за старое, скрыто или явно не хотят признавать Советскую власть. Наиболее умные церковники понимают, что социалистическая революция всколыхнула мас-

сы, дает им грамотность и новую мораль, и они стараются, чтобы не потерять доверие верующих, приспособить учение Христа к новым условиям. Не будь революции — не было бы никаких обновленцев!

На этот раз хлопков было значительно больше. «Действует, — отметил обрадованный Степа. — Еще бы! Не говорит, а гвозди в голову заколачивает». И Степа втайне был горд тем, что близко знаком с Предэ.

— Почему церковники всегда и всячески расправлялись с атеистами, учеными? Да потому, что свет знания озарял всю гнилость и ненужность религиозных догм, звал людей к лучшей жизни через освобождение от пут веры. Лучшее тому доказательство — наша революция.

Предэ убедительно доказал, почему массы верующих пошли за атеистами-большевиками, а не за попами, почему новая коммунистическая мораль пришлась по душе трудящимся. Вопросов ему не задавали, и он сошел с трибуны под дружные аплодисменты.

Настала очередь Степы. Он настолько разволновался, что, казалось, не сможет связно сказать и нескольких фраз. Но едва поднялся на трибуну, как сразу успокоился.

— Если разом оглядеть всю землю, то можно заметить, что самые большие и красивые здания на ней — это соборы, церкви, минареты, синагоги и разные божественные храмы. Сколько средств, человеческого труда затрачено на их постройку? Невозможно даже представить. И все, можно сказать, впустую. И это в то время, когда народы голодали, жили в жалких лачугах, а то и вообще под открытым небом. В одной книжке я прочитал, что на строительство одного собора в Германии ушло столько средств, что их хватило бы на то, чтобы построить дом на несколько тысяч человек. А сколько времени, труда ушло на украшение этих церквей — на иконы, расписывание? Тоже много. Сколько времени люди потратили на молитвы, разные священные обряды? И все для того, чтобы славить, кого на свете-то белом нет. Тысячи людей — от церковных сторожей, служек в монастырях до митрополитов всея Руси — ни на копейку не принесли пользы, а жили получше других за счет народа. Это разве справедливо?! Вот так попы заботились о народе.

Степа часто отрывался от записей, чтобы говорить прямо в зал, и поэтому нередко возвращался к одним и

тем же фактам. Он приводил примеры из истории, чтобы наглядно показать, сколько труда было напрасно затрачено на всякие священные сооружения. Степа уже собирался было сойти с трибуны, как припомнил вдруг рассказ матери, и он с новой силой заговорил:

— Мать рассказывала мне, как в одном селе дьячок поджег деревянную церковь, чтобы построить церковь каменную. Деньги на нее собирали во многих селах — у бедняков гроши отнимали, и, когда нужную сумму собрали, архирей прибрал ее к своим рукам, и мужики построили церковь сами — сами делали кирпичи и по воскресеньям клали.

Ему тоже одобрительно хлопали. После него выступил священник-обновленец, который пытался доказать нужность церкви народу, власти, что она не мешает, а помогает ему и при новой жизни.

— Хватит нам морочить голову! — резко заявил рабочий, сменив обновленца. — Было время — попы обманывали нас. Большевики растолковали нам, что к чему. Нам, рабочим, не нужен загробный рай, да и то, оказывается, — он усмехнулся, — не каждый туда попадет, а то можно еще и в ад угодить. Мы рай земной сами построим, сами не поживем, так дети и внуки пусть наслаждаются настоящей жизнью. Мой отец почти всю жизнь у попа в работниках был, так если рассказать, что он знал о поповской семье, — не поверите. Этот поп в монастырь каждый месяц на гулянки к монашкам ездил, свиней кормил пасхальными яйцами и куличами, сына без содержания оставил, когда тот не захотел поступить в духовную семинарию. И так он сына этого довел, что тот удавился в конюшне. Вот вам и попы-человеколюбы. Они бедный люд в темноте держали — им выгодно, чтобы люди ничего не знали. А мы хотим быть грамотными — научиться писать, читать, считать, чтобы новую жизнь — лучшую — быстрей построить.

Рабочего тоже проводили аплодисментами. Заключительное слово произнес Веденский. Он пытался опровергнуть Предэ, доказать, что человеку без веры нельзя, что заблудшие еще вернутся в лоно церкви. Но его уже слушали невнимательно — это Степа заметил по лицам присутствующих на диспуте. «Можно точно сказать, что победа наша», — ликовал он.

После диспута к Степе подошел редактор губернской комсомольской газеты и попросил:

— Отработай свое выступление, сожми немного, и получится хорошая статья.

Утром позвонил Крайнев. Он предложил повторить выступление на диспуте студентам третьего и четвертого курсов механического техникума.

Степа выступил. Слушали хорошо. Один из студентов спросил:

— Строительство храмов и дворцов двигало технику вперед, товарищ Грачев, или нет?

Степа не был подготовлен к такому вопросу и не сразу нашел ответ, но он все же сообразил, что не топтались же строители на одном месте, и сказал:

— Двигало, конечно...

— Значит, был прогресс? — не унимался студент.

— Вопрос сложнее, чем думает товарищ. И храмы, и дворцы в честь небесных и земных богов создавались руками народных мастеров. Но речь здесь идет о другом. Какую, например, пользу народу принесли египетские пирамиды или Исаакиевский собор? А ведь их строили десятки тысяч людей. А если бы они строили дома, другие нужные народу сооружения? Это был бы настоящий прогресс.

Доводы Степы подействовали, и вопросов больше не последовало.

Со статьей для молодежной газеты не клеилось. Одно дело говорить, а писать — другое. Степа дважды переделывал написанное, прежде чем отнести статью в редакцию. А тут еще Мозгунов предложил ему написать циркулярное письмо укомам и волкомам о проведении своих антирелигиозных праздников. Он говорил Степе:

— В письме подчеркни, что штурмом религию не возьмешь. Карнавалы и шествия — это только внешняя сторона дела. Нужна тщательно продуманная антирелигиозная пропаганда, опирающаяся на научную основу. Ругать богов нетрудно, труднее раскрыть социальные корни религии, доказать, что она опиум народа.

Излагая эти мысли в проекте письма, Степа думал: «Кто же лучше учителей сумеет вести антирелигиозную пропаганду не только среди взрослых, но и среди школьников! Плюс партийный и комсомольский актив».

Ознакомившись с проектом письма, Мозгунов предложил послать его не только комсомольским, но и партийным органам.

— Покажи письмо Предэ. Пусть он подпишет.

Прочитав письмо, Предэ сказал:

— Оставь его у меня, я кое-что добавлю. — Заметив, что Степа замешкался и не собирается уходить, Предэ спросил: — Ты что, не доверяешь мне?

— Что вы, товарищ Предэ! У меня истекает срок кандидатского стажа. Рекомендацию Мозгунова и бюро губкома я имею. — Нужна еще одна рекомендация и я хотел просить ее у вас.

— Ну, что ж! Быть коммунистом дело великое. — Предэ тут же написал рекомендацию и, вручая ее Степе, сказал: — Когда будет собрание, позвони. Постараюсь принять в нем участие.

Заявление о переводе из кандидатов в члены РКП(б), рекомендации Степа вручил секретарю партячейки лесозавода. От него Грачев узнал, что вместе с ним переводить из кандидатов в члены будут и Осокина, у которого тоже истек кандидатский стаж.

Степа перебрал в своей памяти все, что он делал, будучи кандидатом, и ему казалось, стесняться нечего. Вспомнил он и о пивнушке и о разговоре с Мозгуновым. «Спросят, скажу как было», — думал он.

Предэ свое слово сдержал. Увидев Степу, он подошел к нему.

— Волнуешься? Надо, надо волноваться. Это полезно. Запомнишь на всю жизнь.

На собрании вопросов задавали немного. И Осокина и Грачева на заводе знали. Отвечая на вопросы, Степа поглядывал на Предэ — тот в знак одобрения кивал головой. Голосовали за, против не было. Выступив с напутственным словом, Предэ говорил:

— Нам, старшему поколению большевиков, приятно видеть, когда наши ряды пополняются молодежью, подготовленной комсомолом. Пройдет несколько лет, и они сменят нас — это им строить социализм. Мы начали — им продолжать наше дело. Достойно продолжать. А это значит, не считаясь ни с чем, отдать все силы на благо народа.

Слушая Предэ, Степа вспомнил Прибыткова, Яшина, Ожиганова. Да, они действительно были коммунистами. Сумеет ли он быть таким, как они?

— Но один ничего не сделаешь, — продолжал Предэ, по привычке опустив левую руку в карман. — Сила партии — в ее единстве. Не забывайте, товарищи Осо-

кин и Грачев, что отныне все члены партии — ваши товарищи по духу и общему делу, всегда чувствуйте их локоть, помогайте им. Помните: где вы ослабили строй партийных рядов, туда может прорваться враг. В жизни много соблазнов — будьте стойкими. Оступился раз-другой — и ты уже не коммунист по существу. Хотя и будешь носить в кармане партбилет, ходить на собрания, судить товарища, на что фактически потерял право. Желаю вам не останавливаться на достигнутом, всегда идти вперед, увлекать за собой других.

После собрания у Степы было такое чувство, словно на его спину взвалили новую ношу. А выдержит ли он? Предэ трижды прав, когда говорил о правах и обязанностях коммуниста. Устав партии Степа штудировал не раз, но в Уставе не могут быть предусмотрены все случаи жизни. Коммунист должен соразмерять все свои поступки с тем, как они увязываются с интересами коммунистической партии, Советской власти. Этот вывод, к которому пришел Степа не только на основе личного опыта, но и опыта других товарищей, был, как он думал, основополагающим.

Лена приехала поступать в педагогический техникум. Остановилась она у своей тети. Забегала к Степе урывками. Приближался учебный год, и Степе тоже пришлось готовиться к занятиям в профтехшколе. Опыт подсказывал: нужно знать куда больше, чем требуется для каждого урока. Степа был уверен, что Лена не подведет, и он не ошибся. Ее приняли сразу на второй курс педагогического техникума. Оставалось решить вопрос, где жить. Степа не хотел беспокоить преждевременно хозяйку, но Лидия Петровна как-то спросила:

— Вы что, уже поженились?

— Пока нет, только собираемся...

— Надумаете, живите у меня.

Степа поблагодарил. А когда он сказал об этом Лене, та показала письмо матери. Слова «учись, живи, у тети» были в письме подчеркнуты. Казалось, в жизни никаких перемен не ожидается. Работа шла в обычном ритме: губком, губоно, профтехшкола. Степа мечтал с Леной и Осокиным поехать по Оби, пописать этюды. Но так и не собрался. Снег выпал рано и уступать свои права осени не собирался. Как-то Мозгунов сказал Степе:

— Надо поговорить один на один.

«Не о Еве ли пойдет речь?», — подумал Грачев.

Разговор состоялся после очередного заседания бюро. Когда все ушли, Мозгунов посмотрев в окно на падающие хлопья снега, заговорил:

— Надо решать два вопроса: о Еве и Шустине. Хочу знать твое мнение.

Степа насторожился.

— Приткер просится на учебу, а Шустина губком партии собирается выдвинуть на партработу. По возрасту он переросток, и, пожалуй, для него, да и для дела также выдвижение своевременно. Кого-то из них тебе придется заменить.

Степа тоже подошел к окну и вопросительно посмотрел на Мозгунова. Тот спросил:

— Брякин подойдет вместо Шустина?

— Думаю, что да.

— Что ж, в таком случае тебе придется возглавить горком.

— А как же школы крестьянской молодежи?

— На твое место можно выдвинуть Осокина. Горком тоже важный участок. И я уверен — из тебя выйдет хороший секретарь...

Помолчав, Мозгунов добавил:

— Пусть разговор останется пока между нами, а ты, подумай, потом скажешь мне.

Долго думать не пришлось.

Дня через два Грачев направился к Пузикову. В последнее время их отношения наладились. Степа часто заходил в кабинет завгубоно. Не успел он открыть дверь, как его догнала делопроизводитель и сказала, что из губкома партии звонил управделами и просил передать, чтобы Грачев немедленно явился в губком. Каково же было удивление Степы, когда в кабинете управделами он увидел Ожиганова. На груди его старшего товарища и наставника алел орден Красного Знамени.

— Борис Андреевич! — обрадованно вскрикнул Степа.

— Не ожидал? Приказано принимать губком.

— А орден за что?

— За Дальний Восток. Кончили мы там банды. Садись, поговорим. Дело к тебе есть. — Ожиганов потер руки и присел к столу напротив Степы. — Назначили меня секретарем губкома. Скоро партконференция, и вопрос будет решен окончательно. Просился на учебу, но

в ЦК решили иначе... Дело вот в чем: назрела необходимость укрепить аппарат губкома, и я, обдумав все, решил предложить тебе возглавить информационный подотдел с правами заместителя заведующего отделом. Внутрипартийная информация как инструмент обмена опытом приобретает все большее значение в партийной работе. Это — во-первых; во-вторых, у тебя есть склонность к журналистской работе. Пишешь статьи. Уж где-где, а материала для газет будет больше чем достаточно. — Заметив нерешительность Степы, Ожиганов продолжал: — Надо смелее выдвигать комсомольских активистов на партийную работу. Думаю, мы сработаемся, — лукаво улыбнувшись, добавил Ожиганов и, помолчав немного, спросил: — Ну как, согласен?

Степа хотел напомнить Ожиганову о его обещании послать учиться в Коммунистический университет. Но он не сделал этого. Зачем? Ему оказывают большое доверие, выдвигая на партийную работу. Вправе ли он отказываться? И когда Ожиганов вторично спросил, согласен ли, Степа ответил:

— Спасибо за доверие, Борис Андреевич. С вами я...

— Ну и хорошо, — мягко перебил его Ожиганов. — Мозгунову я сам позвоню. Но имей в виду: для тебя наступила иная пора жизни. Иная. То, что ты сам себе прощал по молодости, по неопытности, что тебе прощали товарищи —в губкоме партии тебе не простят. Здесь несколько иные мерки человека. Работа на совесть, безукоризненное поведение везде и всегда — некоторым в губкоме, я знаю, это в тягость. Это тем, кто не прочь позволить себе расслабиться, вкусить сладости жизни. А сладость жизни настоящего коммуниста в том, чтобы отдать всего себя делу революции, благу своего народа. Карьера и партия — это несовместимые понятия. Власть в нашем понятии не столько права, сколько обязанность — обязанность сделать все возможное для рабочих и крестьян. Почему таким должен быть работник губкома? Да потому, что своими ошибками мы бросаем тень на Советскую власть, на всю партию. Работа наша строится на взаимном доверии. У вас в комсомоле пока немало людей случайных, нередко вся работа строится на том, кто кого уважает, а кто кого нет. В аппарате губкома такого быть не может — мы друг другу доверяем полностью. Почему я тебе это говорю? — Ожиганов пристально посмотрел Степе в глаза. — Тебе я, конечно,

доверяю. Но хочу, чтобы ты знал нашу обстановку, почувствовал разницу между тем, что и как ты делал и что и как будешь делать. Поучать больше не буду — думаю, все ты понял как надо. — Помолчав, Ожиганов, как бы между прочим, спросил: — А невеста у тебя есть? — Степа смутился. — Вижу, есть. Сколько ей лет?

— Восемнадцать. Она дочь лесничего. Учится в педтехникуме. Зовут ее Леной.

— Вот и отлично. Теперь слушай. На днях один из работников губисполкома уезжает на родину, в Кострому. Остается квартира — две небольшие комнаты. Занимай эту квартиру. Обстановка казенная, на столе телефон. Ну что тебе еще надо?

— Спасибо, Борис Андреевич, — обрадованно сказал Степа.

Из губкома Степа уходил взволнованным. У Степы было такое ощущение, словно он расставался с чем-то очень близким, привычным, зная, что впереди его ждут очень серьезные дела и вся жизнь его была только подготовкой к ним.

* * *

Тяжело болел Ленин. Вся страна внимательно следила за газетами, в которых сообщалось о состоянии здоровья вождя революции. С каждым днем росла тревога: Ильич чувствовал себя все хуже и хуже. Степа никак не мог себе представить, что Ленин может умереть. Это было бы слишком ужасно, и он втайне надеялся, что Ильич выздоровеет.

В тот страшный январский день он пришел в губком перед обедом — с утра Степа ездил в железнодорожные мастерские. В губкоме было пустынно. «В чем дело, — подумал Грачев, — что случилось, куда все подевались?» В коридоре ему встретился встревоженный Шустин, бросил на ходу:

— Ленин умер!

— Не может быть, — как-то очень спокойно возразил Степа и вдруг почувствовал, как в виски ударила кровь. Внутри у него как будто что-то оборвалось. Он прошел в комнату политпросвета и опустился на стул. Вновь появился Шустин:

— Ты что тут сидишь? Пойдем в партклуб, там собирается актив.

В клубе за столом президиума стоял Ожиганов. Лицо его было суровым, задумчивым. В зале мертвая тишина. Ожиганов зачитал правительственное сообщение о смерти Ленина, полученное по телефону. Снова наступило молчание. Слишком сильным и неожиданным было всенародное горе. Боль подступила к сердцу каждого. Она пока не вырывается наружу. Каждый переживал страшную весть по-своему.

Степа смотрел на знакомые и незнакомые лица. Все как будто боялись взглянуть друг на друга. Наконец Ожиганов сказал:

— Велика, невосполнима утрата. Ленин открыл для человечества новую эру. Это был ученый, гениальный стратег революции, вождь рабочего класса. Нелегко будет партии без Ленина. Но Ильич оставил нам огромное научно-теоретическое наследие, которое, как маяк, будет освещать дорогу поколениям. Будем же, товарищи, достойными наследниками вождя революции и поклянемся высоко нести его знамя.

Вечером Степа выступил с воспоминаниями о Ленине в клубе лесозавода. Пришли рабочие, ребята, комсомольцы и комсомолки, беспартийные, много было взрослых. Что говорить? Конечно, он будет говорить о живом Ленине и, собрав в памяти все, что запечатлелось в его сознании в дни Всероссийского съезда РКСМ, начал рассказ. Временами к глазам подступали слезы, к горлу комок, но усилием воли Грачев сдерживал себя.

Потом он выступал в клубе водников, в механическом техникуме и перед молодежью овчинно-шубного комбината.

Шесть дней страна пребывала в скорбном.

Дни тянулись медленно. В последний вечер прощания с вождем на главной большой площади губернского города собрался траурный митинг. Со всего города двигались сюда колонны рабочих, служащих, школьников с опущенными знаменами, скорбными, суровыми лицами. Общее горе сблизило, сплотило людей. На балкон здания губкома партии вышли члены губкома, президиума губисполкома, губпрофсовета. Здесь же были установлены аппараты проволочного и беспроволочного телеграфов, связанные прямо с Москвой. Несмотря на тридцатиградусный мороз, все сняли шапки, платки, и над площадью поднималось облако пара от тепла и дыхания толпы.

В Москве был еще день, а здесь уже зажглись тусклые электрические фонари. Один из работников губисполкома громким голосом сообщал с балкона о том, что происходит в это время на Красной площади. Огромное людское море голов вздоргнуло, когда на железнодорожной станции разом взревели гудки паровозов, к ним присоединились гудки заводов и фабрик. Потух свет. Толпа колыхнулась, ахнула, не выдержав, заревели женщины, заплакали мужчины. По всей стране точно часовые застыли поезда и пароходы, уличные трамваи и машины, встали фабрики, заводы, электростанции.

Последние пять минут скорбного прощания с Ильичем. Степа стоял в колонне лесозаводцев и чувствовал, как его колотит дрожь. Рядом всхлипывал Сережа Осокин.

Умер необыкновенный человек.

Вспыхнул свет. Людское море опять колыхнулось, словно очнувшись от тяжелого сна. Оркестр заиграл «Интернационал», и тысячи людей — коммунистов и беспартийных, женщин и детей — подхватили слова революционного гимна. Это была клятва верности заветам Ильича.

Люди долго не расходились. Слова утешения были бы теперь неуместны. Ленин умер, но он оставил не только научно обоснованные идеи будущего, но и созданную и выпестованную им партию большевиков — признанный авангард рабочего класса. Она-то знает, куда вести народ, как строить новое социалистическое общество. Эти слова из воззвания Центрального Комитета РКП(б) к партии и ко всем трудящимся в связи с кончиной Владимира Ильича вселяли в сердца людей уверенность в победе дела Ленина.

Утром следующего дня Степа по дороге в губком, но теперь уже партии, не мог не думать о Ленине. Он видел его живым и не мог представить, что Ленин может быть мертвым. И хотя он все же начинал сознавать, что смерть без единого исключения не щадит никого, ему казалось: пока он жив, жив будет и великий вождь, который указал всем коммунистам одну дорогу из тысячи других, и по этой дороге Степе идти вперед. Идти всегда, до последнего дыхания.

ОБ АВТОРЕ

Автор книги «Пытливая юность» Василий Васильевич Гредель родился в 1904 году в Белоруссии, в семье крестьянина-бедняка. В годы первой мировой войны семья эвакуировалась в глубь России, а затем переехала на Алтай, где молодой Василий работал на кулаков. Судьба его круто изменилась весной 1920 года, когда в селе, где он жил, была организована ячейка РКСМ и Гредель стал ее первым председателем. В 1921—1924 годах он на комсомольской работе сначала в Бийском уездном, а затем в Алтайском губернском комитетах комсомола. Последующие пять лет Василий Васильевич занимает ответственные посты в уездном и окружном комитетах партии. Он был делегатом XIV Всероссийского и V Всесоюзного съездов Советов и голосовал за принятие первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны.

После окончания Коммунистического университета в Москве Гредель направляется на партийную работу в Башкирский обком партии. В Уфе он редактирует областной партийный журнал «Путь Ленина» и в то же время является корреспондентом газеты «Известия» по БАССР.

В середине тридцатых годов Гредель учится в институте красной профессуры в Москве.

С 1946 года он преподаватель русской литературы в Башкирском педагогическом институте, а затем в Башкирском государственном университете.

Василий Васильевич Гредель член КПСС с 1924 года, персональный пенсионер республиканского значения. Награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

Гредель В. В.

Г 79 Пытливая юность. Изд. 2-е, доп. Барнаул, Алт. кн. изд., 1978.

272 с.

Автор — один из организаторов комсомола на Алтае, активный комсомольский работник 20-х годов — рассказывает о жизни и работе комсомольцев того времени, о деятельности комсомольских ячеек, уездного и губернского комитетов РКСМ.

Рассчитана на комсомольцев и молодежь.

3 КСМ

Гредель Василий Васильевич

ПЫТЛИВАЯ ЮНОСТЬ

Редактор В. Попов
Художник Б. Храбрых
Художественный редактор Б. Лупачев
Технический редактор М. Сафонова
Корректор Г. Ульченко

ИБ 375

АГ 10594. Сдано в набор 26. XII. 1977 г. Подписано к печати 18. IX. 1978 г. Формат 84Х108/32. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,897. Тираж 10000 экз. Заказ № 180. Цена 60 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — Барнаул, Ленина, 76.
Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — Барнаул, Г. Титова, 3.

